

ДЖЕФФ НУН

ПИКСЕЛЬНЫЙ СОК

Содержание

ПОСВЯЩАЕТСЯ	6
ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ	6
ПРОЛОГ: ЧАСЫ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: АРОМАТЫ ИЛЛЮЗИЙ	8
ПОКУПАТЕЛИ	8
ОТРАДА	10
ОТВОРЕНЫ ПОКОИ НОЧИ	15
И НИКАКОЙ СЛЕЖКИ	24
АЛЬФАБОКС (1)	28
МЕТАФОРАЗИН	31
АЛЬФАБОКС (2)	33
QWERTY-ФОБИЯ	34
АЛЬФАБОКС (3) (<i>с переходом в микс</i>)	37
МЛАДШИЙ СУТЕНЁР	39
ЗАБРОШЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ	55
ГОМО-КАРАОКЕ	58
ДАБ-КАРАОКЕ (<i>электрический хайку ремикс</i>)	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПРИТЯЗАНИЯ ИНФЕКЦИЙ	67
ЖУК-КОМПАС	67
ФЕТИШ-КАБИНКА №7	76
СУТЕНЁР! — НАСТОЛЬНАЯ ИГРА	82
ХРОМОСОФТ МИРРОРС (V.4.2)	85
ШАГАЮЩИЕ ПО ОБЛАКАМ	88
БЛЮРБЫ	110
ДАБ-БЛЮРБЫ (<i>пресс-релиз twister remix</i>)	115
ТВИДЛЫ	116
ТОВАР: МЭРИЛИН МОНРО	122
ЭКСТРАВИРТ	123
ДУШИСТАЯ МАШИНА	129

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ	132
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МАРШРУТЫ ЯДОВ	133
ДОБРАТЬСЯ ЖИВЫМ ДОМОЙ (<i>с переходом в микс</i>).....	133
ПИКСЕЛЬНОЕ ЛИЦО	135
СТИГМАТА.....	150
АУТОПСИЯ КОЛИБРИ	155
ИЗ КНИГИ О НИМФОМАТИЗАЦИИ	158
ТЕНЬ ГДЕ-ТО РЯДОМ	160
ЗОВ СТРАННОСТИ.....	173
ДАБ-ШИЗ-ДАБ (<i>ремикс ползучего короля-пса</i>).....	176
МАШИНА ХАРИЗМЫ	177
КОСМИЧЕСКАЯ ТОСКА И СЕРДЦА-КОРАБЛИ.....	192
ДАБ-КОРАБЛИ (<i>блюз для пропавшего астронавта</i>).....	196
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ОБЪЯТИЯ ОТРАЖЕНИЙ	198
ОБРАЗЦЫ.....	198
ПРИЗРАЧНЫЙ НОЛЬ.....	203
ПОЛЗУЧИЙ ГОРОД.....	209
ОРГМЕНТАЦИИ (<i>с переходом в микс</i>)	220
РУКИ ДИДЖЕЯ	222
БАССОВАЯ ПЫЛЬ	228
В ЛИМУЗИНЕ РОК-ЗВЕЗДЫ	230
СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ — ГИПЕР-АЛИСА	236
ОСЕРЕБРЕНИЕ	237
ПОКА ВСЁ НЕ ИСЧЕЗНЕТ	239
ПИКСЕЛЬНЫЙ ДАБ-СОК (<i>ремикс от саблаймерикса</i>).....	245
НОЧНОЙ ШОППИНГ	247
ЭПИЛОГ: ЧАСЫ	249
ВЫЖИМАЯ ПИКСЕЛИ (Личные заметки Джеффа по каждому рассказу в «Пиксельном соке»)	250
ПРЕДИСЛОВИЕ	250
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: АРОМАТЫ ИЛЛЮЗИЙ	251

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПРИТЯЗАНИЯ ИНФЕКЦИЙ.....	259
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МАРШРУТЫ ЯДОВ.....	264
ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ОБЪЯТИЯ ОТРАЖЕНИЙ	269

Джефф Нун

ПИКСЕЛЬНЫЙ СОК

PIXEL JUICE

Copyright © 1998 by Jeff Noon

Иллюстрация обложки: Laure Afchain.

Перевод: [Евгений Девяткин](#), Notabenoid Team.

Редактура: Алекс Полднев, 2026 г.

«Пиксельный сок» — это концентрированная выжимка из бурлящего разума. Полсотни историй из головы Джеффа Нуна, каждая из которых необычная, поучительная, тревожная или просто дико странная: городские байки, инструкции к утраченным устройствам, правдивые признания, словесная акробатика, отзыв бракованной продукции, реклама чудесатых гаджетов, прозаические ремиксы в стиле даб. Вас также ждут истории из цикла «Вирт» и прочие откровения, включая обнаружение «кнопки выключения» в теле человека, подробности того, чем роботы делают пирсинг, и те самые труднодоступные правила настольной игры «Сутенёр» — узнайте, как играть и выигрывать! Зовите это Слипстримом, Авангардной беллетристикой, Калейдопанком... зовите как хотите, только не мешкайте. Количество идей на страницу угрожающе близко к предельно допустимой норме.

«Выжимая пиксели» — бонус издания, представляющий из себя личные заметки Джеффа по каждому рассказу из «Пиксельного сока».

ПОСВЯЩАЕТСЯ

несколько историй для МИШЕЛЬ и БИЛЛА;

и несколько для СТИВА и БАРБАРЫ;

«И никакой слежки» для ГОРДОНА;

«Экстравирт» и «Душистая машина» для THE BULLETS OF AUTUMN

— www.bulletsofautumn.co.uk;

«Заброшенное снаряжение» для ДЖИММИ;

«Оргментации» для МЭТТЬЮ;

«Жук-компас» для ПОЛЛИ и ВАНЫ;

«Руки диджея» для ДАГА;

«Гомо-караоке» для МАЙКЛА;

и остальные для ПЭТ и ДЖЕКА

всё и вся для ДЖУЛИ

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

следующим изданиям за предоставление оригинальных миксов:

THE BIG ISSUE за «Зов странности» и «Отраду»;

CITY LIFE за «Гомо-караоке»;

GUARDIAN за «Твидлов»;

RAISE за «Пока всё не исчезнет»;

RANDOM FACTOR за «Блюрбы»;

WATERSTONE'S DIARY 1997 за «Покупателей»

с благодарностью

ПРОЛОГ: ЧАСЫ

Однажды, когда я был маленьким мальчиком лет семи-восьми и учился в младшей школе, на детской площадке ко мне подошёл один парень, Колин Брэдшоу.

— Который час, Нунни? — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

— У тебя что, часов нет?

— Не-а!

— А у меня есть одни. Особенности. Такие носят шпионы. Они невидимые.

Этот Брэдшоу был самым большим хулиганом в классе, постоянно околачивался вокруг со своей бандой и издевался над всеми.

— Ого! Невидимые! — сказал я. — А можно посмотреть?

— Они же невидимы, болван! К тому же, я не взял их сегодня. Они дома. Но я могу тебе их отдать, если хочешь. Мы можем обменяться.

Так что мы договорились: Колин принесёт мне невидимые часы на следующий день, а я ему модель Aston Martin DB5 Джеймса Бонда (с откидными сиденьями, пушками, которые выезжают на передней панели, и всем остальным). Это было в 60-х, тогда машинка Джеймса Бонда была, наверное, лучшей игрушкой, которую кто-нибудь мог себе пожелать. Особенно Колин Брэдшоу.

— Окей, — сказал он на следующий день. — Давай сюда машинку.

И я отдал ему машинку.

— Хорошо. Теперь вытяни руку. Ладонью вверх, болван.

Я вытянул руку, как было велено, а он полез себе в карман и вынул невидимые часы. Потом он осторожно положил их в мою дрожащую ладонь.

И я верил...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: АРОМАТЫ ИЛЛЮЗИЙ

ПОКУПАТЕЛИ

Дорин всегда хотела собаку, поэтому в первом магазине они купили семена щенков. Во втором — птичьи башмачки, которые легко порхали, когда Мэтью их надевал. В третьем магазине малыш Томми купил полдюжины поющего печенья, пять из которых он мигом проглотил. Поход по магазинам заставил его проголодаться.

В городе было лишь девять магазинов. На самом деле магазины и были городом, так огромны были они, они охватывали всё. Было непонятно, где начинается один и заканчивается другой. Немудрено, что детишки уже устали.

В четвёртом магазине Дорин купила коробку теней, щепотку которых она приняла от головной боли, вызванной пением Томми. В пятом магазине Мэтью кружил в своих башмачках вокруг клетки с поросёньями зонтиками, ругая Дорин за тени. Если уж она их взяла, то он должен купить хотя бы одного поросёнка, чтобы спастись от дождя. Ей пришлось напомнить Мэтью, что в магазинах дождь не идёт, а вместо поросят ему лучше купить яйцо мудрости. Мэтью начинал раздражать этот поход по магазинам.

Трое юных покупателей решили сделать по одной покупке в каждом из девяти магазинов. Эти сокровища дети хотели подарить маме на день рождения. Она, знаете, никогда не рисковала зайти дальше первого магазина.

В шестом магазине Томми приобрёл привидение, ценою в пенни. В седьмом Дорин купила Вечноогненную куклу. В восьмом Мэтью хотел купить настоящий кусок коровы, но Дорин сказала, что они себе этого уже позволить не могут. Вместо этого она заставила его купить дворец в Лондоне. В девятом, последнем магазине, малыш Томми купил курительную карту Манчестера, чтобы по ней вернуться домой.

Но по дороге домой семена щенков рассыпались сквозь пальцы Дорин, лёгкий ветерок подхватил их. Птичьи башмачки пытались их поймать, но врезались в рекламный щит, сбивший беднягу Мэтью. Он упал прямо на Томми, который проглотил последнее поющее печенье. Дорин потратила ещё много теней, чтобы Томми прекратил рыдать. В кармане Мэтью преждевременно треснуло яйцо мудрости. Рой букв собрался над Вечноогненной куклой, выведя в воздухе слово «ЖАДНОСТЬ». Кукла, искря волосами, с криком бросилась во дворец. Дом так яростно горел,

что даже пожарная бригада не смогла его потушить. Да и шланг они забыли.

По дороге домой к маминему киоску Томми полностью выкурил свою карту. Привидение ценою в пенни и единственные тени — это всё, что у них осталось. Дети рыдали, но мама с благодарностью приняла тени, а малышу Томми оставила за заботу и доброту его привидение. Этим вечером Томми играл с призраком, в то время как мама рассказывала о мифическом десятом магазине, вытирая слёзы печали подаренными тенями.

ОТРАДА

Помнишь «Spook»?

— Нет.

Да ну, ты должен помнить. Он появился, когда мы все были просто сбродом малых детей. Тогда все несколько лет были помешаны на нём — новый безалкогольный напиток. 99% сахара. Одна из тех штук, которые сначала отвратительны на вкус, но потом ты втягиваешься, если продолжаешь пить. Сначала в бутылке была такая прозрачная жидкость без вкуса, но в крышке было какое-то хитроумное приспособление и, если потрясти бутылку шестью различными способами, получишь шесть разных вкусов. Сейчас, если подумать, то ничего особенного в этом и не было, просто какое-то дешёвое химическое вещество растворялось в жидкости, в зависимости от того вкуса, какой ты выберешь. Но такие штуки всегда сводили детей с ума.

— А, точно. Ананас, абрикос... дюшес...

Да-да. Облепиха, рябина и обычный тоник. Ну так вот, помнишь Несбита?

— Кого?

Да ладно тебе, такой маленький тощий умник с богатыми родителями. Это он открыл нам «Spook», ведь это пошло нигде не рекламировали, ты просто узнавал о нём своими путями. И когда бы мы не пошли в магазин, он всегда говорил: «Я возьму “Spook”». Это всё, что он покупал, особенно когда обнаружил, что если трясти бутылку определённым хитрым способом, то можно смешать вкусы. Я не уверен, что сами производители знали, что можно так делать. И мы платили Несси, чтобы он делал нам комбинации, потому что только он знал секрет.

— Несси?

Ага, Несбит. Теперь ты вспомнил. Из-за него мы все подсели на эту штуку, пробуя разные комбинации. Забавно как два цвета сливались и создавали новый вкус. Помню, Несбит был хорош в математике, и он посчитал, что с изначальными шестью вкусами можно получить больше шестидесяти других вкусов, если знать, как правильно трясти бутылку. Не помню точное число.

— И он придумал названия для них?

Да, абрикос и ананас он назвал ананабрикос. Тоник и дюшес — дютон и т.д. Он нашёл все способы смешивания двух вкусов. И потом он начал мешать три. Сложная это штука — трясти бутылку именно так, чтобы одновременно освободить три вещества. Он проводил уйму вре-

мени с этими бутылками — своё свободное время, после школы, постоянно. Однажды я зашёл к нему домой, он сидел на кровати с дюжиной бутылок вокруг. Одну он удивлённо крутил в руках, как будто это была самая интересная головоломка в мире.

Первый тройной вкус, который он открыл, был ананас, абрикос и рябина. Он назвал его анабрина. На вкус ужасно, но он был так возбуждён, что это не волновало его. Так или иначе, не сам вкус привлекал его, а путь его нахождения. У него была мания найти все тройные вкусы, потом перейти на четыре, потом пять и т.д.

— Он начал поправляться?

Ага. Он же был таким худым сначала, но его тело не могло вынести столько сахара. Он ходил к стоматологу практически каждую неделю, и я помню, что у него первого из нас появились прыщи и крайне ужасные. Он хорошо учился в школе, но теперь его оценки ухудшались с каждым днём. Его родители беспокоились, пытались запретить ему покупать «Spook», не давали ему карманных денег. Это было ошибкой, потому что потом он начал пытаться воровать эту штуку и пить её тайком. Это было странно, ведь новые комбинации, которые он находил, были в самом деле противны. Думаешь, его счастье — просто играть с бутылками, но нет, ему нужно было выпить все и даже те, эксперимент над которыми был неудачным.

Мы все уже выросли к тому времени. Перешли на более изощрённые удовольствия. Как, например, пиво. И девушки, и сигареты. Но Нес-си там и остался, в поисках.

Он дал мне попробовать свою первую комбинацию из четырёх вкусов. Абрятониха, так он её назвал. Абрикос, рябина, тоник, облепиха. Честное слово, одного глотка было достаточно; меня чуть ли не вырвало! А он без проблем выпил это пойло за один присест, но по его лицу я мог сказать, что он ненавидел его. Просто он не мог остановиться.

Я назвал его Spookаголиком. Ему не было смешно.

Вместо этого он серьёзно сказал, что ищет «отраду».

— Отраду?

Конечная комбинация. Все шесть вкусов: облепиха, тоник, рябина, ананас, дюшес, абрикос. Все смешаны. Он взял первую букву от каждого фрукта: О, Т, Р, А, Д, А. Вот как он придумал название. «Отрада». Он сказал, что, возможно, пройдут года, прежде чем он обнаружит правильный способ трясти бутылку, но он намерен добиться цели, даже если умрёт, делая это.

— Он так и сказал?

«Даже если это меня убьёт». Вот что он сказал. Его точные слова.

— И он нашёл это... как там её?

«Отраду?» Ну, мы тогда разъехались, пришло время поступать в старшую школу. Я отлично справился, поступил в хорошее место, а вот Несси, который, как все думали, однажды поступит в хороший университет, оказался в худшей школе. Думаю, он просто махнул на это рукой... Твоё здоровье!

— До дна. Адская история.

Это ещё не конец. Недавно я столкнулся с ним. Господи, прошло, наверное, 15 лет с тех пор, как я видел его в последний раз.

— Да? И где же?

Знаешь паб «Cut Above»? Я там был в прошлую пятницу после обеда. Никого не было — только я и один жирный парень, такой жирный, что еле втиснулся за столик. И, похоже, ему надо было два стула. Я отсторонился от него и сел за стойкой, но он окликнул меня по имени. Я оглянулся — он махал мне, как будто мы были знакомы, но мне понадобилась секунда или две, чтобы узнать его.

— Несси?

Я подошёл. О Боже, как плохо он выглядел. Жирный, как я уже сказал, и всё ещё в прыщах в своём-то возрасте. Когда он улыбнулся мне, я увидел, что его зубы почернели, если то, что от них осталось, вообще можно назвать зубами. Он выглядел так, словно доживал свои последние дни. Я предложил ему выпить, и угадай, что он сказал.

— Я возьму «Spook»?

Ага. А его столик был весь заставлен пустыми бутылками этой дряни — должно быть, их там была целая дюжина. Я не знал, что «Spook» продают до сих пор, думаю, его нужно было запретить ещё много лет назад. Как бы то ни было, в память прошлого я купил ему ещё одну бутылку. Как по заказу, бармен не открыл её. Я поставил перед Несбитом бутылку, и он просто смотрел на неё некоторое время. Я пытался завести разговор, спрашивал его о жизни, есть ли у него работа, жена, дети. Он сказал, что безработный, разведён и что у него есть ребёнок, которого он никогда не видел. Знаешь, я очень боюсь за этого ребёнка.

— Что ты имеешь в виду?

Он рассказал мне одну историю. Помнишь интрорекламный скандал?

— Смутно. Только не говори, что он имел к этому отношение...

В этом вся разгадка. Он узнал об этом, когда ему было 21; его родители, наконец, отважились сказать ему... сволочи. Понимаешь, поэтому

они были так богаты. «Spook», сама компания, заплатила им кругленькую сумму, им и ещё двум сотням других молодых пар. Считалось, что это следующее поколение рекламы; они подседали на это ещё в чреве матери. Я не знаю подробностей, но это что-то про ввод в ДНК подсо- знательной рекламы. Они рассчитывали на этих бедных людей и, конечно, обещали, что никаких побочных эффектов не будет. Сейчас мы все, конечно, более умны, но те двести детей должны жить с этим до конца жизни.

Интрореклама, думаю, это значит внутренняя реклама. Изначальная идея была в том, что они просто разрекламируют продукт таким способом, ну знаешь — из уст в уста, когда кто-то знакомый тебе рассказывает о продукте, лучшая реклама. Вспомни, как мы сами чуть не подседали... А потом всё пошло не так; это стало зависимостью — продукт взял верх.

— Но компания выплатила компенсацию, да?

Конечно. И очень щедрую. Поэтому Несбит не работал. Но что ему с этого? Можешь догадаться, на что тратил деньги этот бедный уродец. И я боюсь за его ребёнка, потому что если это генетическое... ну, сам знаешь, оно может передаваться.

— Господи... Ещё будешь?

Нет, мне и этого достаточно, спасибо... Так вот, когда Несбит закончил свою историю, он наконец взял «Spook», который я ему купил. К этому времени я уже готов был вырвать это пойло из его рук. Не хотел я быть виноватым в чём-то. Но он был проворнее, он вцепился в бутылку и начал трясти её в разные стороны со скоростью света. Это было как смотреть на эксперта за делом, как на фокусника или кого-то вроде. И говорю тебе, у меня просто челюсть отвисла, когда шесть разных цветов появились в прозрачной жидкости. Несколько секунд в бутылке была радуга, такое маленькое торнадо из цветов. Потом они наконец смешались, и жидкость стала чёрной. Чёрной как ночь! Несбит в последний раз встряхнул бутылку и снял крышку. Он вылил этот коктейль в стакан и протянул мне.

«Отрада», сказал он.

Я медленно взял стакан. Посмотрел в него и клянусь, что мог видеть там искры света, как звёзды в ночи.

Я поднёс стакан к губам и отхлебнул.

— И?

Что?

— О... Боже, мужик, каким на вкус оно было?

На вкус божественно, честное слово. Как будто небеса плескались у меня во рту.

ОТВОРЕНЫ ПОКОЙ НОЧИ

Теперь, когда существование метода Олмстаффа стало достоянием общественности, наверное, настало время осветить краткую историю процедуры. То, что сам метод до сих пор вне закона, и даже одно описание действительного ритуала является уголовно наказуемым преступлением, должно убедить нас в необходимости более тщательного пересмотра моральных проблем, извлекаемых им на свет.

О брате Олмстаффе нужно сказать немного сверх биографии, предложенной профессором Т. П. Лехнером в его знаменитой, крайне редко встречаемой «Священной ране» (Cargo Press, 1967). Вот краткий набросок фактов: Олмстафф рождается в бедной крестьянской семье в Ланкашире, Англия, 1455; он последний и самый слабый из девяти детей; он родился немым; отец велит ему присоединиться к местному тайному ордену назареев в нежном возрасте семи лет. Подобно многим, ушедшим в монастырь в то время, последующая история Олмстаффа канула в скрытые кельи, пыль и неторопливый колокольный гул. Лехнер датирует его смерть 1487 годом, расходясь с более поздними трудами, приводящими свидетельства жизни Олмстаффа ещё в 1524 году (заинтересовавшихся отправляю за детальным рассмотрением «биографического вопроса» к моим «Ослепшим солнечным часам», публиковавшимся в «Items of Moral Philosophy» за апрель 1995-го). Здесь только отметим, что Лехнер был лично заинтересован в приписывании Олмстаффу ранней смерти и указании на (предположительно) любопытное состояние тела.

Из трёх сохранившихся манускриптов, отводимых руке Олмстаффа, два можно оставить без внимания ввиду того, что один из них является добросовестной копией платоновского «Государства», а второй — прекрасным освещением «О хронологических аспектах жизнедеятельности некоторых насекомых» Эгберга. Очевидно, платоновские философствования трогали монахов менее, чем жизненный цикл слепней интересовал иных наблюдателей.

Только после открытия третьего манускрипта в 1959 году мир по-настоящему уделил внимание исследованиям «безъязыкого монаха из Барнстропа». То, как этот латинский текст нашёл путь из захолустной ланкастерской деревушки в заброшенную библиотеку домохозяйства в Дюссельдорфе, по-прежнему нуждается в подробном картографировании. Здесь же он был обнаружен антикваром сэром Джоном Босли, опубликовавшим свой английский перевод в 1962 году — году своей

кончины. Это совпадение года перевода и смерти нельзя упускать из виду.

Босли назвал перевод «Отворены покои ночи» — как дань поэтическому характеру латинского оригинала Олмстаффа. Несмотря на это, будучи в высшей мере академической по сути, работа вызвала интерес только среди его собратьев-учёных. Общественное же воображение всколыхнулось позже, когда к манускрипту привлёк внимание Лехнер.

Ко всему нашему академическому неприятию поверхностной популяризации профессора Лехнера и, более того, подозрению его в декадентском стиле жизни (известный наркореспициент, сподвижник Тимоти Лири, поборник кислотных тестов), мы вынуждены признать, что если бы не его смерть, метод Олмстаффа (как он стал известен) всё ещё оставался бы в зоне неведомого.

Многие заявляли о том, что видели публичное выступление Лехнера в 1974-м, где он представил ритуал Олмстаффа; только некоторые действительно могли быть там. Никто из них не мог остаться непретворённым увиденным.

Чтобы сказать, что моё присутствие в той аудитории было удачей, нужно чрезмерно расширить значение этого слова. Я ездил в то время с коротким университетским турне по Америке со второй своей книгой «Моральность и смерть в эпоху массовых уничтожений», и оказался на одной сцене с харизматическим профессором. Я не имел представления о его работе, но мы быстро поняли, что находимся по одну сторону против остальных участников дискуссии. Разделяемая нами позиция состояла в том, чтобы заставить самоустраниваться легитимные предприятия, курировавшие открытие и распространение ядерной бомбы. Одним из наших оппонентов был епископ римско-католической веры, так что можете представить жёсткость аргументов. Этот епископ (я буду воздерживаться от упоминания его имени) прочёл «Священную рану» Лехнера и насмехался над еретическими утверждениями этой книги. То, что Лехнер называл книгу религиозным текстом, «созданным братом именно вашей церкви» и плодом доброй и щедрой божьей воли, очевидно, ударило по обнажённым епископским нервам, поскольку тот (к своему вечному стыду, несомненно) призвал его к предоставлению доказательств «дьявольского таинства».

Тогда Лехнер на минуту замер, как бы черпая силы. Он сказал епископу, что проведение ритуала займёт примерно пятнадцать минут, и он не хотел бы докучать аудитории в течение столь продолжительного времени. Однако епископ настаивал, прибегнув к неофициальному

опросу аудитории. Подсчёт был окончен, и, вполне возможно, моя собственная поднятая рука склонила чашу весов. Кто знает?

— Что ж, очень хорошо, — совершенно спокойно сказал Лехнер.

Он закрыл глаза и стал бормотать себе под нос какие-то латинские фразы. Я сидел через два места, и мог только уловить слово там — слово сям. Моя латынь была и близко не такой, как сейчас. Также ему часто приходилось поднимать руки, чтобы сделать какие-то сложные пассы в воздухе. В одном месте — где-то на пятой минуте — он прикоснулся левой рукой к области сердца. Чуть позже — топнул правой ногой. На протяжении этих движений он не переставал нашёптывать латинский текст. Аудитория начала было смеяться, но вскоре устала. Только епископу мог быть слышен звук бормотания.

Я взглянул на карманные часы, когда Лехнер начал ритуал, и по прошествии тринадцати минут я ощутимо напрягся. Даже епископ погрузился в тишину, когда истекла последняя минута. Кто-то в аудитории уронил блокнот, и по залу разнеслось эхо, заставив меня подпрыгнуть на своём месте. Но пятнадцать минут прошли и ушли, а Лехнер продолжал себе бормотать, и я вздохнул и даже слегка улыбнулся, когда Лехнер открыл наконец глаза и улыбнулся, оглянувшись прямо на меня.

Епископ гоготнул в последний раз и отпустил очередную уничижительную ремарку.

Лехнер закрыл глаза, позволил голове мягко упасть на плечо, потом — на грудь. Он казался абсолютно расслабленным, и в аудитории стали громко переговариваться. Некоторые особо буйные студенты даже стали свистать и требовать деньги назад.

Епископ поднялся с места и теперь хлопал Лехнера по спине, называя его лжецом и даже лжепророком. Профессор под действием силы шлепка стал нагибаться вперёд до тех пор, пока его голова не обрела опору. От контакта с его лбом грохнулся об пол и разлетелся стакан с водой.

Аудиторию снова накрыла тишина, ещё более глубокая, чем прежде.

Кто-то засмеялся, но осёкся, когда епископ столкнул голову Лехнера со стола. Глаза его были закрыты, губы по-прежнему застыли в блаженной улыбке. Конечно же, я, как и епископ, заподозрил затянувшуюся бесцельную шутку или наступление наркотического ступора. Я подошёл, чтобы образумить Лехнера от потери веса наших аргументов, но ни одно моё слово не могло поднять его. Я стал энергично трясти его, но всё безрезультатно.

Я потребовал срочно вызвать скорую, и это заявление вызвало небольшой переполох в зале. Несколько студентов пробивались к сцене, ещё больше спешили выбраться наружу; подавляющее же большинство было пригвождено к сиденьям, будто отражая участь Лехнера.

В это время епископ понемногу отодвигался и крестился, будто в страхе перед последствиями.

Возможно, он уже думал о своей собственной вине.

СМИ не спешили поднимать эту историю, и передышка позволила мне найти копию книги Лехнера «Священная рана» в альтернативной книжной лавке на Хайт-Эшбери. Я всё ещё находился под гнетущим впечатлением от странной смерти профессора, особенно когда через три дня история, наконец-то, попала в местную прессу. Возвращаясь домой, я провёл несколько напряжённых минут на таможне; было такое ощущение, что работу я провожу в Британию контрабандой.

Книга никогда не была опубликована в этой стране, и никогда не будет. Конечно, предпринимательская братия быстро состряпала пиратское издание, за которое, по слухам, заламывались красивенькие цены на чёрном рынке. Моё издание было одним из немногих легальных.

Я был предрасположен к непредвзятому суждению о её содержимом, но по определённым причинам я спрятал тонкий томик внутри своего наградного первого издания «De Humanis Corporis Fabrica» Везалия. Там он и оставался две недели непрочитанным, пока странная история об американском профессоре, «убившем себя словами», фигурировала в новостных лентах. Сообщаемые скудные подробности говорили только о замешательстве врачей по поводу установления точной причины смерти Лехнера.

Только когда история забылась, осмелился я осмотреть «Священную рану» лично.

Это была короткая книжечка из девяти страниц, едва ли превышающая по объёму самодельный памфлет. Она была разбита на четыре раздела, самый длинный из которых представлял собой введение Лехнера. Введение составляли уже упоминавшаяся биография Брата Олмстаффа, краткая история Метода, псевдонаучное объяснение действия Метода, за которым следовал набор предписаний для правильного выполнения ритуала.

Лехнер отследил происхождение Метода из неких неизученных запрещённых текстов, считавшихся утерянными в огне пожара, уничтожившего Александрийскую библиотеку. Он не даёт объяснений, как оригиналы этих манускриптов попали к Олмстаффу.

Вторые два раздела книги освещают сам Метод Олмстаффа: первый — текст, который нужно проговаривать, второй — движения, которые нужно проделывать. Лехнер мудро разделил эти два элемента, чтобы предостеречь случайного читателя от нечаянного проведения ритуала в его полноте. Профессор пояснил в своём руководстве, что два эти элемента — слова и движения, — воспроизводимые отдельно друг от друга, абсолютно безопасны. Только в комбинации они активируют естественные процессы тела.

Всё же, как вы можете вообразить, я читал эти два раздела с немалым трепетом.

Заключительный раздел был лехнеровской импровизацией по поводу спиритуального значения Метода, в значительной мере обязанной ЛСД-шной трактовке Лири «Тибетской книги мёртвых». Этот раздел, пожалуй, наименее интересен.

В общем, дочитал я книгу «живым», как и был, и мой интерес к ней поугас.

И хотя я решил, что в тот вечер в Сан-Франциско стал свидетелем не более чем досадного жизненного совпадения, ничто не могло бы заставить меня провести ритуал по инструкции.

О методе Олмстаффа не было слышно несколько лет, пока в сентябре 1985-го в «*Journal of Alternatives*» не вышла статья доктора Элизабет Каннингхем «О самоуничтожении тела». Она предлагала первое медицински апробированное объяснение Метода.

Факт, что позже Каннингхем арестовали за убийство, не умаляет нашего восхищения её мужественной новаторской работой. В двух словах, доктор открыла маленькую железу (которая теперь носит её имя) в нижнем брюшном отделе. Железу замечали и ранее, но её назначение оставалось невыясненным. Каннингхем объединила её с Методом самым прямым путём: сочетая устное проговаривание текста с ритуальными пассажами, она активировала железу, которая тогда и только тогда секретировала в поток крови маленькую дозу яда. Этот яд (Флюид Лехнера) очень быстро и абсолютно безболезненно преодолевает защиту организма. Смерть наступает в течение двадцати секунд по окончании применения Метода Олмстаффа.

Работа Каннингхем, конечно, была в высшей степени неоднозначной, не только потому, что проводились эксперименты на человеческих «морских свинках», двое из которых умерли во время процесса. У обоих был рак. Они были добровольными жертвами, и доктор подписала их заявления, доказывающие это. Однако это не уберегло её от ареста и

последующего суда за пособничество в убийстве, в котором её признали виновной. Ей сулили не менее двадцати лет.

Случай Каннингхем вдохновил эвтаназийное лобби, которое начало энергичную кампанию её имени, увы, безрезультатную. Доктор была найдена мёртвой в камере первого августа 1989-го. Разъяснений по поводу её кончины не последовало. Судебный процесс и её смерть бросили метод Олмстаффа на передовую общественного сознания.

Нечему удивляться. Самоубийство было постоянным спутником человеческой борьбы за прогресс. Перед тем как Метод вылез на свет, считалось, что человеческая психика содержит безотказный механизм против саморазрушения; свидетельство тому — человеческие патетические потуги задержать дыхание так долго, чтобы задохнуться, приводящие к непроизвольным конвульсиям, которые вытаскивают даже самых отчаянных назад, к поверхности темнейшего из озёр.

Метод Олмстаффа разрушил это положение о защите тела, предложив взамен качественную гарантию абсолютно безболезненной смерти. Конечно, этот последний факт не может быть эмпирически выверен, но все свидетели ритуала (включая меня) могут указать на наличие блаженной улыбки и расслабленной позы, сопровождающих последние моменты. Цитируя наиболее известную сентенцию Лехнера, «Бог снабдил нас выключателем».

Несмотря на факт, что девятнадцать отдельных исследований показали, что метод является закономерным процессом человеческой физиологии, ни одно из правительств в мире не пришло к убеждению сделать его легальным актом или позволить публикацию книг с инструкцией. Решающую роль в запрете Метода сыграл инцидент в Дании, одновременно став самым наглядным доказательством его универсальной эффективности.

До инцидента мир едва ли обращал внимание на так называемых Отпрысков Иллюминации Господней, если не считать незначительных слухов о том, что культ предполагал «сексуальное поклонение». Даже добрые жители Копенгагена были ошеломлены размахом групповых верований, когда леденяще холодным октябрьским утром 1992-го все 207 членов были найдены мёртвыми.

Датские авторитеты проверили тела на наркотики и другие средства самоуничтожения. Неудивительно, что они ничего не нашли, и что финальный посыл сектантов прославлял «следующую жизнь, ожидающую всех истинных верующих за порталами Священной Раны».

Факт, что Метод применялся на датском языке, интересен и может быть кратко рассмотрен здесь. Напомним, что сам Лехнер исполнял таинство на латыни, даже при том, что в его собственной книге приводился текст на простом английском. Во введении к «Священной Ране» он замечает, что ритуал может проговариваться на латыни или английском, хотя сам полагал латинские выражения более чистыми, «близкими к самой ране», как он выразился.

Приблизительно в это время мне в руки попало издание сэра Джона Босли «Отворены покои ночи». Любопытно, что, хотя книга и вышла из печати давно, она никогда не запрещалась ни в этой, ни в какой-либо другой стране. Конечно, исследование Босли было сугубо академическим, и его перевод с латыни был перегружен вторичными и третичными значениями. Пользы от этого чуть, да и только разве для самого изощрённого и отчаянного ума.

Интересно сравнивать версии Босли и Лехнера, главным образом из-за того, что Лехнер упростил более сложные абзацы, и даже изъял целые предложения в пользу своего виденья чистоты формы. Обе версии эффективны, что заставляет полагать, что точная природа текста менее важна, чем охватывающая его «правда» таинства. Та же свобода действий допускается в сопроводительных движениях, — разные культуры могут создавать свои собственные лёгкие вариации.

За эти годы были сделаны сотни нелегальных переводов, и все они успешно активировали железу Каннингхем. Одно любопытное исключение представляет пиктографический язык К'дхолловых островов в Новой Гвинее. Здесь Метод не работает. Исследования, почему это происходит, продолжаются.

Удивительно ли, что метод стал так популярен? С тех пор как метод стал известен, статистика самоубийств заметно увеличилась, не только за счёт камер смертников по всему миру. Для жертв болезненных неизлечимых недугов стало достаточно просто найти врача, который, за плату или из убеждений, подскажет страждущему нужные слова и движения. Всплыло множество странных слухов. Например, Лехнер утверждал, что под сводами Ватикана хранились подобные манускрипты, и это веками замалчивалось с целью поддержания христианского способа смерти. Некоторые секты воинов знали Метод ещё в десятом столетии, применяя для обеспечения захваченным солдатам возможности умертвить себя, избежав пыток. Говорят, армия США применяла метод на войне во Вьетнаме. И не исключено, что Метод применялся как разновидность побега из нацистских концлагерей. В одном известном, воз-

можно, не существующем, еретическом тексте содержатся неопровержимые доказательства того, что Иисус, сын Господа, использовал метод в предсмертные моменты на Кресте.

Моя собственная одержимость Методом Олмстаффа питалась моим профессиональным интересом к моральной стороне самоубийства, и моей личной вовлечённостью в первый из зарегистрированных случаев. С этими двумя не такими уж никчёмными орудиями своего намерения, я был после длительной бюрократической баталии допущен для краткого ознакомления к оригиналу «Отворены покои ночи».

Сэр Джон Босли своей последней волей завещал манускрипт Олмстаффа Британскому музею, где он специально содержался под замком и ключом в комнате редких изданий. Я был препровождён туда одним пасмурным декабрьским днём ушедшего года. Мне дали всего час на книгу, и, защищая то ли манускрипт от меня, то ли меня от манускрипта, — точно сказать не могу, — всё это время со мной должен был находиться охранник.

Каким странным он был, этот час. Манускрипт держали под стеклом, открытым на странице, с которой начинался сакраментальный текст. Каллиграфия и освещение были на высшем уровне — намного более высоком, чем другие известные работы Олмстаффа. Такими богатыми были цвета, что я почти почувствовал, как они поднимаются с пергамента в моём направлении. Я получал вполне плотское наслаждение, созерцая их.

Я немного подучил латынь со времени своей первой (и последней) встречи с профессором Лехнером, и старался, как только мог, дешифровать значения работы. Я имею в виду не текстовое сообщение, открытое Босли, не дикий полёт экстраполяций Лехнера, — скорее, я искал скрытый в работе посыл. Механизм, магию, если вам угодно, — те решающие несколько слов, отметин на бумаге, так радикально воздействующие на человеческое тело. И всё это время, по мере того как я читал, как мог я не осознавать, что Босли, Лехнер, Каннингхем и, возможно, Олмстафф — все получили своё от метода? Все они приняли смерть от книги.

Я вышел из музея рано: двенадцатью минутами раньше окончания отведённого мне времени, и никогда до этого грязный лондонский дождь не падал на моё лицо так сиятельно!

Я закрою эту короткую историю подсчётом собственных экспериментов с Методом. Моя главная задача — установление точных пределов эффективности ритуала. Например, я уже пришёл к согласию с Лехнером в том, что слова и движения абсолютно безвредны, если приме-

няются отдельно, проделав их самостоятельно. Во время этих экспериментов я чётко следовал его инструкциям.

В течение последних нескольких месяцев я пробовал различные комбинации слов и движений; например, проговаривал слова в реверсивном порядке или делал движения зеркально. Ни одна из этих вариаций не повлияла на моё тело.

Сейчас я в процессе применения Метода в его правильном порядке, но останавливаюсь на различных его пунктах, чтобы установить кумулятивный эффект. Из этих экспериментов я могу заключить, что первые десять минут таинства вообще не оказывают сколько-нибудь наблюдаемого воздействия. Только на одиннадцатой минуте в голове появляется какая-то лёгкость, скользящая по телу. Не скажу, что неприятная. На тринадцатой минуте она замещается внезапным страхом, который, должно быть, является физическим симптомом метода, или ещё, закономерной эмоцией, вызванной приближением смерти. Четырнадцатая минута проходит почти незаметно.

Когда исполнены завершающие пассажи Метода Олмстаффа, всё тело пронзает чувство нетерпеливого ожидания, как если бы оно жаждало немедленно закончить ритуал и радостно прыгнуть в область темноты!

И только благодаря огромному самообладанию удалось мне воздержаться от исполнения самой последней процедуры. Спуск с таких высот так грубо ввергает в безысходность, о которой я никогда не подозревал.

Мне осталось одно-единственное слово и одно-единственное движение.

Это слово — «окружность». Движение — лёгкое касание большим пальцем правой руки среднего, чтобы получился кружочек из плоти.

Вот таким образом.

И НИКАКОЙ СЛЕЖКИ

В общем, они выкинули меня из Стрэнджуэйс с пачкой просроченных сигарет и в той одежде, в которой я к ним попал. И с письмом от управляющего, в котором он отметил моё примерное поведение и духовное перерождение, а также заявил, что я буду отлично справляться с честной работой, если мне дадут такой шанс. Ага, вот почему, перед тем как меня выпустить, они прицепили на мою левую щиколотку этот брелок. Радио-пейджер, спутниковое наблюдение, замок на пароле — вот такой крутой аксессуар. Я должен был носить эту штуку два года. Два года постоянной слежки. Каждое моё движение будет отмечаться в каком-то здоровенном полицейском компьютере. И не спрашивайте меня, как эта штука работает, я просто парень, которому приходится её таскать. Два года я не должен покидать Манчестер.

Возле тюрьмы меня ждала Бетси, моя любимая девчушка. Мы поцеловались, обнялись, и она сказала мне, что никто больше таких брюк не носит, я ответил, что посмотрел бы на неё после четырёх лет вырванной жизни. Она сказала, что надо бы снять с меня эти штаны, и я, конечно, был очень даже не против.

Сначала её немного отталкивало это хитрое устройство вокруг моей щиколотки, потом оно начало её возбуждать, как какая-то садомазоштовина. А после нашего третьего раза она и вовсе сказала, что это грустно, что я никогда не смогу полностью раздеться, быть абсолютно голым, целых два года не смогу. А я только и мог думать о том, что какой-то жирный коп сидит и смотрит на своей компьютерной карте, как маленькая точка исполняет джагу-джагу. Как будто какой-то вуайерист подглядывал за тобой. Меня от этого в дрожь бросало. Потом мы поговорили о работе, и о деньгах, и о том, что хренов Дэнни Бой слинял вместе с добычей. Потом она замолчала и отвернулась.

Так-так, Дэнни Бой. Старый добрый дружище Дэнни, верный помощник в прошлом, теперь ушёл в самоволку вместе с награбленным.

— Лондон, — сказала Бетси. — Прошлым месяцем, — добавила она.

И ещё она призналась, что хотела мне рассказать об этом во время своих визитов, правда хотела, но подумала, что от этого мне только труднее будет дождаться окончания срока. Я ответил, что наоборот, моя ярость очень даже ускорила бы время. И она спросила:

— Когда ты собираешься по его шкуру, Декс?

— Проблема в том, что я не могу.

Я не могу ждать два года, за это время Дэнни потратит все деньги, если уже не потратил. Так что я навёл справки, и один друг моего друга сказал, что есть выход, но он стоит недёшево. Я сказал, что мне всё равно, потому что в любом случае это будет меньшая сумма, чем та, которую я планирую выбить у этого сукиного сына. И так оно и было, заплатил я, конечно, прилично, но намного меньше, чем забрал Дэнни. Вот так, чтобы выбить грязный должок, мне пришлось самому влезть в долги.

Так вот, мне сказали, что имя парня, который поможет мне, Йо-Йо. Довольно тупое имя, но он в самом деле умел прокрутить кое-какие делишки, когда надо, то есть, когда ему показывали наличные. Конечно, ему самому пришлось прийти ко мне, чтобы провернуть операцию, я со своей сенсорной штуковиной никак не мог переться в плохие районы города.

С собой у него было всё оборудование, которое влезало в футляр, похожий на те, в которых хранят недешёвые очки. Да, всё стало компактнее, пока я сидел. Такими темпами и весь мир исчезнет, честное слово. Так вот, этот парень, Йо-Йо, достал из футляра какую-то штуковину, нажал на ней какие-то кнопки и поднёс её к этому устройству слежения на моей ноге. И вот его гаджет пискнул, а мой брелок тренькнул. И я спрашиваю:

— И это всё?

— Это всё, — отвечает он.

Вот так, на раз-два, и никакой слежки. Вот так всё просто. Он был так горд собой. Но я нервничал. Я спросил:

— Ты уверен, что это сработает? Ну знаешь, я точно могу уехать из Манчестера без всяких проблем?

— Да хоть прямо сейчас, твой сигнал всё ещё у копов на карте. Он будет двигаться по улицам так, как будто ты здесь. Как фантом, ага? Я ведь взломал их грёбаную систему, ага? В общем, будут проблемы — звони по этому номеру. Круглосуточная линия поддержки.

И он ушёл провернуть ещё какое-нибудь дельце. Да, теперь его кошелек был немного плотнее от денег, которые я ему заплатил.

Ну а я поехал в Лондон. Чтобы разыскать Дэнни, мне потребовалось пять дней. Я мило побеседовал с ним, и он вручил мне деньги. И только мою законную долю, заметьте. В этом и разница между нами — я справедлив, даже если меня пытаются надуть. Так что всё шло отлично, по плану. Я собирался вернуться в Манчестер, залечь на дно, выждать два

года, опять сблизиться с Бетси. Всё просто. Как сказал тот парень — на раз-два.

Я вернулся в Манчестер в субботу, в полдень, и подумал — может, стоит сразу пойти к Йо-Йо, ну чтобы он вернул меня на настоящую карту. Но потом я прикинул — а что, если мне опять придётся покинуть город? Он же ничего не говорил про ограничение во времени, так? Ну и я решил вместо этого сходить к Бетси и, может быть, вытащить её куда-нибудь. Но тут я столкнулся с Грязным Дейвом, он был моим старым приятелем и не грязным вообще-то, если не учитывать делишки с Братьями Кумар. И он говорит мне:

— Привет, Декс, так значит тебя выпустили?

— Ага, — отвечаю я.

— Я видел тебя.

— Ещё бы не видел.

— Да нет. Я говорю, что видел тебя в прошлую среду, на улице. Я думал, что это ты, но я ехал в автобусе, так что не мог подойти.

— Нет, ты обознался, меня не было в городе в прошлую среду.

— Да? — отвечает он. — Ну, значит, это был кто-то другой.

Я согласился.

— Странно, — сказал он, — тот парень выглядел точь-в-точь как ты.

Я позвонил Бетси. Её не было. Но я могу и пойти к ней, у меня есть ключ. Я вроде как живу у неё, пока более-менее не устроюсь. Но вместо этого я подумал — сегодня же суббота, пойду-ка я где-нибудь оттянусь, как в старые деньки, позависаю в клубе, может, что-то выгорит. И я отлично провёл время, встретил старых друзей, напился. Кто-то сказал, не помню кто именно, что видел, что мы с Бетси снова вместе. Я говорю:

— Ну да, вроде того, просто дурачимся.

— Ну у вас всё по-серьёзному выглядело, — говорит он.

— Ты о чём? — спрашиваю я.

— Ну вы держались за ручки и всё такое.

Конечно же, мысль о том, что я держусь за ручки с кем-то, не говоря уже о женщине, очень рассмешила ребят.

— Когда это было? — спрашиваю я.

— Кажется, в четверг. Да, в четверг. В парке. Я выгуливал собаку. А вы шли за ручки и всё такое.

Посмеявшись со всеми, я ушёл. Взял такси к квартире Бетси. Чудовищная ревность, вот что вело меня туда. И это странно, учитывая то, что наши отношения всегда были какими-то свободными, без обязательств. Может быть, меня мучило то, что она нашла себе кого-то почти

сразу, как я вышел из Стрэнджуэйс. И меня убивал тот факт, что парень выглядел точно так же, как я. Ну хорошо, может быть, в этом и проявлялась её любовь; я же сидел четыре года, возможно, она настолько без ума от меня, что единственным выходом сочла найти кого-то, кто выглядит в точности как я. Эти мысли ни черта не помогли мне. И когда я добрался до квартиры и, позвонив в звонок, не получил ответа, и мой ключ не подошёл... тогда я сломал дверь.

Прямо с порога я видел, какой разврат здесь творился совсем недавно, и с какой страстью: беспорядок на кровати, и этот запах, и всё перепачкано... Господи! Кто же этот парень? И Бетси — как она могла творить такое у меня под носом? Я не придумал ничего лучшего, как сидеть и ждать прямо здесь, сидя на кровати и потихоньку зверея. Всё, о чём я думал, это кого ударить первым, его или её. Должно быть, я задремал, потому что следующее, что я помню, это то, что пробило час ночи и везде было темно. Я встал, не понимая, где я и кто я, встряхнулся, чтобы наконец проснуться, и потом я услышал за дверью шум. Ну вот, понеслась. Когда Бетси увидит выбитую дверь, она сама догадается обо всём. Может быть, она даже не зайдёт. Но нет, идут. Судя по шагам, двое. И вот я слышу их в гостиной. Я расслабляюсь и усаживаюсь поудобнее. Дверь в спальню распахнулась. Вваливаются два мужика.

Копы. Инспектор Как-его и помощник инспектора Так-его. Эти ублюдки пришли арестовать меня. Я начал кричать:

— Что я опять сделал не так?

И они любезно сообщили мне, что в пятницу вечером было совершено ограбление, и что, согласно датчику на моей ноге, я был именно в том месте и в то время. Я начал протестовать, но что я мог сказать? «Нет, я был в Лондоне, я невиновен»? В конечном счёте, когда мы добрались до участка, я более-менее уговорил их поверить мне, что я был в Лондоне. В Лондоне! Какая от этого польза? Мне полагался один звонок. Я подумал про адвоката, потом про Бетси, а потом про единственного человека, который мог бы вытянуть меня из этого дерьма. И я позвонил по номеру, который дал мне Йо-Йо.

Никакого ответа. Линия отключена.

АЛЬФАБОКС (1)

Книжный магазин на бульваре Динсгейт в Манчестере завален множеством слов, большинство из них для продажи, но только некоторым из них удаётся попасть в сумку покупателя. Большинство из персонала магазина обедает в кафе «Bluefinch» на улице Джона Дальтона. Однажды Донна Кларк, которая работала в этом книжном магазине, направлялась на обед в это место отдыха и восстановления сил. Её голова, как всегда, была забита безумными фантазиями о том, что однажды она сама станет писательницей, как вдруг она заметила мужчину. Он шёл ей навстречу и нёс деревянную коробку.

Сама коробка была небольшой, но, казалось, что мужчине тащить её стоит огромных усилий. Возможно, в ней было что-то тяжёлое. Как ни странно, на следующий день Донна увидела его снова, в то же время, в том же месте, и он всё ещё с трудом тащил свою коробку. И до конца недели, когда бы она ни пошла на обед, он всегда был тут как тут, шёл навстречу и проходил мимо со страдальческим лицом.

Донне было любопытно. Почему он везде таскается с этой коробкой? Если, конечно, это одна и та же коробка. Возможно, он должен доставить определённое количество этих коробок, но почему тогда не отправить их все сразу фургоном для доставок? Но если это одна и та же коробка, куда он носит её и, что более существенно, что внутри?

Однажды, из-за путаницы в рабочих сменах, Донне пришлось уйти на обед раньше. Когда она пришла в кафе, он был там, ел свой обед, и коробка стояла рядом на столе. Донна проскользнула за свободный столик напротив него, заказала свой обычный обед и попыталась завести разговор. Мужчина отвечал на её реплики о погоде обычным «Да, правда» и продолжал есть. Теперь Донна рассмотрела коробку: она выглядела довольно витиеватой и старинной, украшенной цветами и птицами. Казалось, она была вытесана из единого куска древесины, без крышки, никакого очевидного способа её открыть не было.

Мужчина молчал, пока не доел свой неприветливый обед (яйца, жареная картошка, фасоль). Потом он заказал чашку чая, и только когда её принесли, он посмотрел Донне прямо в глаза.

— Думаю, вам любопытно, что внутри? — сказал он.

Донна перестала есть, её вилка остановилась на полпути ко рту.

— Это буква, — сказал мужчина.

— Буква? — переспросила Донна.

— Да. Сегодняшняя буква.

— Довольно большая коробка для одной буквы, разве нет?

— Я должен использовать именно эту коробку. Так сказано в контракте.

— Понятно, — сказала Донна, хотя всё это ей было совсем непонятно. — И кому она адресована?

— Кому адресована?

— Да. Посылка. Вы же почтальон?

Мужчина тихо засмеялся, а потом нажал на определённые места коробки. И тогда цветы и птицы с жужжанием раздвинулись и сформировали маленькое отверстие.

— По правде, мне не стоит этого делать, — прошептал мужчина. — Но можете посмотреть одним глазком.

Донна чувствовала себя довольно глупо, но в то же время любопытство не покидало её, и она заглянула внутрь.

Там был мир лихорадочной тьмы, в которой что-то слегка пульсировало и отливало серебром. Казалось, оно было почти жидким, как ртуть.

— Видите? — спросил мужчина.

— Да, — ответила Донна. — Это буква «Ш».

— Что?! — внезапно разволновался мужчина. — Дайте мне посмотреть!

Он рванул к себе коробку и поспешно заглянул в отверстие.

— О, я понял, в чём дело. — Он вздохнул с облегчением. — Этот маленький приятель просто перевернулся вверх ногами. Вот, посмотрите ещё раз.

Донна так и сделала, и теперь она ясно видела, что внутри коробки передвигалась маленькая буква «М», передвигалась, как будто живая.

Мужчина аккуратно проделал те же секретные манипуляции, и коробка закрылась.

— Это моя работа. Я доставляю буквы, — гордо объявил он, — по одной каждый день, согласно контракту.

— Какой контракт? — спросила Донна.

— Контракт, заключённый между мной и писателем.

— Каким писателем?

— О, он очень знаменит, мисс, и предпочитает сохранять анонимность.

— Он пишет всего одну букву в день? Наверное, он очень медленный писатель.

— Каждое утро он присылает мне сообщение о букве, которая ему нужна следующей. Я забираю её у поставщика и потом несу её через весь город к дому писателя. На мгновение я подумал, что взял по ошибке букву «Ш». Это было бы катастрофой.

— А разве нельзя отправить её фургоном для доставок или по почте, например?

— В моём контракте сказано, что я должен лично доставить букву и именно в этой коробке. — Мужчина встал. — Мне нужно идти. Я уже опаздываю, а писателю срочно нужна буква «М». Он очень злится, мисс, если я не приношу их вовремя.

Мужчина поднял свою коробку.

— Подождите! — крикнула Донна. — Вы не сказали мне, о чём он пишет.

Но мужчина уже ушёл.

МЕТАФОРАЗИН

Джонни принимает метафоразин. Как заведённый, каждый день. Говорит, это сжигает его дом дотла, а стрижка подобна крыльям. Вы можете сказать, он глотает проблемы. Вы можете сказать, он лишь подливает масло в огонь своего возбуждения. Каждым обёрнутым плёнкой вечером залезает внутрь крошечной таблетки. Травит химией свои ощущения. Играет тот самый черепно-фортепьянный блюз. Джонни принимает метафоразин.

Он собака.

Сравнениум.

Люси принимает Сравнениум. Это почти хорошо. Она всего лишь плавно скользит, подобно луне по небу. Как летящий шлейф духов, как всё, что идёт от сердца. С глазами, как конверты с запечатанными в них слезами. Как шприц со слезами. Как влитый по капельке афродизиак, прожорливая, как Кадиллак, Люси принимает Сравнениум.

Она как собака.

Грэхем принимает Литотезол. Мозг размером с крупницы, то облачко паразитов, что роится в раю парочки вшей. Он волна растаявшего мороженого, когда занимается любовью, словно призрак. Искрится, как кладбище, но всегда без желания, а потом поёт Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя! как помпезная панихида по полицейскому. Грэхем принимает литотезол.

Он маленькая собака.

Джози принимает гиперболегид. Десять тысяч каждую секунду. Посмотрите на её лицо, когда она собирается коснуться неба, когда карабкается на высоту американских горок. Этот рот! Такое блаженство! Все планеты и спутники нашли свой дом у неё на губах. Это четырёхминутное предупреждение! Атомный язык! Нитропоцелуйное спокойствие. Джози принимает гиперболегид.

Она большая собака.

Аланис принимает Аллитерин. Она докапывает котлован до дна. И все демонстрации её дурных действий — доброжелательное презрение. Её динамо-машина недоброжелательна, да и её дамские думы. Дебилы

продумывают дорожные проигрыши по дороге к детоксикации. Аланис принимает Аллитерин.

Она дохлая дворняга, да, друг?

Десмонд принимает Ономатопиат.

Он лает, гав-гав.

Сильвия принимает Оксиморокс. У неё подростковые менопаузы. Принимает белоснежно-сахарный порошок и занюхивает антипригарным клеем. Она носит V-образные брюки, одевает очки для слепых. Нужно ампутировать танго, а затем найти себя совсем потерянной, в новом старом английском стиле! Сильвия принимает Оксиморокс.

Она полукот, полупёс.

Но Джонни принимает Метафоразин. Посмотрите на эти глаза, будто лопнул уличный фонарь, и улыбку, как полночный циферблат. Его плоть словно гофрированная крыша. Нож, вилка и ложка растут из его пальцев, у самого причёска как у зонта! Холод будоражит его мозг. Он исполняет фанфары атомов, скажу я вам! И вы знаете, словно начинаешь писать изысканную математическую формулу, которую стёр с доски перед долгими летними каникулами? Ну, это и есть он. Язык мчится по венам, но Джонни принимает Метафоразин.

Он настоящий пёс.

АЛЬФАБОКС (2)

— О чём он пишет? — Этот вопрос Донна постоянно задавала мужчине с алфавитной коробкой, когда они сталкивались. В последние пару недель они весьма сдружились, и иногда даже брали обед на вынос и ели вместе в маленьком парке за универмагом.

Он рассказывал ей всякие истории, свои собственные истории. О фабрике, на которую он ходил каждое утро, о том, как создаются и разводятся буквы, о писателе и его жестокости. Он часто позволял Донне заглянуть в коробку, где скользкие серебристые буквы забивались в угол, как будто боясь света.

Однажды посыльный, наконец, ответил на вопрос Донны:

— О чём пишет? Ну, видишь ли, в этом вся беда. Писатель уже почти не выходит из дому. По правде, он не выходит вообще. Он очень стар. И поэтому он платит мне, чтобы я доставлял ему буквы. А когда он был молод, он славился своей хитростью и безжалостностью в отслеживании букв. И охотился он совсем не за этими маленькими фабричными буковками, о нет, тогда он отслеживал диких и бешеных букв, и тащил их, вопящих, домой. И книги его были такими же дикими и сумасшедшими. А теперь, к сожалению, его истории довольно простенькие и всегда на одну и ту же тему.

— Какая же тема?

— Он пишет о писательстве, ясное дело. Что ж ещё он знает, кроме?

Позже, одним чудесным осенним утром, когда солнце было цвета меди, посыльный показал Донне, как открывается коробка. Те секретные манипуляции. Лёгкое нажатие на крыло птицы, лепесток цветка и его шип, и коробка открылась, и Донна заглянула внутрь.

Это была буква «К».

Словно ртуть переливалась она с извивающимися от её центра двумя хвостиками.

QWERTY-ФОБИЯ

Проблемы начались с крещения. Торжественное «Я нарекаю этого ребёнка Квентин Томас Кинг» прервалось неожиданным рвотным кашлем младенца. Святая вода смешалась с кровью.

В первые годы своей жизни Квентин страдал от этих приступов постоянно. Как только мама окликала его, чтобы остановить какое-нибудь очередное хулиганство, он тут же начинал кашлять. И когда папа читал ему сказку на ночь: «Казнить! — кричала Червонная Королева», Квентина мигом кидало в жар. И как только мама говорила: «Какой ты капризный!» — тонкая струйка крови начинала течь из его рта.

Квентин сдал анализы на все виды аллергических реакций. Но не было никакой реакции ни на молоко, ни на пыльцу, ни на кошачью шерсть. Ни один анализ не показал причин недомогания Квентина. Небольшое облегчение принесло то, что с возрастом реакция стала не такой выраженной, вместо крови появлялась сильная жгучая сыпь.

Несмотря на все эти тесты, его мама первой обнаружила причину болезни. Всё прояснилось, когда она пыталась научить мальчика алфавиту. Когда она попросила его повторять за ней все буквы, бедняга выстоял до буквы «Й», а потом замолчал.

— Давай же, следующая буква... «Ка-а», правильно?

Как всегда, началась обычная реакция. Кожа ученика начала зудеть. Миссис Кинг сразу же записала сына к психиатру.

Этот психиатр, некий доктор Кромби, подтвердил опасения матери.

— Мистер Кинг, миссис Кинг... Боюсь, у вашего сына аллергия. Аллергия на букву «К».

Квентин был в комнате, и одного звука хватило, чтобы у него начался очередной приступ.

— Ваш сын не одинок в своём горе, — продолжал психиатр, когда Квентин уже был в кровати. — О ряде подобных случаев уже писали. Большинство имели место в течение последних пяти лет, что вызывает беспокойство. В 1999 году был зафиксирован случай девочки, у которой была фобия буквы «А». Согласитесь, это посерьёзнее.

Миссис Кинг разрыдалась:

— Что, что я сделала не так? Почему он... заболел?

— Мадам, это не болезнь. Это скорее отрицательная реакция, подсознательное неприятие. У Квентина глубокое, очень глубокое отвращение к двенадцатой букве алфавита в любом её виде. Эта ненависть — причина психосоматических реакций его организма.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил отец.

— Главная причина неизвестна, — ответил доктор Кромби. — Хотя исследования показали, что такие случаи чаще происходят в обеспеченных семьях, осмелюсь сказать, в семьях с достатком выше среднего уровня, таких как ваша. До тех пор, пока причина не будет найдена, мы не можем сделать ничего, кроме как обращаться с Квентином очень осторожно.

— Бедненький мой ребёнок! — разрыдалась миссис Кинг.

— Я бы посоветовал Квентину вести более уединённый образ жизни, — добавил психиатр.

С тех пор Квентина начали называть его вторым именем — Томас. Его спальню освободили от нежелательных постеров, убрали абсолютно все книги, не проверять же каждую! Книги с картинками, конечно, оставили, но даже из них вырвали некоторые листы. Томасу запрещалось выходить из дома, друзья навещали его только после получения строгих инструкций, и посещение длилось несколько минут.

Сначала Кингам было тяжело не произносить ужасную букву в присутствии сына. Квёлый, кверху, катарсис, концепция, кредит — от этих слов, а также от: кроссовки и картинки, квиллинг и кёрлинг, и квантовая механика — от всех от них отказались. Со временем, однако, они стали экспертами в этом. Читая Томасу и замечая приближение ненавистной буквы, они ловким перифразом заменяли опасное слово подходящим. Так Томас получил какое-то образование, и даже начал писать истории. Истории были волшебными, и не только из-за ограниченного словаря.

Даже когда родители разговаривали наедине, сами того не осознавая, они стали избегать буквы «К». Загадочным образом это ограничение возродило их чувства друг к другу.

Когда Томасу исполнилось семь, доктор Кромби сообщил радостную новость об изобретении нового лекарства.

— Должен вас предостеречь — лекарство всё ещё находится в стадии разработки. В общем, если вы согласитесь на лечение вашего сына, он будет подопытным кроликом. И это его не вылечит, прошу заметить. Лекарство лишь задержит появление обычной реакции. Если же Томас должен отказаться от лечения...

Семья подписала необходимые бумаги.

Лекарство оказалось мутным отваром зелёного цвета. Томас полоскал рот дважды в день, утром и вечером, не пропуская ни разу, до тех пор, пока одним прекрасным весенним днём, дрожащий от страха девят-

тилетний мальчик не написал три слова в своём дневнике: «Меня зовут Квентин Томас Кинг».

Пульс его участился, лоб запылал, рука содрогнулась.

Он расплылся в улыбке, в голове заиграла музыка.

Когда Квентину исполнилось восемнадцать, он вступил в группу взаимопомощи «Говори Слова Уверенно». Они встречались вечером по четвергам в центре Манчестера, в комнате над пабом. На собрания приходило от двенадцати до тридцати девяти человек. Они вели более или менее нормальный образ жизни благодаря постоянному приёму лекарств, но по четвергам принимать лекарства было строго запрещено. Они говорили на привычном им языке, чувствуя себя более свободно, и не желая терять тот дар, который был им дан.

Язык, который они использовали, зависел от того, кто был на собрании. Если людей было немного, они говорили практически на английском. Когда собирались почти все, они едва могли говорить — столько опасных букв! Но даже в этом случае они могли вести настоящую беседу, за два часа обсудив гораздо больше, чем за всю неделю с менее ограниченными собеседниками.

Тринадцать членов группы были писателями. Их примеру последовал Квентин Кинг, и стал самым успешным, выпустив под своим именем три бестселлера. Критики высоко оценили «величественную сдержанность» его произведений.

В двадцать четыре года Квентин женился на девушке из группы, Молли Юнвин, которая не переносила букву «Ю». Через год у них появился мальчик, абсолютно нормальный, крепыш.

Они нарекли его Чарльз Гордон Александр Кинг.

АЛЬФАБОКС (3)

(с переходом в микс)

После того как Донна узнала секрет открытия коробки, она не видела посыльного несколько недель. Возможно, он поменял свой маршрут; возможно, он потерял работу из-за своих опозданий или из-за того, что принёс не ту букву; а может, писатель закончил книгу. Не важно, когда Донна уходила на обед, не важно, где она искала, — алфавитная коробка ускользнула от неё. Донна начала чувствовать одиночество, даже депрессию, и она не могла объяснить это, в частности, управляющему магазином, который постоянно ругал её за то, что она работает не так прилежно, как раньше.

И вот, спустя два месяца после того, как она в последний раз видела посыльного, он наконец объявился в кафе. Он выглядел очень уставшим. С грохотом он опустил коробку на стол, не было и следа прошлой заботливости. И когда Донна спросила у него, что случилось, он сказал:

— Это из-за писателя. Он сводит меня с ума. Видишь ли, его рвение закончить книгу довело его до отчаяния. Его последний великий шедевр, так он её называет. Он умирает. И поэтому он заставляет меня приносить две, а иногда даже три буквы в день. У меня просто не хватает на это сил.

— Бери две буквы за раз, — предложила Донна.

— Две буквы в одну коробку?! Одновременно?! Ты с ума сошла? Да они же спарятся. Тебе когда-нибудь приходилось видеть результат спаривания букв «С» и «Р»? Ужасное зрелище, говорю тебе. Нет уж, если я хочу сохранить эту работу, я должен работать усерднее, вот и всё. Слушай, я просто зашёл сказать, что теперь я вряд ли буду появляться здесь. Мне очень нравилось беседовать с тобой, но...

— Не волнуйся, я понимаю.

— Возможно, когда всё это закончится?..

— Да. Хорошо.

Мужчина поднял коробку и ушёл из кафе. Донна доедала свой обед, не зная, о чём и думать. Внезапно у неё пропало всякое желание возвращаться в магазин. Но ей нужно было зарабатывать на жизнь. И по дороге назад она увидела толпу, собравшуюся на углу бульвара Динсгейт, а весь транспорт стоял на месте. Как только Донна приблизилась, то поняла, что здесь произошла авария. Проталкиваясь сквозь толпу, она увидела тело того самого посыльного на земле, кого-то, склонившегося над ним, и машину, влетевшую в тротуар.

Коробка лежала неподалёку, никем не замеченная. Донна услышала голос, обращённый к ней.

(Мало что правда обо мне.)

Она наклонилась к коробке и нажала на секретные механизмы. *(Я хочу, чтобы все знали.)* Резьба раздвинулась, открыв темноту. *(Вы прочтёте правдивые признания.)* Она запустила руку в отверстие. *(Рассказать всё, рассказать всё.)* Она схватила что-то влажное и скользкое, как поймать рыбу голыми руками. Она вытащила предмет наружу.

(Предложили кого-то, кто будет писать за меня.)

Голос продолжался у неё в голове.

Донна не знала, где жил писатель, не знала, где создавались буквы. *(Это было бы уже неправдиво.)* Она уже опоздала на свою обеденную смену, но внезапно всё перестало волновать её, абсолютно всё. *(Нужно быть особенным.)* Теперь она принадлежала ей, эта тёплая извивающаяся буква в её ладони.

(Нужно быть очень особенным.)

Она не отважилась раскрыть ладонь, пока не очутилась в пяти улицах от места происшествия.

(Это было бы уже неправдиво.)

Это была буква «С». Не зная почему, но молодая продавщица книг знала, что эта буква предназначалась для слова «Сутенёр».

(Рассказать всё, рассказать всё...)

Донна начала бежать.

МЛАДШИЙ СУТЕНЁР

В первую очередь, я хочу, чтобы все знали, что мало что из того, что писали обо мне другие газеты, правда. Другие газеты не знают ничего, и только здесь вы прочтёте правдивые признания самого известного Младшего Сутенёра. Я намереваюсь рассказать всё, без утайки, и если это не понравится полиции, всяким религиозным людям или ещё каким-нибудь снобам, что ж — они знают куда им идти. Думаю, они просто завидуют, готов поспорить, их собственное детство было скучным. Не все становятся знаменитыми Младшими Сутенёрами — нужно быть особенным.

Меня зовут Вилли Колесник. Как бы я хотел, чтобы у меня было другое имя, но я не мог ничего с этим сделать, кроме как называть себя Ли-эм. Несколько лет я постоянно так представлялся, но другие ребята продолжали обзывать меня Колёсиком. И это далеко не всё, что мне приходилось терпеть. И после всего люди осмеливаются с презрением махать руками и спрашивать, почему я стал Младшим Сутенёром.

Что ж, продолжайте читать, я расскажу вам, как в точности всё было. Сам всё расскажу. Конечно, в газете мне предложили кого-то, кто будет писать за меня, но я отказался, потому что это было бы уже неправдиво.

Мне одиннадцать лет, почти двенадцать. Я стал самым известным Младшим Сутенёром, когда мне было всего десять, что, я думаю, уже рекорд, как минимум для этой страны. Сейчас я уже не Младший Сутенёр и для этого у меня тоже есть причина. Чтобы узнать её, вам придётся купить ещё несколько номеров этой газеты.

ИЗГОЙ

Я жил с мамой, папой и своей маленькой собачкой Танго в маленьком доме в Эштон-Андер-Лайне. Это город возле Манчестера. В Эштоне есть несколько опасных районов, но мы там не живём, о нет, мы живём в более престижном районе. Мы не богачи или что-то вроде того, но мы и не шпана. Я рассказываю вам всё это, чтобы вы не подумали, что стать Младшим Сутенёром меня заставило убогое детство.

Это совсем далеко от истины. Я всегда довольно хорошо учился в школе, особенно я преуспел в рисовании, которое и было моим любимым предметом. Я любил рисовать, а ещё любил смотреть телевизор, слушать музыку и читать книги. У меня всегда плохо получалось играть

в футбол, теннис или крикет, и мой папа всегда попрекал меня этим и спрашивал, когда же я стану настоящим мужчиной, как другие мальчишки? Но, несмотря на это, у меня было очень счастливое детство в сравнении, например, с некоторыми ребятами из Шекспировского района, которые шатались по нашей улице. Кажется, моя мама очень разозлилась, когда муниципалитет построил этот микрорайон, и она очень хотела съехать отсюда. Так говорил мне папа. Они копили на лучший дом в лучшем районе города.

Моя мама говорит, что это просто смешно, что муниципалитет назвал район Шекспировским, а все улицы именами героев из его пьес. Она у меня немного сноб, по правде. Надеюсь, она не разозлится, что я говорю это, я и так подкинул ей много проблем в последнее время, то есть, когда все узнали, что я Младший Сутенёр. Но я пообещал быть честным, так что ей придётся смириться, и вообще, она же не жалуется на деньги, которые я получаю за то, что пишу это эксклюзивное признание.

Мне всегда нравилось играть с ребятами из того района, с ними было намного веселее, чем с детьми с нашей улицы. В частности, был один парень, с которым все хотели тусить, его настоящее имя было Пол Голланд, но все называли его Голландец. Он жил на МакДафф Парк, который был на самом деле очень мерзким и совсем не парком, за что, полагаю, нужно винить муниципалитет. Мы с Голландцем были одноклассниками, но он был старше, если вы понимаете, о чём я. Он возглавлял банду, которые называли себя Паркасы, потому что они жили в Парке, а также потому, что носили такие длинные куртки — «парки», даже летом. И чтобы быть в банде, нужно было иметь такую куртку. Я попросил маму купить мне, но она не захотела — они недостаточно приличны, эти куртки. Но я очень хотел вступить в банду Голландца, и готов был сделать что угодно, чтобы тусить вместе с ними, даже если они всегда будут насмехаться надо мной и называть Колёсиком.

ПОРНОЖУРНАЛЫ

Началось всё в летние каникулы. Было очень жарко, и нам не было, чем заняться, кроме как думать о том, что скоро в школу. После каникул мы перейдём в старший класс, и я думаю, что Голландец уже начинал готовиться к этому, он становился более безумным, храбрым и грубым в своих происках. Думаю, он беспокоился или что-то вроде того, и он в

самом деле хотел выжать из оставшегося времени как можно больше пользы для себя.

Я расскажу вам, как стал членом Банды Паркасов, даже без этой их модной куртки. Однажды Голландец и его дружки тусовались на заброшенной детской площадке. Там я их и нашёл. Думаю, им нравилось, что я вертелся рядом только потому, что я был хорошей мишенью для насмешек, но тогда мне было всё равно. Так вот, у них с собой были журналы, их где-то достал Голландец. Это были эротические журналы. Я никогда таких не видел, в смысле, мне никогда даже не доводилось держать их в руках. Я был в шоке! Ну, там были девушки с расставленными ногами и всё такое. Нет, это не была «жёсткая» порнография, но я просто никогда раньше не видел женщину голой, даже на фотографиях. И я не возбудился, в физическом смысле. Я упоминаю этот факт, потому что впоследствии он будет очень важен. Тогда меня просто поразила сама идея. Я возбудился духовно, если можно так сказать. Я не думал о сексе, как Голландец или его дружки. А они просто сходили с ума: рассказывали пошлые шутки о женщинах, обсуждали, как у них встаёт, и возмущались, что картинки в журнале недостаточно откровенны. А я... меня просто восхищали стройные формы девушек, скрытые места, секреты. Я хотел притвориться, что у меня тоже «встал», но я не совсем понимал, о чём вообще они говорят. Наверное, я всегда был младше своего возраста.

Я попросил Голландца одолжить мне один из тех журналов, и он сказал: «Хорошо, только не возвращай их со слипшимися страницами». Я спросил, что он имеет в виду, но он только засмеялся. Меня не заботило, почему он смеётся надо мной, даже если на это была причина.

Домой мне пришлось нести журнал под курткой, чтобы мама не увидела. Достаточно было и того, что я путался с ребятами из Шекспировского района, не говоря уже о таскании домой порнографии. Но у меня был план. Я дождался ночи и вытащил журнал. Полистал его некоторое время, а потом достал свой набор для рисования. Как я говорил раньше, я очень хорошо рисовал, с самого младенчества.

Так вот, на следующий день я вернулся на заброшенную площадку с журналом в сумке. Я отдал его Голландцу и сказал, что сделал кое-что сам. Он не понял. И я сказал, что сделал сам кое-какую порнографию. Я вытащил из сумки четыре листа бумаги и раздал каждому по одному. Видели бы вы их лица! Дело в том, что я запомнил всё, что они говорили о том, какими бы они хотели видеть фотографии. И я нарисовал их

именно такими, настолько реалистично, насколько мог. Хотя они были совсем нереалистичными, потому что я перепутал много деталей.

Но Голландец был потрясён. Я знаю это, потому что он не переставал улыбаться и пускать слюни над моими рисунками. И вот так я стал настоящим членом банды. Голландец даже стащил для меня «парку», потому что я стал Младшим Порнографом! Круто, да?

ВУЛЬГАРНЫЕ ДЕВОЧКИ

Я считал, что Голландец просто стащил порножурналы из газетного киоска или из стола отца, но потом он рассказал мне, где на самом деле он их взял. И вот теперь настала моя очередь удивляться... Ему дала их его собственная сестра!

Я видел его сестру пару раз на улице. Её звали Фиона, ей было семнадцать лет. Фиона была очень привлекательной. Думаю, вместе с тем она была немного вульгарной, хотя тогда все девчонки из Шекспировского района так выглядели — наверное, была такая мода. Но насчёт Фионы всегда складывалось впечатление, что она не просто следовала моде, как будто это был её образ жизни, если вы понимаете, о чём я. Иногда она появлялась с синяком на щеке или даже с фингалом. Она умела быть brutальной, когда хотела, но ко мне почему-то всегда относилась тепло. Другие ребята из банды всегда пытались подкатить к ней несмотря на то, что им было всего десять, и они вообще не понимали, что надо делать. Она всегда говорила им заткнуться и возвращаться, когда вырастут. Но со мной было всё по-другому. Я никогда не доставал её. Думаю, я казался ей малым ребёнком, невинным дитём. Так что она всегда улыбалась мне, а я улыбался в ответ.

У меня была обаятельная улыбка. Я знаю это, потому что мои тётки и дяди всегда называли меня «обаяшка», когда я улыбался. Да уж, я просто не мог быть таким грубым, как остальные ребята, даже если бы старался. И когда я пытался быть грубее, это выглядело так смешно, что в конце концов я бросил эту затею.

Фиона даже называла меня Лиэм, что уже было мне за счастье. Она никогда не смеялась надо мной. И всё же я был в шоке, когда Голландец сказал мне, что это она дала ему порножурналы. Я никогда не думал, что девчонок вообще интересуют такие вещи. Конечно, я знал, что она была легкомысленна, все парни так говорили, но порножурналы!.. Так что я спросил у Голландца, где она их взяла, и он сказал, что это её бонусы с работы.

Работы, подумал я. Что это за работа, где выдают порножурналы в качестве бонусов. И потом, насколько я знал, у неё вообще нет работы, потому что она всегда ошивалась на заброшенной площадке и в будние дни, и в выходные. И тогда Голландец сказал мне, что она проститутка!

Я был в шоке. А кто бы не был? Сначала я не поверил ему, подумал, что он опять шутит. Но это была не шутка, о чём я наверняка узнал несколько дней спустя.

50 ФУНТОВ

Я должен объяснить, что мы никогда ничего серьёзного не делали, просто зависали на заброшенной детской площадке, говорили о музыке и футболе. Иногда мы шли на главную улицу и пытались там что-нибудь стащить из мелких магазинов. Но мы никогда не преуспевали в этом деле, и это одна из причин, почему мне нравилось тусоваться именно с Паркасами, — на самом деле они не были настолько безнравственны, как другие банды, которые я знал.

Однажды мы валялись дурака возле одного магазина, набирались мужества. И было уже довольно поздно, я знаю, потому что постоянно смотрел на часы. Я был обязан до определённого времени быть дома, иначе папа очень разозлится. Мой отец иногда бывает очень злым, даже жестоким, хотя почти всегда срыгается он на нашей собаке Танго. И мне всё равно, кто узнает об этом, потому что это правда. Так вот, я к тому же был в этой куртке «парка», а мне запрещалось её одевать. Я прятал её в сарае. Так что мне приходилось из дому выходить в своей обычной куртке, переодеваться в «парку», а потом переодеваться обратно перед тем, как войти в дом. И я постоянно думал, как хорошо, наверное, делать то, что хочешь сам, как Голландец и Фиона. Кажется, их родителям вообще было наплевать на то, чем они занимаются.

Короче, мы тусовались возле того магазина, и как раз начало темнеть, когда из паба напротив вышла Фиона. С ней был какой-то парень, он был намного старше нас всех и таким жирным и уродливым, что я даже удивился, зачем он нужен Фионе. А Голландец говорит мне:

— Вот. Я же говорил. Это её клиент.

— Не может быть, — отвечаю я.

— Смотри, — сказал он.

Парень и Фиона стояли и говорили о чём-то, и тут я вижу, что он сует ей в руку деньги и потом они вместе уходят!

— Куда они пошли? — спрашиваю я.

— Ну, обычно они идут к ней домой, — отвечает Голландец, — или в какой-то тёмный закоулок, если парень просто хочет минета. Она получает 20 фунтов за отсос.

— 20 фунтов! — удивляюсь я.

— Ага, и 50 фунтов за полное обслуживание.

— 50 фунтов! — вскрикнул я. — Офигеть, это ж целое состояние!

А они опять начали смеяться надо мной.

— Ага! — прошептал Голландец. Он смотрел в сторону паба. Из него как раз вышел какой-то парень, очень стрёмный тип — узкие штаны, мускулистые руки и всё такое.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Это Мэлв. Мэлвин Флауэрс, сутенёр Фионы.

Я спросил, кто такой сутенёр, и теперь они начали ржать с меня пуще прежнего:

— Колёсик, Колёсик, не знает даже, кто такой сутенёр!

И всё в этом духе.

Конечно, я слышал это слово раньше, но это одно из тех слов, значения которых я не смог узнать, главным образом потому, что до этого момента оно мне и не нужно было. И вот Голландец рассказывает мне о том, как всё устроено, о том, что этот Мэлв получает 70% от всего, что заработает Фиона, и за это он обязан присматривать за ней, защищать её от жестоких клиентов. И о том, что у Мэлва пятнадцать девчонок, и что вместо того, чтобы присматривать за Фионой, обычно, от него она и получает синяки.

Потом этот Мэлвин посмотрел в нашу сторону. Голландец помахал ему, но в ответ получил злобный взгляд.

Мне это всё казалось очень несправедливым, но подумать только, сколько денег Мэлв зарабатывает за то, что практически ничего не делает. И в ту ночь я лежал в кровати и мог думать только о том, как же ему повезло.

ПОБОИ

Неделю или две ничего особенного не происходило, а потом мы вернулись в школу. Мы с Голландцем уже не находили общий язык, потому что в средней школе он начал меняться, стал более серьёзным. Когда мы сталкивались с ним, всё было уже не так. Он неожиданно стал намного взрослее. Думаю, теперь он в самом деле стал половозрелым или как это называется, а не притворялся, как раньше. Он даже перестал

носить свою «парку». А я иногда приходил на заброшенную площадку, надеясь, что наша банда будет там, но такое случалось очень редко.

Но я всё равно приходил, в своей «парке» на всякий случай. Думаю, мне просто нравилось уходить из дома. К тому времени мама и папа уже очень ругались, они постоянно кричали друг на друга, и однажды, как ни странно, папа ударил маму. Не так чтобы сильно ударил — скорее, просто влепил пощёчину. Но я был единственным ребёнком в семье, и я чувствовал себя очень бесполезным, потому что я не мог помочь маме, от меня было мало толку.

Так что я сидел на карусели, жалел себя и думал, что, возможно, от любви вообще нет никакой пользы. И тут ко мне подходит никто другой, как Фиона.

Сама она выглядела ужасно, опять с фингалом, но куда более уродливым, чем обычно, и вся в синяках. Она села на карусель рядом, и некоторое время мы просто молчали, потерянные в своих собственных маленьких мирках. Мне было приятно так сидеть, как будто нам вовсе и не нужно было говорить. Наконец она говорит:

— Всё. Я ушла от него.

И я знал, кого она имеет в виду, даже не спрашивая.

— Мне нужно найти нового сутенёра, — продолжила она.

— Тебе обязательно заводить нового сутенёра? — спрашиваю я.

— Конечно. Кто же будет присматривать за мной? Меня же побьют.

— Тебя и так бьют.

— Знаю, — говорит она. — Дерьмово, да?

А потом она спросила, что со мной такое, и я рассказал ей о маме, папе и о всех моих проблемах. Она подошла поближе и села на карусели возле меня.

— Да уж, мы ещё та парочка неудачников, правда? — прошептала она, и только тогда я понял, что она плачет.

Я не мог ничего сделать и поэтому просто обнял её. Зрелище, наверное, было ещё то.

ПОБЕГ

Примерно через неделю я ушёл из дома. Однажды я пришёл очень поздно и ожидал, что меня выругают, но вместо этого я застал маму и папу за очередной ссорой. Я уже привык к их бесконечным раздорам, но сегодня всё было хуже, чем когда-либо. Даже Танго лаяла, как будто тоже хотела вставить свои пять копеек, мама плакала, а папа кричал как

ненормальный и махал кулаками. Я знал, что в итоге он ударит кого-то, меня или Танго, или даже маму, что ещё хуже. Но я был сыт по горло, так что я начал кричать на папу в ответ. В первый раз я себе такое позволил и почувствовал себя легче. На мгновение папа остановился, всего одно мгновение, и потом он начал кричать снова, в этот раз даже громче. Не знаю, наверное, тогда что-то сломалось у меня внутри. Я быстро поднялся к себе в комнату, сложил несколько вещей в рюкзак, спустился вниз и ушёл через заднюю дверь. Никто не заметил, как я уходил, даже Танго, что меня совсем не радовало. Но я должен был сделать это, хотя, наверное, я просто хотел сделать вид, что ухожу из дома, а не уходить в самом деле.

Я понятия не имел, куда ещё пойти, кроме заброшенной детской площадки. Когда я добрался туда, было уже поздно и темно. Я надеялся найти там Фиону. С того дня мы встречались практически каждый вечер, чтобы просто поговорить, поделиться свежими шутками. Так что я и не думал о том, чтобы пойти куда-нибудь ещё. Но на площадке её не было. Конечно, Фиона не ушла от Мэлвина, она просто не смогла. У каждой проститутки должен быть сутенёр. Она рассказала мне всё о том, как работает система, и что если ты сунулся в этот бизнес, то назад пути нет. Думаю, поэтому нам было так хорошо вместе, мы оба были в своего рода ловушке. Хотя я никогда всерьёз не задумывался, почему меня тянуло назад. Возможно, просто от скуки.

Итак, её не было. Я поклонялся там немного, а потом мне стало немного страшно. Но я не хотел ещё идти домой, не сейчас, ещё слишком рано. Я хотел, чтобы мама и папа начали очень жалеть о том, что ссорились. Но куда мне пойти? Я не знал, где находится квартира Фионы, она никогда не говорила мне. Думаю, что она специально скрывала, должно быть это часть системы. Я пошёл на главную улицу. Уже было около одиннадцати ночи, и пабы были битком набиты людьми. К тому же была суббота, а значит, сегодня на улице было довольно опасно, даже в воздухе чувствовалось, что вот-вот где-то начнётся драка. Я старался ни на кого не глазеть — это лучший способ избежать тумачков. Странно, но все те крутые ребята замолкали, когда я проходил рядом, как будто их сбивало с толку, что я вообще тут нахожусь, маленький мальчик на ночной улице. Я всегда выглядел таким невинным, а мама гордилась этим. Она называла меня «Мамин ангелочек», представляете! Неудивительно, что я убежал.

В любом случае, я надеялся встретить Фиону, и мне повезло. Ну не то чтобы крупно повезло, потому как это была её рабочая ночь. Умею я

шевелить мозгами, да? Короче, я увидел её, когда она выходила из паба с каким-то перевозбуждённым парнем. Я не знал, что делать, и просто пошёл за ними. Но сперва я подождал, чтобы посмотреть, не появится ли Мэлвин. Конечно же, он появился, куда ему деться. Но он просто поговорил с тем парнем, наверное, предупреждал его или что-то вроде того, а потом он отошёл к другой своей девочке, которая подняла шум из-за того, что какой-то алкаш шлёпнул её по заднице.

И вот я последовал за ними, за Фионой и её клиентом. Это было легко, ведь было темно, а я был очень маленьким и держался тени. Как бы то ни было, квартира Фионы была сразу же за углом над газетным киоском. Они зашли внутрь через боковую дверь, которая, конечно же, оказалась закрытой, когда я к ней добрался. Возле двери была маленькая табличка с именем Фионы, просто одно имя и всё, рядом висел маленький звонок, а за ним решётка, в которую нужно было говорить.

Что делать дальше, я не знал, так что я просто вертелся поблизости, дожидаясь, когда они закончат свои дела. Над магазином было окно, окно Фионы, я догадался об этом, потому что свет загорелся сразу же, как только они вошли. Я видел, как она задёрнула шторы, но меня она не заметила. Я не мог перестать думать о том, что же там происходит сейчас. Всё, что я мог представить, это обнажённые девушки на картинках, которые я видел, и ещё пошлые шутки Голландца и его банды. И всё же я не мог представить Фиону за подобными непристойными занятиями, что только подтверждало, насколько невинным я тогда был!

НЕВИННЫЙ РЕБЁНОК

Я стоял там и ждал, наверное, минут десять, и вдруг я услышал крик. Фиона! Я посмотрел на окно и увидел тени, которые двигались там, а потом свет пропал, крики стихли, но их всё же было слышно. Сломая голову, не задумываясь ни на секунду, я бросился к двери и нажал на звонок. Я не убирал пальца с кнопки и слышал, как он трезвонит сверху — пронзительный звук. Но я продолжал вжимать кнопку, пока мой палец не онемел. И вот я услышал голос Фионы сквозь переговорную решётку, она кричала: «Помогите!». Я услышал звонок двери, и она открылась. Должно быть, Фиона как-то вырвалась к коммутатору. Я побежал вверх по лестнице. Нет, неправда... Я пошёл вверх по лестнице. Неожиданно я испугался, очень испугался, подумав о том, что меня там ждёт. И где же этот Мэлвин? Разве это не его работа — защищать своих девочек? А что я могу? Я же просто ребёнок.

И всё же я взобрался наверх по ступенькам и остановился возле ещё одной двери, которая вела в её квартиру. Она была не заперта, и я медленно открыл её. Сначала я ничего не мог разглядеть, свет всё ещё был выключен. Я услышал шум откуда-то, кажется, из другой комнаты, так что я направился туда. Я трясся, как осиновый листок, но что ещё я мог сделать? Фиона закричала опять и начала звать Мэлвина. Наверное, она думала, что это он пришёл спасти её, не я.

Я зашёл в комнату. Это была спальня Фионы. Везде была крошечная тьма, но мои глаза уже начали привыкать к темноте. Я разглядел её очертания на кровати, и ещё кого-то, кто стоял над ней. Я позвал Фиону по имени.

Фи...о...на...

Вот так, очень тихо.

Казалось, что всё остановилось тогда. Фигура над Фионой зашевелилась и повернулась ко мне. Должно быть, Фиона добралась до лампы у постели, потому что загорелся свет, и я увидел этого мужика, здоровенного полуголого мужика. В руке он держал ремень, как хлыст, и он повернулся ко мне, как будто теперь собирался ударить им меня.

Но потом он остановился.

Фиона громко выкрикнула моё имя:

— Лиэм!

— Что тут творится? — сказал мужик, только он не говорил, а ругался матом, а я не могу в семейной газете писать такое.

— Оставь её, — сказал я. — Не будь быком.

Мужик коротко хохотнул и остановился. Он выглядел очень растерянным, как будто я — это последнее, что он ожидал здесь увидеть. Думаю, так и было. Казалось, что он почти боится самого себя. А потом он стрёб свою рубашку и пиджак, и ушёл, просто ушёл!

Стрёмно, да?

Фиона встала и обняла меня. Она была почти голой. Но мне было приятно, ну, просто приятно. Я не возбудился, просто я был рад, что с ней всё в порядке, и всё. Просто рад, что мне удалось защитить её. Она позволила мне заночевать у неё. И не думайте ничего плохого, потому что я спал в гостиной на диване.

КАРЬЕРА

Думаю, тогда и началась моя карьера Младшего Сутенёра, хотя сам я об этом ещё не догадывался. Тот негодяй заплатил за своё дурацкое

удовольствие, и Фиона отдала мне часть этих денег за то, что я помог ей. Немного, но я и с того уже радовался, а кто бы не радовался? На следующее утро, в воскресенье, я вернулся домой. Конечно, мне нужно было объясниться, но маме большей частью было достаточно и того, что я вернулся целый и невредимый. А папа пообещал, что больше никогда не будет ругаться. Я не сказал им, где именно был, просто сказал, что ночевал у друга, что, собственно, было правдой.

Папа сдержал обещание, по крайней мере, на некоторое время. С того времени они не хотели никуда отпускать меня на ночь глядя, но я сказал, что мне исполнится одиннадцать лет и они не могут запрещать мне в такой день. Видите ли, на той неделе как раз был мой день рождения. Но я не послушался их... до самой субботы. Они куда-то пошли в тот вечер. Видно, папа действительно очень старался, потому что они уже сто лет никуда не ходили. И конечно, как только они за двери, так и я туда же!

Я пошёл напрямик к Фионе. Было ещё рано, и она была дома. Она была одна и очень мне обрадовалась. Она сказала, что не выходила ещё с прошлой субботы, что ей надоели эти игры. Вот так она это называла — «игры». Полагаю, там и в самом деле были свои правила, но кто же победитель? Сутенёр, я думаю. Мэлвин. Фиона сказала, что он заходил к ней, спрашивал, что происходит и где его деньги. Она ответила, что болеет какой-то болезнью, из-за которой нельзя заниматься сексом. Конечно, не было у неё никакой болезни, она наврала ему. Он сказал ей, что она бесполезна для него в таком состоянии, и она ответила, что это хорошо, потому что она завязывает.

И это я убедил её в том, что на самом деле она этого не хочет, что она просто напугана. Я сказал ей, что ей нужно выйти, найти клиента, потому что ей нужны деньги, ведь так? А если случится какая-то проблема, я приду защитить её, как в прошлую неделю.

Наверное, это прозвучало очень по-взрослому, что ж, я уже и был взрослее. То, что я увидел на прошлой неделе, изменило меня, я многое понял о взрослых, узнал, какими они могут быть плохими и глупыми.

Когда я вырасту, я буду другим, я буду контролировать свою жизнь, как говорят в американских ток-шоу по телику. Я не собираюсь быть таким тупым, как другие мужики. По крайней мере, это я себе пообещал.

Сначала Фиона сопротивлялась, но в конце концов сдалась. Ведь ей нужно что-то есть, разве нет? И мы разработали план. Она идёт искать клиента, а моя работа состоит в том, чтобы прятаться в гостиной, пока

они не закончат делать то, что они там делают. И только если будет какая-то проблема, она позовёт меня. И тогда я зайду и всё решу.

Первый клиент не доставил нам никаких хлопот, и второй тоже. А вот над третьим пришлось попотеть. Конечно же, Фиона позвала меня, и я зашёл. Я напустил на лицо самый невинный вид и, как всегда, обаятельно улыбнулся. В сущности, я так улыбался этому большому неотёсанному мужику, что любой бы растаял, как масло. И, конечно же, он не смог этого вынести и поспешно убрался. Думаю, что эти клиенты просто не могут думать о сексе или насилии, когда в спальне присутствует ребёнок. В этом причина?

Как бы то ни было, наш план сработал. Я заработал много денег в ту ночь, намного больше, чем я когда-либо видел. Ну, такова была сделка. Моя доля.

ДЕВЯТЬ ДЕВОЧЕК

Вот так я стал Младшим Сутенёром. Я переехал к Фионе. Знаю, мама и папа подали заявление в полицию о моём исчезновении, но я оставался у Фионы как можно дольше. А Фиона сама покупала продукты и всё необходимое. В школе как раз были каникулы в связи с пасхальными праздниками, так что с этим проблем не было, но даже когда каникулы закончились, я не удосужился пойти в школу. Сначала Фиона злилась из-за этого, но как она могла меня заставить, ведь из неё тоже примерной ученицы не получилось. Она привыкла, что я рядом, как будто я был её младшим братишкой, которым должен был быть Голландец, не будь он таким тупым.

Она познакомила меня с некоторыми другими девочками. В исключительных случаях, когда у них были клиенты, которые в прошлом вели себя не лучшим образом, я тоже помогал им. И говорю вам, никто не причинял никаких проблем, когда я появлялся в спальне. В конце концов, я начал присматривать за девятью девочками, и это было круто, но доставляло много хлопот. Мы договорились, что все трудные клиенты будут приходить в квартиру Фионы, так что Фиона стала некой Миледи, французское это слово, да? А я постоянно оставался в квартире, иногда выходя ночью погулять и проветриться. Большинство клиентов вели себя хорошо, так что мне не приходилось идти на выручку девочкам часто. Но они всегда могли положиться на меня, когда им нужна была помощь.

Фиона и другие девочки так привыкли ко мне, что даже ходили по дому почти голыми, как будто меня там и не было вовсе. Иногда я рисовал их в разной степени обнажённости. Они были отличными моделями. Единственное правило, которое у нас было, это то, что я никогда не должен был видеть, как они делают это — секс, я имею в виду. Но мне, в любом случае, и не хотелось видеть.

Но, конечно же, однажды всё пошло прахом. И это финальная часть моих признаний, и вы сможете прочитать об этом в завтрашней газете.

ВОЗБУЖДЕНИЕ

В общей сложности я был Младшим Сутенёром три недели. Недолго, да? Но скажите-ка, кто из вас вообще был Младшим Сутенёром хотя бы один день? И всё же за эти две недели я прилично набил себе карманы, заработал кучу денег. Но всё заканчивается рано или поздно. И вот как закончилась моя карьера.

Меня всё ещё разыскивала полиция. Моё фото показывали по телевизору, и в газетах писали о моём исчезновении. Но не полиция поставила крест на моей карьере. Голландец узнал, что я живу у его сестры. Однажды он зашёл к ней и увидел меня, и тогда я ему рассказал всю историю. Да, я хвастался, но выражение его лица этого стоило. Даже Голландцу не пришла бы в голову идея такой работы. Но и не Голландец покончил с моей карьерой; он помалкивал об этом, сестра заставила.

Мэлвина, прежнего сутенёра Фионы, посадили в тюрьму за избивание какого-то парня в пабе. Я слышал, что побои были ужасны. Так что это не из-за него моя карьера закончилась, он был не у дел.

Нет, я сам покончил со своей карьерой Младшего Сутенёра.

Был тихий вечер вторника. Мы с Фионой сидели в квартире одни, другим девочкам я сегодня не нужен был. Фиона не хотела выходить на работу, она сказала, что по вторникам ничего особенного не происходит. Но я сказал, что она должна, ведь я же босс, так? Пожалуй, мы просто так дурачились, хотя к тому времени она, в самом деле, уже относилась ко мне как к боссу, в большинстве случаев она подчинялась. Мы сидели в спальне; она развалилась на кровати, а я в кресле. Фиона всё ещё была одета в свои обычные домашние лохмотья, так что я приказал ей вырядиться во что-то сексуальное, а у неё-то в гардеробе было несколько вопиюще дерзких шмоток. Она встала, стянула с себя футболку, а потом и джинсы. А я просто сидел, смотрел на неё и думал, не достать ли свой альбом для рисования. И тогда со мной что-то случилось.

Не знаю, можно ли мне сказать... Я надеюсь, для семейной газеты слово «эрекция» — это нормально. Ну, в общем, это то, что со мной произошло — у меня была эрекция. Я возбуждился. Я сполз ниже в кресле, чтобы скрыть это, но чем дальше Фиона наряжалась, тем больше оно росло у меня в штанах.

Она посмотрела на меня, увидела, что что-то не так и спросила что. Я ответил:

— Всё в порядке. Собирайся. — Но потом я передумал: — Нет, не надо никуда идти, давай просто посмотрим телик, сегодня же вторник — ничего особенного не происходит по вторникам.

Но Фиона не хотела слушать, сказала, что уже собралась, и что не хочет, чтобы это было зря.

И она пошла искать клиента.

Я остался в квартире один. Я думал о том, что произошло, пытался понять. Меня тянуло достать его, ну, мою штуку в штанах, я имею в виду, но я не стал. Я был напуган, да. Напуган тем, что могло бы случиться. Смогу ли я теперь присматривать за Фионой со стояком в штанах? Как бы то ни было, наконец, я услышал, что Фиона вернулась и поднимается по ступенькам, так что я выскользнул в гостиную, как всегда. Я услышал, как она идёт по коридору в свою спальню. Было тихо, никаких голосов. Таковы некоторые клиенты, не любят разговоров.

И я ждал, как всегда. Я попробовал немного почитать, но не мог перестать думать о том, что происходило за стенкой. И чем больше я представлял, тем хуже обстояли дела, с моей эрекцией, я имею в виду. Все те непристойные картинки возникали у меня в голове одна за другой, как слайд-шоу. Как киносенс для взрослых.

Я надеялся, что всё пройдет гладко сегодня, но нет, минут через десять Фиона начала звать меня. Я совсем уже нехотя пошёл в сторону спальни, очень медленно. И моя штука всё ещё выпирала из штанов. Я открыл дверь. Лампа возле кровати Фионы была включена, она горела красивым красным светом. Мужчина привязал Фиону у изголовья кровати. Я никогда не мог угадать, всё ли хорошо с Фионой или нет, потому что иногда она позволяла многое своим клиентам, чтобы они были довольны и вернулись ещё. Но если она звала меня, значит, всё было очень плохо, без всякого притворства.

Теперь она кричала. Клиент весь одетый стоял на коленях над её голым телом и бил её по лицу снова и снова, как будто ненавидел её, как будто ненавидел весь мир, а Фиону угораздило подвернуться ему под руку.

И тут мою эрекцию как ветром сдуло.

Конечно, я сразу же узнал её клиента, даже со спины.

— Папа, — сказал я, очень медленно и тихо, как будто я не мог в это поверить, что, собственно, было правдой. Ну, как вы понимаете, это его остановило. Он обернулся посмотреть на меня. Тот взгляд был полон удивления и шока, я никогда не забуду его. Но беда в том, что это разозлило его ещё больше, такой сюрприз, я имею в виду. Я попробовал свою обычную уловку — невинное лицо, улыбка и всё такое, — но, конечно, это уже не сработало, особенно сейчас. Я хочу сказать, это ж мой собственный отец, и он оказался таким похабным уродом!

Он спрыгнул с кровати и пошёл прямо на меня, подняв руку для удара. Он выкрикивал какие-то грубости в мой адрес за то, что я находился здесь, как будто я был виноват в его дурацкой похотливости. Но потом я увидел его взгляд, его истинный взгляд, он был пустой. И за секунду до меня дошло, этот идиот меня не узнал! Своего собственного сына. Наверное, у него рассудок помутился от гнева, или от похоти, или от того и другого, скорее всего, от того и другого. А может, он просто не хотел верить в то, что я здесь, из-за чувства вины, например.

В общем, я попытался увернуться от его хватки, но поздно. Он схватил меня за шиворот, поднял, и, честное слово, я был уверен, он швырнёт меня об стену. Я был уверен в этом. Так что я начал просто выкрикивать его имя, так громко, как мог, не настоящее его имя, я имею в виду, а просто:

— ПАПА!!! ПАПА, ПЕРЕСТАНЬ!!! — Вот так, как можно громче.

И он остановился. Остановился ни с того ни с сего, всё ещё держа меня в воздухе, как малыша. Потом он меня медленно опустил. Он отошёл назад к кровати, тяжело опустился на неё, уронил голову в свои руки. Я никогда не забуду эту картину: его голову, утопающую в руках, и трясущееся тело, сжавшееся почти в ничто. И тогда он заплакал.

ВИНОВЕН?

Ну, как вы понимаете, это был конец моей карьеры Младшего Сутенёра. Я не знал, что сказать папе, так что я не говорил ничего. Вместо этого я развязал Фиону, и она оделась. Возбуждения во мне не осталось ни капли.

Потом ко мне подошёл папа, начал рассыпаться в извинениях и просить не говорить ничего маме о том, что он ходил к проститутке. Я пообещал, что не буду, просто чтобы он наконец заткнулся и ушёл. По-

сле его ухода мы с Фионой сидели вместе на кровати, не произнося ни слова. Деньги моего отца лежали на её ночном столике, и она, как ни странно, предложила мне мою обычную долю, представляете? Конечно же, я сказал, куда она может запихнуть свои деньги. И потом я попрощался.

Когда я вернулся домой, моя мама была вне себя от радости. Она просто осыпала меня поцелуями! Ужас. А папы и следа не было. Мама не знала, где он, и ей было всё равно, так она сказала. И я бы не выдал его, честно, вот только Голландцу нужно было встрять и растрепать какому-то дурацкому журналисту всё обо мне... Вот тогда и расползлись все подробности, в газетах появилось куча заметок, и люди сплетничали обо мне, как будто я был пупом земли. Поэтому я решил написать это честное Признание о том, как я был Младшим Сутенёром.

В общем, теперь всё кончено. Я снова живу дома, с мамой и Танго. Мама и папа подали на развод. Я также вернулся в школу и, как могу, стараюсь наверстать пропущенные уроки. Я хочу стать художником. Власти до сих пор пытаются решить, виновен ли я в чём-либо. А вы как думаете? Я не знаю, иногда мне кажется, что ничего этого не было, что я никогда не был Младшим Сутенёром. Но потом я вспоминаю, что видел и что делал. Полагаю, я увидел и сделал больше, чем любой парень из моей школы, даже больше, чем те, у которых уже был секс, или, по крайней мере, те, которые говорят, что был. Все они, а особенно девочки, смотрели на меня с восхищением, потому что я знаменит. Какая-то женщина, эксперт по психиатрии, сказала, что вся эта история будет влиять на меня до конца жизни, а я и надеюсь на это, честно говоря.

ЗАБРОШЕННОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

Хобби едва ли не лучшее, что есть у нас в детстве. Хобби не классифицируются согласно степени интеллектуальности или даже степени занятости; нет, считается, что хобби бывают крутыми или не очень, в зависимости от количества прибабасов, которые для них необходимы. Например, для коллекционирования марок, занятия хоть весьма и интеллектуального, нужны всего лишь альбом, пинцет, прозрачная бумага, которая фиксирует вставляемые марки, увеличительное стекло, и ничего больше. Безусловно, в зависимости от количества прибабасов, лучшее хобби всех времён и народов — это рыбалка.

В юности для обычного похода на рыбалку вам необходимо взять с собой крючки и грузила, поплавки и леску, сачки и неводы, и разные странные примочки, вроде маленького приспособления для изъятия крючка из рыбьего рта. И всё это снаряжение нужно заботливо распределить по различным лоткам и аккуратно поместить в ящик из вербовых прутьев, который также служит сиденьем на берегу водоёма.

Но лучшее из всех прибабасов для рыбалки — это наживка. А именно личинки.

Обычно этих маленьких тварей можно купить в местном зоомагазине, где люди покупают себе домашних любимцев. Как будто личинки тоже могут быть домашними любимцами. Личинки бывают всех мыслимых цветов, что предполагает, что где-то на Земле какой-то ребёнок на вопрос «Чем занимается твой отец?» может гордо ответить: «Он личинковый цветовод». После того как вы заплатите продавцу шесть пенсов, или сколько там нужно, он откроет большую коробку с личинками, их там миллионы, и все извиваются как бешеные. Продавец зачерпнёт вам нужную порцию этих тварей и бросит в коричневый бумажный пакет. Из пакета, тёплого и слегка пульсирующего в ваших руках, вы переместите их в свой пластиковый короб для наживки. Иногда, бывало, по телевизору транслировали документальный фильм о природе, где в ускоренной съёмке показывали, как эти самые твари за секунды пожирали мёртвого кролика. После такого не сразу придёшь в себя от страха.

Но довольно скоро вы с ним справлялись, особенно после того, как уже насадили пару личинок на крючок, прямо сквозь чрево. К тому же столько всего можно было с ними сделать. Для начала, вы могли швырнуть горсть личинок в воду рядом с вашим светящимся и танцующим поплавком. Это приманит рыбу к вашему крючку. А ещё лучше положить пригоршню наживки в рогатку и везде её разбрасывать. Конечно,

это ведёт к ещё более захватывающим занятиям, как, например, стрельба личинками из рогатки по друзьям. Также можно проводить соревнования, чтобы увидеть, кто может съесть больше личинок. Но лучше всего было закинуть личинки девочкам за шиворот.

Конечно, как только вы станете более взрослыми и у вас появятся более взрослые занятия, рыбалка, как и все остальные хобби, останется позади. И когда это случится, всё это снаряжение — удочка и короб, катушки и сетки, коробка с наживкой и все те маленькие примочки, большинство из которых, по правде говоря, вы никогда не использовали, — всё это остаётся пылиться в сарае.

Сарай — это традиционный склад забытых хобби, и не только ваш, но и вашего отца тоже. Он под завязку забит всякими ржавыми инструментами, старыми велосипедами, неисправными газонокосилками, спецодеждой, поеденной молью, лопатами без рукояти, рукоятями без лопат, бесполезными подарками, молотками для крикета, спущенными мячами для футбола, банками из-под повидла, заполненными гвоздями и шурупами, пачками сгнивших журналов и всеми бесполезными сувенирами с отпуска в Блэкпуле.

Забытые мечты.

Мой отец держал всё своё снаряжение в сарае. Я рос в те годы, когда со времён окончания войны прошло не так много времени, потому что воспоминания о конфликте были постоянно на уме у людей. В комиксах, которые мы любили читать, было полно картинок с нацистами, которые кричали что-то вроде «Gott im Himmel!» (Бог на небесах) и «Englischer Schweinehund!» (Английский свинопас). Нашей любимой игрой было имитирование событий больших битв, и мне, по правде говоря, всегда втайне было стыдно, потому что мой отец, на самом деле, был на стороне немцев. Я знал это, потому что на всём том снаряжении, что я нашёл в сарае, были жуткие символы орла и какие-то слова на немецком языке.

Конечно же, сейчас я знаю, что, должно быть, отец стащил это всё с трупов.

Там был пистолет, Люгер, кажется. И штык. И бинокль. И несколько пуль, около полудюжины пуль. Иногда я прокрадывался в сарай поиграть с этими тяжёлыми магическими предметами. Бинокль я потерял на пляже Блэкпула, и за это я был жестоко наказан. Пистолет и штык мне дали, когда власти провозгласили амнистию на старое военное снаряжение. Но по каким-то причинам отец не отдал мне пули, те шесть пуль. До сих пор не знаю почему.

Несколько недель спустя была ночь Гая Фокса, и после того, как последние отставшие от всех жители покинули городской костёр, от которого остались одни тлеющие угольки, мой отец пошёл туда сам. Не знаю, о чём он думал тогда, в самом деле, не знаю, но через несколько минут оттуда донеслись звуки ужасных взрывов, и я увидел, как отец бежит вниз по улице и размахивает руками, как сумасшедший.

Он просто кинул пули в остатки костра!

А утром, по всей протяжённости деревянного забора, мы увидели чернеющие дыры от огня. Думаю, вот тогда-то люди с нашей улицы и начали поговаривать о моём отце.

Тогда он был как будто поражён вирусом, но теперь его дух очистился, и однажды он бросился в сарай полный решимости выкинуть весь этот хлам раз и навсегда. Он торчал там битый час, а груды мусора всё росла возле входа в сарай. Нам, детям, скоро надоело наблюдать за этим, пока мы не услышали внезапный тревожный крик. Мой отец выбежал из сарая, преследуемый каким-то облаком, чёрным жужжащим облаком.

Он открыл коробку с наживкой. Коробку, которая пылилась в сарае неделями, с личинками внутри. Там они сначала превратились в куколок, а потом в голодное облако насекомых, которое роилось несколько секунд у лица моего отца перед тем, как, наконец, отцепиться. Облако пепла, улетающее к солнцу.

ГОМО-КАРАОКЕ

Работают все машины! Я — Девичья Сила 7 из всемирно известной команды МЕЧ-ПАРФЮМ. Со своей специальной барсеткой для гаджетов я лучшая из непобедимых. Особо отмечу свой смертельно ядовитый любовный романс! Сыграй со мной. Вместе мы спасём Лунчестер от всякой заразы.

Этим вечером город облачён в парфюм грязной шлюхи и соответствующий наряд. Дождь перестал, оставив улицы с мокрыми жирными волосами, масса их прядей забила ливнёвку. Все флаера всех вечеринок всех времён скопились в сливном отверстии жизни. Я стою на балконе ночного клуба «Дабтек», зажав ладонью рот. Высоко надо мной лазер с крыши разными цветами раскрашивает тучи, хамелеонит под ритм. Я вышел подышать, но даже у музыки серьёзные проблемы с гигиеной, и от этого не сбежишь. Это моё первое в жизни выступление в Манчестере, и это место — сплошной гигантский сраный вонючий динамик зеро-типа. Здесь нет и следа моего соперника. Когда я подхожу к краю, смотрю вниз, волны народа вытекают из клуба — эпилептики под заикающимися огнями. Назад в клуб впадает очищенный канал. Какие-то столы, стулья, пара зонтов от солнца, все мокрые и отяжелевшие, но не суть; небольшие промежутки между дождём позволяют считать и учиться жить среди них. Облака дешёвых покупных гормонов поднимаются от юных тел. Визжит девушка. Другая швыряет своим бокалом прямо в официанта; жидкость летит сквозь его тело, создавая радиальное мерцание. Какой-то парень свалился в воду. Всё очень плотское, очень человеко-человечное, и это всё, что я могу сделать, чтобы не блевануть.

— Сэр, вам требуется помощь?

— Что? — я оборачиваюсь: официант подмигивает мне.

— Это из-за влажности, сэр? — Его лицо дёргается, словно плохая блок-схема.

— Я в порядке.

— Желаете выпить? Чтобы успокоить нервы, возможно? За счёт заведения?

— Оставь меня.

— Юноша, я желаю вам удачи сегодня вечером.

Да, конечно. Сделай акцент на слове «юноша», чего уж там. Последний кивок — и он исчезает, помигав пару раз, прежде чем у него это окончательно получится. Чёрт, в системе всё ещё есть баги, как раз то,

чего мне не хватало. На балкон вваливается шайка отбросов-гопников. Я и так на взводе, это же вроде как VIP-зона, только для диджеев. Шпана теснится, напирает, смеются надо мной, ждут момента, как я превращусь в кучу расплавленного винила, когда меня возьмёт в оборот убийственный хаус-бас моего противника. Один из них ударяет меня — жёсткое испытание для моего плеча. Всё бы ничего, но я того же возраста, что и они; просто другой паренёк из ниоткуда. Я поднимаю взгляд на крышу напротив, над проходом, стараясь поймать проблеск корпоративных секьюрити, пусть сюда упадёт несколько замораживающих лучей! Но камеры слепы, и уроды продолжают свой беспредел. Ещё системные глюки. Или, может, само это место ополчилось против меня. Такое дерьмо никогда не случается, когда надо, зато его полно, когда не надо. Пусть так и напишут мне на могильной плите, если я сегодня проигрую.

И снова начинает накрапывать дождь.

Задействуй все системы! Я — М.О.Р.фин из суперзнаменитого отряда героев МЕЧ-ПАРФЮМ. Своими особыми глазами-динамиками я излучаю лёгкие для слуха лучи силы Музака. Я одурачу всех суперзлодеев этим интригующим способом из Лаунджа Смерти. Сыграй со мной. Вместе мы дадим отпор угрозе Скинвейдера.

Прибыл в Манчестер только сегодня утром, заселился в отель «Пикадилли», номера оплачены, как и обещали, всё организовано. Отдельные номера. Оставим это пока. Марго празднует тренировкой в спортзале, сауной, комплексным массажем и серьёзной дневной сессией в баре, всё за счёт клуба. Зная, к чему приведёт выпивка, но, как я сказал, оставим это. Я же — в своей камере наверху, перебираю возможные треки на вечер, проверяю, всё ли в порядке с призраками, проверяю оружие.

В десять минут второго заглядываю к Марго. Она в отключке, глубоко зарылась в туман. Возле кровати — обычный мерзкий инструментарий. И все нарушенные обещания. Целую её в губы. На вкус — как воняющий дешёвыми сигаретами подгнивший персик, запах её дыхания. Она шевелится от поцелуя, открывает глаза, мягко.

— Здесь хорошо, да? — шепчет она. — Здесь, в городе?

— Всё замечательно, Марго. Просто отлично. — Она ведь даже не выходила ещё из отеля. — Теперь спи.

— Спой мне колыбельную, один разок.

Что за чёрт; я пою её любимое — всё о физике ангелов и массе облаков. И когда я заканчиваю, она говорит:

— Не забывай о деле, Парфюм. Сделай его хорошо.

И ушла с медленной-медленной улыбкой — обратно вниз, в лимб.

Ясная штука — большое дело: Марго ведёт машину, Марго принимает решения, устраивает выступления, ведёт переговоры, считает деньги. Марго становится грязной — я остаюсь чистым. Но как быть с делом сердца, а, Марго? С этим глупым неписанным делом сердца? Сколько ещё ей осталось? Только бы я смог сегодня хорошо выступить, набрать побед...

Ага, и все другие обещания.

Нас ждали в клубе к двум часам на проверку звука. Мне это было действительно нужно, поскольку расстановка дек здесь будет для меня непривычной. Я позвонил в приёмную, договорился на четыре часа о побудке для Марго и устроил себе одиночную прогулку по городу. Через переполненное сердце решил пойти дождь.

Вот и началось.

Клуб на улице Уитуорта — наполовину из красного кирпича, наполовину из хрома. Только розовое слово «Дабтек» — прерывистым включенным неоном. В проходе валяются флаеры. Моё собственное лицо под ногами — пригоршни моих разбросанных глаз, уже подмоченных дождём. Я со своими крошечными сопутствующими дарованиями, ОК, устремившийся к зданию на вечер «Диджей сам». Девятнадцатилетний, отпустивший всё, привязанный только к музыке.

Появляется слякоть.

Какой-то парень впускает меня и удаляется, я чувствую, что что-то не так. Измотанная техник бежит вокруг с искрами в волосах. Нестабильные огоньки, взрывающиеся, как подбитые звёзды, запах горелой плоти навис над пустым танцполом. И лихорадка, будто само здание примеривается ко мне, высмеивает меня, входящего. Техник подходит ближе. Я сообщаю, кто я и зачем пришёл.

— Проверка звука? — говорит она. — Ох, сомневаюсь, не в этом состоянии.

— А в чём дело, — спрашиваю я, — какой-то вирус?

— Иди-ка отсюда. Мы чисты, как девственница. Просто технические неполадки, к вечеру всё разгребём и уберём. Но, как я уже сказала, проверки звука не будет, дружок. Придётся летать вслепую, а? Ещё раз, как зовут?

— DJ Меч-парфюм. Четырёхкратный чемпион в моей местной лиге.

Она смотрит на меня, будто я провинциальный уже-труп.

— Ну, у нас тут в городе всё маленько по-другому. Никто ещё его не побил. Ни-ког-да. Скинвэйдер — маньяк. Он тебя проглотит целиком. Ну, всегда же бывает первый раз, правда? Всегда бывает первый раз, — и она смеётся, как умалишённая. — Мне тут надо поработать.

Я остался один на краю пола, а воздух вокруг тяжелел и сдавливал сердце.

Вот тогда бы мне и уйти.

Вместо того, чтобы...

То есть, размер пола, окружение и дымка над дальним краем пола. Я ступил на борт, слегка испуганный, ощущая нежное дуновение атмосферы профессионализма. Вся окружающая меня звуковая система, нависшая со стен, вспыхивала желанием. Кто-то пытается извлечь записи, проделывая дыру в воздухе, откуда выпрастывается бас. Удары в желудке, как глубоководная память; звон в голове от сверкания крыльев высоких тонов.

— Как тебе? Получше, чем у Блейзера, а?

Конечно, это Марго, нагибаясь поближе, шепчет поверх музыки. Всегда так делает, да? Запертая в такси, выглядящая, как будто ни разу не выбиралась наружу. Но как я могу говорить? Найтспот Блейзера — место, где я учился своему ремеслу, крутил свои детские грувы, вызвал своего первого призрака. Блёклый пригородный длинный тёмный диско души.

Для которого это колыбель. Под спазмическими лампами, внутри музыки, от которой начинает тошнить, тёмный треск, даже когда Марго придвигается ещё ближе для поцелуя...

Работают все машины! Я — Язык Ящерицы-Ниндзя, из диджей-акробатов МЕЧ-ПАРФЮМ. Выстреливая ртутный яд своего остроумия, я поражаю липкой смертью всех известных врагов. Скинвейдер окажется просто комнатной мушкой против моей уничтожительной языковой хип-хоп тактики. Поиграй со мной. Поэзией мы принесём чуму.

Сегодня этот пол стал храмом пота, шума, давки, потной шумной давки, ритмов запаха, боли в сердце, обнажённой плоти, головного тумана, разлитого пива, запятнанной любви. Я проталкиваюсь сквозь миазмы, влажную плоть танца, становясь липким. Люди узнают меня, скорее, по флаерам, которых больше, чем меня. Есть ещё кто-то, кого они хватают, выкрикивают обзывательства, какой-то тип, болтающийся внутри этого покалывания кожи.

Диджей на разогреве играет для танцующих, без приключений, строго по-человечески. Всё как обычно, но на секунду свет мигнул, музыка вырубается, оставляя толпу в режиме квантового подёргивания.

Дерьмо!

Мне следовало никогда не приходить на пол перед выступлением, особенно перед этим большим, но я пришёл увидеть команду. Марго там, танцует, зажата в толпе, на её лице блаженный взгляд сканирует со скоростью миль в час, должно быть, выискивая меня. И тут ещё одна слишком сильно разящая рука, ещё одно слишком крепкое вырвавшееся ругательство, доводит до того, что я больше не вижу пути перед собой, так что я разворачиваюсь...

Развернувшись, пытаюсь протолкаться к большому входу, к дверям пытаюсь протолкаться к дверям, увлекаемый под попыткой протолкаться, увлекаемый, когда луч вышибал низвергается на нас волнами льда, и все танцующие вокруг вдруг застывают в полной заморозке, и я пойман всё теми же холодными связывающими медленными движениями дав-ки, перегруженный и оттаивающий теперь, как дым с теплеющего тела, *слишком много ёбанных глюков в моей системе!* прямо в объятия корпоративных секьюрити, а из спикеров гремит голос МС... Время для музыкальной схватки!

Задействуй все системы! Меня зовут Шестиструнный-Металюга, я из МЕЧА-ПАРФЮМА. Своей особой силой Гитары-Призрака я уничтожаю всё известное манчестерское безумие тысячью риффов из стали. Вместе мы задушим Детбитовый отряд злого Скинвэйдера. Сыграй со мной. Устроим взрывы на звуковом кладбище!

Меня пристёгивают к диджей-машине. В будке темно, и мир сжимается. Мой соперник — размытое движение в кресле через комнату, вращающееся от меня. Марго нет. Я чувствую себя потерянным без неё, потому что тонуть одиноко, и не за что ухватиться, не важно, из чего это сделано. Два лица вертушек поднимаются мне навстречу, уже вращаясь, так что даже крик имени Марго не может остановить мои руки, которые по импульсу тянутся ласкать скольжение дорожек. Козырёк опускается на глаза, мои пальцы сливаются с вращением, затем полностью руки, погружаясь в мягкий, тающий пластик, и я проваливаюсь...

...в музыку, проецируемую из тысячи динамиков.

Задействуй все системы! Работают все машины! Я — Годзилла Бас из группы маньяков боевого-ритма МЕЧ-ПАРФЮМ! Я хожу на орбитальных ногах, на позднем сроке беременная Ультра Низкой Ревербер-акцией. По-

играй со мной, почувствуй Могучее Землетрясение внутри самого глубокого живота, БУМ! БУМ! БУМ! Вместе мы повергнем всех менее известных монстров музыки!

Всё спокойно, плавно, приготовлено, трепещет.

Подо мной, за мили отсюда, танцпол; кипятик из лиц, протянутые руки, глумливые голоса. Я подвешен над ними, мои гигантские формы, сделанные из перемежающихся лучей знания. Я мечу вниз свою огромную руку; она движется сквозь толпу, описывая волны. Кто-то падает назад, другие просто позволяют иллюзии пройти сквозь свои тела, вызывая. Что мне до этого? Я всемогущий Годзилла Бас из Меча Парфюма. Ещё нет признаков появления Скинвэйдера, пол мой, и я пускаю в ход ревуший риф, который заставляет их танцевать; заряд столь мощен, что им приходится двигаться, даже противникам. Клубные огоньки сливаются и хлопают, крошечный промежуток тьмы, на долю секунды последовавший с ритмической запинкой, перед тем как система снова ударяет, и я расчищаю воздух лезвиями басов, любя сверканье всего этого.

До меня долетают подбадривающие выкрики и звук барабанов битвы. Бас вторит моему собственному, только более глубокий, усиленный реверберацией зубов. Собирая шумы, является сам Скинвейдер; яростно тёмная набухшая информация. Медленный бой барабанных битов приобретает форму; пульсирует громадное сердце. Качает ласковый звукокровоток. Клуб трясёт в неистовстве. По бокам сердца разворачиваются чёрно-ночные крылья, удерживающиеся на высоте стрекозо-басов. И когда сердце распахивается, орошая меня звёздами, — звучит мелодия кинжалов. Боль заливают меня, как сок солнца. Сотрясаясь, я вызываю Шестиструнного Металюгу, извлекающего скретчи твист-фанка из призрачной гитары. Швыряю фанк, возлагая надежды на бомбёжку ритма. Скинвэйдер мутирует; туманный взрыв психоделического шквала разрешается шёпотом. Теперь я сделался Языком Ящерицы-Ниндзя; Древняя Лед-Зеппелинская петля ударных, маниакальная хип-хоп шрапнель. Стремительно-огневые, остро заточенные слова, оскорбляющие хаус-диджея, клуб и всех танцующих. Скинвейдер туманит вертушки, выдавая музыкальный хит-удар, снова и снова. Толпа не знает, как справиться с битами, которые я бросаю в них, внизу становится сумасшедше-холодно. Так добьём же их; теперь вызываю М.О.Р.фина, всплывающего на крутом мерцающем бризе виброфонов и щелчков пальцами. Это красиво, это роскошно. Это очарование сна. Скинвэйдер расплывается, же-

лая вздремнуть. И со всеми подключёнными монстриками мы становимся небоскрёбом — я Эмпайр Стейт Меч-Парфюм! Передаваемый всей внешней системой, я отрываюсь от диско. Дождь ласкает моё тело, но моя голова выше уровня туч. Огромный среди дорог и блеска, и дальних холмов, где я когда-то однажды жил свою маленькую жизнь. Но то было вчера, а сейчас я должен наклониться к моим 97 миллионам танцполов!

Я убаюкан собственным сном, когда вражеский бас реально скользит, на земноядерную глубину, и барабаны нарастают в ускоряющейся чуме, которая гоняет толпу по венам, высасывая из них энергию. Шум снова оборачивается — теперь в несущую опустошение рыбу-меч-локомотив на паровом двигателе. В мёртвый центр моего здания ударяют разрывные; стихия. Скоростная магистраль к черепу. Сражённый, я обрушиваюсь на землю, и теперь могу видеть только клубный потолок, все с шипением сверкающие огни. Танцующие носятся по разрушенным комнатам моего тела, с возгласами рассеиваясь.

Готово. Так просто.

Скинвэйдер, словно парящий калейдоскоп, торжественно висит на лучах света, его форма то конь, то молот, то финка, то рой ос, то ракета; у каждой — своя, ужасающая мелодия. Наконец, нависает как гигантская змея, истекающая ядовитой песней, каждая капля которой прожигает мои стены насквозь.

Пока внутри моей иллюзии не остаётся лишь один персонаж, и я чувствую, как медленные, выгоревшие чувства Марго смешиваются с моими. Но она улыбается, не знаю почему. Шепчет. Свет мерцает вновь, лучи дрогнут, время становится вялым. Я понимаю всё в этот растянутый момент, то, как у самого поражения есть свой ритм; свет, проекция, музыка...

И в крошечной тишине, что следует за этим, я позволяю раствориться всем своим призракам, призывая лишь Девичью Силу 7 последними оставшимися силами. Музыка с щелчком возвращается в действие, время становится обычным, и я исчезаю, растворяюсь. Змея шипит вокруг. Но я мала, я миниатюрна. Ангелы в дабе. Я та маленькая девочка, что поёт яд тебе на ухо, когда никто не видит...

*Возьми две тучи и нанижи
по одной с каждой стороны;
сотри в волосах дождинки,*

*и небо станет твоей невестой,
небо станет твоей невестой.*

Теперь меня, обнажённого, выволакивают из диджей-машины, что происходит? Всё тёмное — внутри и снаружи, где-то далеко визжит толпа, а мой противник лежит на полу рубки, от его тщедушного подёргивающегося тельца поднимается дымок. В этом мире ему не больше десяти лет. Я тоже шатаюсь — так плохо, что даже не чувствую боли, когда меня кто-то пинает. Но Марго здесь, она всегда рядом, когда нужна, требуя денег, призов. Кто-то предлагает мне работу; Марго предлагает им пойти обслужить себя самостоятельно, и это хорошо, потому что теперь это новое внутри меня, ожившее для всех моих нужд...

Завершить все процессы. Я — Скинвэйдер Детбит, последний член лучшей музыкальной команды всех времён МЕЧ-ПАРФЮМ. Со своим оружием хамелеоновой мелодии я готов ко всем сражениям. Сыграй следующую игру со мной. Мы ввергнем Лунчестер в диджейский Парадиз. Смерть всем противникам!

* * *

Мы не заморачивались оставаться на ночь, просто похватали сумки, выписались и выехали. Марго не переставала улыбаться, рот застыл в радости, пока руки плавно перемещали руль. Сейчас мы уже за городом, следуем за близнецовыми змеями света назад к холмам. Снаружи всё тихо, ночь проходит под шум дождя.

Мы много не разговариваем. Каждый из нас захвачен своими чувствами, потерян в изумлении. Когда мы въезжаем на вершину холма, Марго останавливает машину.

— Я больше не могу вести, Парфюм, — говорит она, её голос так же нежен, как луна, висящая над нами. — Ты должен доставить нас домой.

Правильно. Она выходит из машины, призрачно-хрупкая, идёт недалеко в темноту. Я иду туда за ней, чтобы принять пожатие её растворяющейся руки. Мы целуемся под лунным светом, и я позволяю её духу вернуться внутрь меня. Я остаюсь один.

Я возвращаюсь к машине, неся в себе частицы красоты.

ДАБ-КАРАОКЕ (электрический хайку ремикс)

всё плывёт в покое
на трепетных длинах волн
диско увеличенное

декодеры грува
потрескивающим танцем плавают и рвут
духи иллюзии

барабанно-мягкие механизмы
ослепления ритма
мерцающей системы

взрыв бассового сока
мягкий горизонт вертушки
кружит калейдо-делический

игло-взрыв черепного огня
мутирующие удары в минуту
операционная тоска

невидимый фанк
психо-звуковой ангел,
высасывающий шипение

загружающий язык
маленькая девочка,
шепчущая колыбельный яд

радио-слёзное пятно
трансляция ароматов
потерянных при монтаже

поцелуи ремикса
растворяющие всех призраков неизвестных
обручённых с небом

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПРИТЯЗАНИЯ ИНФЕКЦИЙ

ЖУК-КОМПАС

Дззз! Как солнце на устах младенца, яркое пламя вышло из брюшка жука-факела. Короткая вспышка огня из канала в нижней части его туловища. *Дззз!* Это предупреждение, и брачный призыв, и защитная функция также, а ещё достаточно любопытная вещь для двух ребятисшек, счастливых и беспечных, благодаря бесконечно длинным каникулам. Насколько я помню, всё то лето мы только тем и занимались, что устраивали поджоги и маленькие взрывы, тревожа высокую до плеч траву.

Дззз!

— Сюда! Быстрее! Сюда!

— Нет. Поздно. Упустили.

— Чёрт!

И так мы носились в течение долгих дней, когда лето крепко вцепилось в кончики выгоревшей травы, а школа была в тысяче горячих миль отсюда. Три недели, четыре дня, четырнадцать часов — время так тщательно отсчитывалось, несмотря на то, что оно почти растворялось в дрожащей от жара дымке. Мы говорили тогда, что было жарче, чем у колибри под мышкой, и смеялись; но самым жарким был огонь, который выпускают из задницы жуки-факелы. Представьте себе двух детей семи и десяти лет, которые носятся, как сумасшедшие, с сачком и банкой, преследуя следы дыма, которые спокойно двигались туда-сюда, по часовой стрелке.

Найти жуков-факелов было просто — по следам дыма, искр и вспышек, и по резкому запаху. Труднее было их поймать — как только жуки расправляют свои надкрылья перед посадкой, они пускают в ход своё сокровище и снова бросаются наутёк.

Дззз!

— Сюда! Сюда!

— Нет. Сюда!

— Есть! Поймал!

Элиот был старше меня на целых три года. Он был израненным ветераном этих полей, его руки были усеяны множеством шрамов от ожогов. Его банка всегда была до отказа заполнена пламенем, в то время как в моей была всего одна или две искорки, но меня это не задевало, я

был рад одной возможности ходить за ним хвостиком. Мы оба жили неподалёку отсюда, в Шекспировском районе, и туда мы, два перепачканных зеленью травы воина, возвращались со своей добычей. Не знаю, наверное, всё это звучит очень по-детски, но меня не покидало чувство, что скоро всё это закончится. Элиот уже начал говорить о девочках, как будто в них было что-то особенное. К тому же, по одной из них, Валэри, он всегда сходил с ума. Думаю, я просто вцепился в него, как пиявка, не позволяя его интересу к охоте на жуков угаснуть.

Дядя Элиота покупал у нас жуков-факелов. Он платил по несколько пенни за жука, в зависимости от обменного курса. Элиот называл его дядя Слиппи (Проворный), не знаю почему, наверное, потому что он никогда не сидел на месте.

— Окей, сколько их у вас сегодня? — спрашивает он.

— Пятьдесят семь, — отвечает Элиот.

— Пять, — говорю я.

— Ты продул, Скриббл, — ликует Элиот. — Неплохо бы тебе встряхнуться уже.

— Оставь его в покое, — говорит Слиппи.

Элиот первым начал называть меня Скриббл (Почеркушка), с тех пор как я показал ему несколько своих бессмысленных стишков. Глупый поступок, знаю, но я хотел доказать ему, что я хорош хотя бы в чём-то. Это был один из тех случаев, когда мне нравилось, что он смеётся надо мной. Правда, странно было то, что он придумывал клички для всех, абсолютно для всех, кроме себя. Думаю, он так укреплял своё самообладание, хотя это я и только я всегда трусил и оглядывался назад.

— Вот ваши деньги, мальчики, — сказал потом дядя Слиппи.

— Спасибо, дядя.

— А теперь пошли вон, валите отсюда.

Конечно же, мы никогда не хотели уходить. Дядя Слиппи жил один. Его дом был в конце улицы, старый и полностью завешанный шторами. Казалось, он жил только в одной комнате, в спальне. Она была завалена разными невероятными вещами, большинство из которых, я уверен, были лишены и смысла, и предназначения. Дядя Слиппи был коллекционером. Он собирал поломанные будильники и перья экзотических птиц, но главной его целью были насекомые. Он называл себя энтомологом. Это слово было лучшим из тех, которые я когда-либо слышал. Некоторые свои ценные экземпляры он держал на стене под стеклянной рамкой, это были монстры яркого окраса со всех концов света. Живых же жуков он держал в разных мрачных террариумах. Я часто прижимал-

ся лицом к стеклу этих террариумов, чтобы лучше видеть все необыкновенные вещи, которые там происходят. Тёмные мерцания, внезапное движение того, что, как ты думал, было, скажем, листиком или цветком. Иногда дядя рассказывал нам истории о насекомых, об их необыкновенных способностях и о том, что они самые прекрасные и разумные существа на планете.

— Кажется, я приказал вам убираться вон.

— А как называется вот этот, дядя?

— Этот? Ну, это жук-компас.

Вот уж стоит только его заставить начать, как он уже не может остановиться.

— Жук-компас. Это самец. Я уже годами ищу самку. Хочу разводить их. Знаете что, если когда-нибудь вы найдёте такую самку, честное слово, щедрости моей не будет предела!

И он громко засмеялся, как будто таким, как мы, не дано поймать ничего такого замечательного, да никогда в жизни. Так что мы лучше присмотрелись к этому мерзкому жуку в террариуме. Он был около двух дюймов в длину, чёрно-оранжевого окраса с большим чёрным крестом на спинке.

— Найдёте хотя бы одного такого, — сказал дядя Слиппи, — и вы никогда не потеряетесь, никогда. Иглой путь себе проложите, ребятки!

Мы спросили почему, но на сегодня урок был закончен. Как бы то ни было, иногда, если нам везло, если у Элиота был хороший улов, дядя Слиппи отдавал нам одного из своих жуков-факелов, одного из выдрессированных. У него был к ним подход, секретный способ заставить их делать то, что хочешь. Так он зарабатывал себе на жизнь. Он обрезал крылья этим жукам, но это ещё не всё, он что-то делал с ними так, что они выпускали пламя только тогда, когда вам захочется.

Мы с Элиотом забирали такого жука и заработанные деньги, и обычно за деньги мы покупали себе сигареты. Потом мы возвращались назад в поле и с помощью жука-факела прикуривали свои сигареты. Жука надо было держать между указательным и большим пальцами, и сдавливать так, чтобы из его задницы вышел огонь. И так можно было прикурить сигарету! Вот так, в качестве живых зажигалок, дядя Слиппи и продавал их. И у него был неплохой доход от этого. Элиот всегда только и говорил, что о деньгах, которые мы могли бы заработать, если бы только сами знали секрет дрессировки жуков.

— Как думаешь, Скриббл, как он это делает? — спрашивал он, затягиваясь сигаретой.

— Не знаю.

— Думаю, это как-то связано с перьями.

— Что? С теми птичьими перьями, которые он хранит? С чего бы это?

— Думаю, это виртовые перья.

— Виртовые? Не может быть. Это не виртовые перья.

— А я думаю, они. А ты что думаешь?

— Я не знаю, что думать. Пока нет.

Из газет мы вычитали уйму информации о виртовых перьях. О том, что они станут лучшими носителями информации, лучшими даже, чем фрактальные кассеты. О том, что музыка в них звучит более чем чувственно, о том, что они содержат лучшие игры всех времён, о том, что на них можно записать любую информацию, даже ту, о которой никто ещё не знает. Было много всяких слухов о виртовых перьях. Говорили также, что нужно было положить одно из них в рот, чтобы оно подействовало. Во всяком случае, так писали в газетах. Не знаю, мне всё это казалось немного глупым, но Элиот всегда цеплялся за сумасшедшие слухи. За всё, что могло вынести ему мозги и перенести его в другую реальность. Он так быстро вырос.

— Но они же должны быть синими, разве нет? — спросил я его. — Виртовые перья, я имею в виду. Я читал об этом. А у Слиппи нет синих, по крайней мере, я не видел.

— Не-а, необязательно им быть синими.

— Необязательно?

— Только легальные — синие.

— Ты имеешь в виду, что есть и другие?

— Ясное дело. Например, чёрные... Только не говори мне, что ты никогда не слышал о чёрных перьях.

— Нет.

— Чёрные лучше всех. Это пиратские копии. Типа, нелегальные. Очень крутые. А у Слиппи чёрных до фига, так?

— Конечно, у него много чёрных, но это не значит, что они виртовые перья. Виртовые перья даже в магазинах ещё не продают, если у тебя, конечно, нет кучи наличных. А у Слиппи вряд ли есть столько денег. Где ему взять виртовые перья? Я думаю, у него они обычные, может, вороньи, например.

— Ты так думаешь?

— Да, именно так я и думаю.

— Ну, а я всё равно думаю, что это виртовые перья, и, думаю, поэтому он может управлять насекомыми.

Тогда мы были обычными детьми, которые не нашли лучшего занятия, чем валяться в густой траве, курить сигареты, слушать, как жуки-факелы ведут перестрелку огнём, и играть со своим собственным дрессированным жуком, заставляя его выпускать пламя из задницы снова и снова, пока он совсем не выдохнется. Два обычных ребёнка, которые говорят о вещах, о которых не знают ничего.

Наверное, мне нужно было догадаться о том, что произойдёт потом, зная, как устроены мозги Элиота. И зная о том, что время от времени он не прочь своровать что-нибудь типа комиксов или, например, номеров журнала «Кот Игрун», сигарет и всего такого. А однажды он стащил плакат Интерактивной Мадонны, просто снял его со стены, свернул в рулон и ушёл с ним под мышкой. Но все эти вещи он воровал в магазинах, я никогда не думал, что он стащит что-то у друзей или у собственной семьи.

Так что примерно через две недели, когда каникулы уже заканчивались и он попросил меня встретиться, я думал, будет что-то вроде последней охоты на жуков перед школой. Я даже захватил с собой сачок и банку. Хотя, в некотором смысле, они мне понадобились.

— Ты стащил его? — удивился я.

— Ясное дело.

Элиот снял рубашку. Оно и понятно — было очень жарко, это же лето всё-таки.

— У дяди?

— Ага, прямо из спальни. Я зашёл к нему и спросил, не надо ли чего купить в магазине. Он сказал, что составит список, и пока он писал, повернувшись спиной, я стащил первое попавшееся перо.

— Офигеть! Давай показывай тогда.

— Смотри, только аккуратно.

Элиот отдал мне перо, чёрное перо. Я взял его за кончик, как будто оно было живое, или что-то вроде того, как будто оно было опасным. Я покрутил его в пальцах, казалось, оно впитывало солнечный свет, сверкая.

— Видишь, как оно блестит? — отметил Элиот. — И цвета? Видишь, вкрапления розового?

— Ага.

— Оно не просто чёрное, понимаешь? В него ещё что-то добавили.

— Это просто цвет, ничего особенного. Лёгкий оттенок розового, вот и всё. А что значит розовый?

— Не знаю. Но информация зависит от цвета. Ты что, не читал об этом?

— Читал. И всё равно это не доказывает того, что это виртовое перо.

— Есть только один способ узнать.

— Что? Ты имеешь в виду?..

— Давай попробуем.

— Засунуть его в рот? Никогда!

— Боишься, что ли? Боишься пера?

— Нет. Дело не в этом.

— А в чём же тогда?

— Тебе не следовало красть его. Слиппи убьёт тебя.

— Ну так давай сделаем это, пока он не узнал.

— Хорошо, но ты сам. Сам это делай. А я просто посмотрю.

— Нет. Нельзя входить в Вирт в одиночку. Ты ведь читал об этом?

— Да... Да, читал. Ладно, не делай этого один.

— И?

— Ты думаешь, оно покажет нам, как дрессировать жуков-факелов?

— Вот именно, Скриббл.

— Ну хорошо. Но ты первый.

— Нет, ты первый.

— Почему это?

— Потому что я войду, а ты передумаешь.

— И как мне знать, что ты не поступишь так же?

— Не поступлю, потому что я хочу этого. Понимаешь?

— Понимаю.

— Отлично. Тогда давай его сюда.

И я отдал перо Элиоту. Он приказал мне открыть рот. Я так и сделал. Он приказал открыть его шире. И я открыл шире, настолько широко, насколько мог, чтобы наконец покончить с этим. Он взял перо и положил его так, чтобы один кончик остался на моей губе, а другой достал языка.

Жуки-факелы вокруг меня сходили с ума. Солнце палило так, что, казалось, я чувствую его языком, а высокая трава изнывала от желания. На мгновение я подумал, что, слава богу, это обычное воронье перо, и вдруг солнце вспыхнуло, как будто вот-вот оно стгорит дотла.

Внезапно...

Я падал... куда-то в сторону и вниз...

Ночь. Где-то в этом мире. Я просыпаюсь в своей постели. Я слышу маму и папу, они ругаются там внизу. Может, стоит навестить комнату сестрёнки? Дездемона не против, если я вытаскиваю её из постели, просто чтобы проговорить ночь напролёт, особенно, когда мама и папа ссорятся. Итак, я встаю. По какой-то причине я лёг спать полностью одетым, но это не волнует меня. Вдруг я слышу стук в дверь. Я разрешаю войти, полагая, что это Дездемона, но оказалось, что это Элиот. Он подгоняет меня:

— Пошли, Скриббл, мы должны найти жуков, наверное, они живут в твоём доме.

И я вспоминаю... Да-да, мы планировали это ранее, охота на жуков, я всё забыл. И вот мы спускаемся по ступенькам, очень тихо. Я уже не слышу никаких криков, только своё отрывистое дыхание, указания, которые нашёптывает мне Элиот, и размеренное тиканье часов. Мы добрались до кухни. Темно. Я хочу включить свет, но Элиот запрещает, он говорит, что лучше воспользоваться фонариком. Его он взял с собой, а я держал сачок в одной руке и банку в другой. Я не могу вспомнить, когда подобрал их. С кухни слышится тихий шорох, как треск льда или шуршание гравия. Это раковина. В ней стоит гора грязной посуды. Элиот говорит мне приготовиться, он собирается включить фонарик. Я встаю как вкопанный, подняв сачок. И вот зажигается свет, такой яркий, как солнце, он ослепляет меня. Внезапно, тысячи оранжевых пятнышек бросились во все стороны, в темноту. Жуки. Я испугался. Элиот кричит на меня, и я пускаю в ход свой сачок, просто размахиваю им вверх-вниз без разбора, разбивая горшки по пути. Сколько шуму поднялось. Но шум этот был мягким, цветным синим шумом.

— Поймал хоть одного? — спрашивает Элиот.

И я ответил ему, что поймал. Я не снимал сачка с жука-компаса, пока Элиот не накрыл его банкой. Мы перекинули его туда и закрыли крышкой. Готово. Даже шум не поднял на ноги весь дом. Что теперь? Элиот предлагает вернуться в мою комнату. И вот мы там, сидим на моей кровати и рассматриваем жука в банке. Он так прекрасен. Такой оранжевый, а на спинке чёрный крест. Я говорю Элиоту, что мы отлично поработали, и он соглашается. Он снимает рубашку, потом ложится на кровать, и я кладу руку ему на грудь. Его твёрдую, сильную грудь. Я нежно глажу его, он не против. Элиот улыбается. Моя рука нежно спускается ниже, к пряжке ремня. Он всегда гордился этой пряжкой в форме свернувшейся змеи. Я начинаю расстёгивать ремень...

Вот дерьмо!

Что это было?

Часть меня куда-то двинулась, как будто моё тело хотело выйти само из себя, как в припадке, и неожиданно меня дёрнуло в сторону и вверх.

Солнце вернулось.

Я лежу на поле. Лежу на спине, а Элиот стоит сбоку, натягивая рубашку. Он всё ещё держит перо, правда, оно теперь не чёрное, а кремовое. Тусклого кремового цвета.

— Блядь! — вопит он.

— Что это было? — не могу прийти в себя я. — Что случилось?

— Ничего.

Он говорит натянуто, едва управляясь с приступом ярости.

— Ничего не случилось, понял? Ничего!

— Это был сон. Всё было как во сне.

— Да? Ну, мне такие сраные сны не снятся.

— Тогда чей сон это был?

— Заткнись!

— Чей это был сон?

— Чёртового дяди Слиппи! Я всегда знал, что с ним что-то не так. Грёбаный извращенец! Этого никогда не было, ясно? Никогда не было.

— Ясно.

Я встаю. Голова всё ещё гудит от уходящего цвета. Элиот уже уходит. Я подбираю сачок и банку и направляюсь за ним. И только тогда я заметил...

* * *

— Мне следовало бы пристрелить вас обоих, — разозлился дядя Слиппи. — Вы хотя бы знаете, во что влезли? Вы влезли в сумасшедшее дерьмо. Чёртовы дети! Мне плевать на кражу, если вы знаете, что воруете. А вы своровали мои грёбаные радости!

— Но мы ведь принесли тебе жука, — попытался оправдаться Элиот. — Мы принесли жука-компаса.

Я поднял банку, чтобы показать Слиппи. Он забрал её.

— Бестолковый юнец! — закричал он. — Это самец. У меня тысячи самцов. Я ищу самку. Самцы ничего не находят, только самки. Самки находят сокровища. Ничего вы от меня не получите за это. Ничего!

— Но...

— Вам ведь известны правила? Правила Вирта? Если вы забираете что-то оттуда, то должны оставить там что-то взамен. Что вы оставили там, а? Что?

Я смотрю на Элиота, но он не отвечает на мой взгляд, просто не хочет.

— Ничего, дядя, — тихо отвечает он.

— А я вам говорю, что оставили. Это правило. И когда-нибудь вы узнаете что. Бог вам в помощь.

И он передал банку Элиоту.

* * *

После этого мы не виделись, во всяком случае, несколько недель точно — началась учёба и всё такое. Но это не основная причина, конечно. Кое-что осталось невысказанным. Я знал, что Элиот злится на меня, как будто это моя вина. Может быть, так и было, я не уверен. Когда я натыкался на него, он тусовался с ребятами своего возраста, и чаще всего с ним была та девчонка, Валэри. Он обнимал её за талию. Целовал её. Это хорошо. Я рад. Может, я и сам немного повзрослею теперь.

Я заметил ещё кое-что. Он всё ещё таскался с тем жуком-компасом. Мёртвым, конечно. Жуки долго не живут, так ведь? Элиот держал его труп в спичечной коробке, в кармане. Мне он сказал, что никогда не выбросит жука, никогда. Он считает, что жук показывает ему путь вперёд, как указатель. Ещё Элиот сказал, что стрелки на спинке жука-компаса теперь, в самом деле, вращаются; вращаются, как ненормальные. Это тоже хорошо. Это уже что-то. Это я могу понять, или, как минимум, могу сказать, что понимаю.

И все его новые друзья, и эта Валэри тоже, все они теперь называют его Битл (Жук). Это его новое имя. Битл. Хорошее, правда? Оно подходит ему.

— Давай, Битл, — упрашивает Валэри. — Давай примем пёрышко.

Элиот достаёт перо из пиджака. Синее. Он машет им перед моим лицом и смеётся надо мной. Я не знаю, где он достал его. И вот, они все вместе, он и его друзья, уходят, а я стою и не знаю, идти мне за ними или нет.

ФЕТИШ-КАБИНКА №7

Испытав за прошедший год серию неудач на личном и профессиональном фронте, на которых подробно останавливаться не имеет смысла, Янус Фонтейн, бывшая поп-звезда, решил покончить с собой. С присущим ему драматизмом он выбрал особенную дату и время для своей кончины: новогодний бой часов станет его последней молитвой, а праздничные крики пьяной толпы — его похоронной песней.

Никаких специальных принадлежностей для самоубийства у него не было: ни заряженного револьвера, ни аккуратно затянутой петли, ни смертельных таблеток. Ничего такого грубого. Он предпочёл положиться на случай. Так или иначе, празднование кануна Нового года покончит с ним. Это всё, что он знал.

Не считая финала, свой последний день Фонтейн спланировал очень тщательно. Проснулся он в девять утра с жутким похмельем от вчерашнего вина. Во рту он ощущал дискомфорт — кусочек мяса застрял у него между зубами, но он выковырял его изворотливым языком. В десять утра он был уже побрит и помыт, и элегантно одет, как будто собирался на бизнес-встречу или романтическое свидание. Он заказал поздний завтрак в ресторане отеля «Эбисс» (полный английский с двойными тостами). В первый раз он ел не в своём номере.

Он приехал сюда из Манчестера всего неделю назад, и сразу же отказался от всех услуг обслуживающего персонала, объяснив, что он желает, чтобы его не беспокоили даже для смены белья. Он требовал, чтобы еду оставляли у него под дверью вместе с обильным количеством алкоголя.

Как вы себе и представляете, внезапное появление постояльца из номера 417 привлекло много внимания. Он казался довольно нормальным — просто сидел, пил кофе и внимательно читал утреннюю газету. Несколько человек из персонала помнили мистера Фонтейна в его лучшие дни, когда волосы у него не были такими жидкими, талия не такой заплывшей, глаза не такими потускневшими, а голос не утратил свою звонкость. Один из них даже подошёл к нему за автографом, и Фонтейн с радостью расписался. Потом у регистрационной стойки Фонтейн полностью оплатил свой счёт и ушёл восвояси навстречу опасностям. Багажа с собой у него не было.

Теперь, когда постоялец номера 417 покинул отель, самого невезучего уборщика в мире ждало место ужасного зловония. Гостиничный номер, как поле боя: полотенца, перепачканные экскрементами и кро-

вью; простыни в пятнах от засохшей спермы; акварельные пейзажи на стенах изрезаны в клочья. Телевизор, разбитый вдребезги, валялся на полу, та же участь постигла зеркала. Разбитые винные бутылки блестели на ковре; сигаретный дым заполнял каждый уголок комнаты. А на кровати валялась целая кipa порнографических журналов.

На ночном столике лежали десять тысяч фунтов в мелких купюрах и рядом короткая записка с благодарностями персоналу.

В это время Янус Фонтейн проталкивался сквозь толпу на Тоттенхэм Корт Роуд. Лондон, бурлящий город. Затеряться здесь очень легко. Люди слишком заняты покупками видеокамер, камкордеров и диктофонов, чтобы узнать его. Пока Янус проходил мимо, он попал в тысячи объективов, но только как обычный прохожий, как все.

Он бесцельно шёл, позволяя толпе вести его прямо в эпицентр движения на Оксфорд-стрит. По дороге он зашёл в пять или шесть магазинов и проторчал в каждом из них некоторое время. Он ничего не покупал. Больше всего времени он провёл в одном из самых больших музыкальных магазинов. Там он нашёл только два из семи своих альбомов, да и те стояли в секции с уценёнными товарами. Наконец, он добрался до Мраморной арки и Ораторского уголка; он постоял там недолго, послушал речь человека, вещавшего перед малой толпой. Потом Фонтейн заказал лёгкий завтрак в одном из лучших отелей на Парк-Лейн, расплатившись за это незначительной долей из толстой пачки наличных, которую он припрятал в кармане. Это были его последние деньги. Официант всё время смотрел на одинокого посетителя и, наконец, набрался смелости и поинтересовался, действительно ли он «Янус Фонтейн, поп-звезда?»

Янус улыбнулся.

— Ой, моя мама с ума сойдёт, когда я расскажу ей.

Удачное время испытать шок.

В «Энциклопедии популярной музыки» о Янусе Фонтейне сказано очень мало, даже его настоящее имя там не указано. Родился в Манчестере, первый сингл «Пластиковые цветы» занял первое место в чартах по всему миру, так же как и второй. Даже третий был хорошо принят. Последующий публичный скандал отразился на продажах четвёртого сингла «Пиксельки, выходите этой ночью», который достиг только 95 места в чартах. Пятый сингл «Раньше, чем наступит лето» и одноимённый альбом (его второй) не имели успеха совсем. После этого Фонтейн вернулся на сцену лишь десять лет спустя, развернув многолетнюю и трудную кампанию, на этот раз как взрослый артист. Он записал серию

критически воспринятых альбомов на маленьком независимом лейбле. Ни один из них не имел большого успеха. Текущее местонахождение Фонтейна неизвестно.

Местонахождение неизвестно? Жив или мёртв?

В Хайд Парке Янус наслаждался искусственными деревьями, детьми, резвившимися тут и там, собаками и запахом любви, витавшим в воздухе. Он наблюдал за группой девушек, которые проходили мимо, но без всяких чувств похоти, просто улыбки на их лицах доставляли ему радость. Радость, которая быстро испарялась. К тому же, начал идти дождь.

Он укрылся в Серпантинной Галерее.

Там проходила выставка работ какого-то молодого парня, о котором он никогда раньше не слышал; всё из пластика и битого стекла. Эти работы так очаровали его, что он провёл там около часа. Большинство посетителей задерживались внутри на минутку или две, особенно после того, как прекратился дождь, но Янус Фонтейн был всё ещё в состоянии оценить талантливые образцы современного искусства, не жалея на это денег из своих последних сбережений.

Всю жизнь он копил их. И какой из этого прок?

Четыре вечера. Фонтейн задремал на лавочке в парке, как унылый бродяга-алкоголик. Проснувшись, он увидел маленькую собачонку, которая обнюхивала его ногу. Отогнав животное, Янус снова двинулся в путь.

Он шагал вдоль Конститушн Хилл к Аллее, не соображая ничего. Когда же всё случится? Мир медленно погружался в ночь. Деревья Сент-Джеймского парка справа от него... утонули в темноте; дети, всё так же бегающие туда-сюда... утонули в темноте; собаки, бродяги в парке, разодетые люди слева от него, все собравшиеся люди... все утонули в темноте...

После того короткого сна Фонтейн почувствовал глубокую усталость, казалось, день тянулся уже вечность. Ему нужно было опять выпить, но не у всех на виду, так что он зашёл в первый попавшийся отель и снял номер. Он заплатил за одну ночь наперёд и провёл целый час, опустошая мини-бар в своей комнате. Пока его не начало трясти. Янус прилёг на роскошную кровать только на минутку, просто чтобы обуздать монстров в своей голове. Но вместо того, он крепко заснул.

Его разбудил телефонный звонок. Сбитый с толку, он не сразу поднял трубку. Сон не отпускал его. Наконец, Янус пришёл в себя и ответил.

— Вы просили разбудить, Мистер Фонтейн, — раздался голос в трубке.

— Что?

— Уже восемь, сэр.

— А, да. — Янус выглянул в окно, пытаясь сориентироваться. — Восемь вечера?

— Да, сэр. Как вы просили.

— Спасибо.

Странно, Фонтейн не мог вспомнить того факта, что он просил у регистратора разбудить его. Шатаясь, он умылся, собрал свои немногочисленные вещи и оставил на мини-баре предельно щедрую сумму денег. Вывалившись из отеля, несколько минут он не мог сориентироваться на улицах. Где он? Поток людей нёс его на Трафальгарскую площадь. Там уже собралась огромная толпа в безумном ожидании. Янус осознал, что у него всё ещё очень большая сумма наличных, и, опасаясь карманных воришек, он плотнее прижал к себе пальто.

В конце концов, он вписался в одно из ответвлений толпы, поток людей, который направил его на север, к Кембридж-Серкас. Истоптанный и помятый, теперь он был спокойнее — наконец, он почувствовал себя жертвой судьбы. Город двигался под свой собственный внутренний ритм. Куда он его приведёт? Внезапно Янус ощутил голод, алкоголь одиноко плескался в его животе. Обнаружив внезапные колебания в толпе, он воспользовался моментом и двинулся в сторону Чайнатауна. Здесь толпа была менее безумной — люди двигались группами, а не потоком. Но запахи и вид различных блюд на вывесках только усилили его голод.

Конечно же, все места во всех ресторанах были забронированы, но нелепая сумма, которую Фонтейн готов был выложить даже за самую простую еду, сыграла свою роль, и вскоре он нашёл свободный столик. Он ужинал долго и охотно, как на банкете, смакуя каждый кусочек. Он воздержался от приёма алкоголя, посчитав, что разумнее понимать, что к чему, когда конец так близок. Этот последний ужин был так приятен, что он готов был съесть в тысячу раз больше. Но этому не суждено сбыться. Это невозможно. Всё уже было решено.

Было уже около одиннадцати, когда Фонтейн протолкался в Сохо, весь помятый в реке из плоти. Всё человечество праздновало, кругом слышались фотовспышки и щелчки камкордеров. Уклоняясь от фотоаппаратов, как будто он всё ещё был всемирно известной звездой, Янус двинулся из фешенебельного района в бедный. Теперь он точно знал,

что всё случится здесь, под мрачными вывесками, среди криков и мольбы. И казалось, что так и должно быть, что всё должно произойти в таком месте отчаянных, дешёвых удовольствий. Из дверных проёмов, завешанных шторами из бусин, пульсировала громкая, дерзкая музыка; хриплые голоса обещали искушённые развлечения; потасканные проститутки предлагали ему своё тело, требуя его внимания. Узкие, грязные улицы расплывались в тумане из-за дождя, стекающего с тусклых неоновых вывесок. Освещение здесь казалось дешёвой радугой. Большинство клубов, стрип-баров, экзотических кинотеатров и ночных магазинов получили хорошую прибыль, так как сегодня люди забывали о своих обычных страхах. С приближением конца года, мужчины и женщины, наконец, смогли немного расслабиться, и зловоние их феромонов растекалось в воздухе. Снаружи более приличных заведений выстраивалась толпа. Атмосфера была тяжёлой, подавляющей и неприятной.

Бродяга, по-видимому, слепой, стоял, вытянув помятую банку для мелочи. Янус достал из кармана немного денег и, не считая, засунул их в банку.

Затем, нырнув в тёмный глухой переулок, он очутился в необычном спокойном мирке. Дорожка была очень узкой, такой узкой, что лишь один человек мог с трудом там протиснуться. Сбоку тянулся целый ряд запертых стальных дверей, пожарных выходов из разных стрип-баров. Мусорные бачки ломились от кучи гнившего хлама. На полпути вниз по дорожке Янус увидел неоновую вывеску, на которой когда-то было написано ФЕТИШ-САЛОН, но теперь остались только буквы ТИШ-САЛ. Под вывеской мрачно позвякивала занавеска из бусин.

Янус посмотрел в конец аллеи, где толпились люди, распевая песни и ожидая звон колоколов. Всё это казалось таким далёким, таким мало-важным, и он повернулся назад к двери. Натянутые бусинки слегка колебались, как будто приглашая посетителя. Поспешно, чтобы не передумать, бывший поп-артист вошёл в салон.

— Мистер Фонтейн, я полагаю?

Внутри всё было мрачного фиолетового цвета, в воздухе висел тяжёлый запах ладана вперемешку с другой, более тошнотворной вонью; едва ли ладан мог замаскировать её. Янус подождал, пока привыкнут глаза.

— Вы меня узнали? — обратился он к голосу, владельца которого ещё не было видно.

— Нет. Я предположил, что это вы.

Теперь из-под низкого прилавка появилась фигура мужчины, старого мужчины. В руках он держал книгу, одну из тех бухгалтерских книг.

— Вы записались на приём, — заявил он прокуренным, как и вся комната, голосом.

— Приём? Нет... Я...

— Вот, здесь всё записано. — Старик открыл книгу и проследил пальцем вниз по странице. — Мистер Фонтейн. 23:30. Вы немного опоздали, но это неважно. Давайте приступим? Какую выбираете?

— Послушайте... Я...

— Скорее. Какую из них? Первую, вторую? Третью, четвертую? Пятую или шестую? — Старик по очереди показывал на каждую из шести дверей, все они были скрыты за бархатными шторами. — У вас же есть деньги, я полагаю?

— Да, есть. Сейчас. — Янус достал свой бумажник. Он снова ощутил волю случая. — Сколько это будет стоить мне?

— Это зависит от того, какую кабинку вы выберете, конечно же. Каждая из них довольно заманчива по-своему. А все вместе они удовлетворяют любое ваше желание. Подчинение или доминирование? Бичевание, возможно? Садомазо всегда в фаворе, а вот животные уже для более извращённого вкуса. А может, вы любите пользоваться всякими криминальными штучками? Какими именно, позвольте узнать?

Янус смотрел на каждую кабинку по очереди, пытаясь решить. От ладана его глаза начали слезиться. Казалось, комната слегка вращалась, как медленная мельница. И вот, появилась ещё одна дверь, ещё одна занавеска рядом с шестой дверью.

— Что там? — спросил он.

— О, это кабинка №7. Вы настоящий ценитель, Мистер Фонтейн. Но, возможно, вам не хватит средств...

Янус открыл бумажник и достал все оставшиеся деньги. Солидная пачка молча перекочевала в руки старику. Мужчина слегка улыбался, пока пересчитывал купюры.

— Вы приняли мудрое решение. Прошу, наслаждайтесь...

Янус медленно подошёл к седьмой кабинке. Где-то вдалеке, как будто из другой страны, другого времени, он слышал бой курантов, веселье толпы, глухой свист и взрывы фейерверков. Секунду поколебавшись, он отодвинул штору и шагнул внутрь.

СУТЕНЁР! — НАСТОЛЬНАЯ ИГРА

На данный момент это самый полный из всех экспонатов, представленных в Музее Фрагментов. Игра была разработана и официально зарегистрирована в 1997 году. Все малопонятные термины можно найти в любом словаре конца двадцатого века. (См. приложение* для дополнительных, основанных на догадках, примечаний.)

(начало текста)

СОДЕРЖАНИЕ

- 1 игровая доска, являющая собой макет района Сохо в Лондоне; 4 игровых фишки (Сутенёр, Проститутка, Клиент, Легавый); 100 000 фунтов игровой валюты в разных единицах (не предназначены для использования в качестве законного платёжного средства); 30 видов карточек Удовольствия; 30 видов карточек Наказания; 30 видов Фетиш-карточек; 4 карты Сексуального Здоровья; 2 игральных кубика (шестигранный, двенадцатигранный); 1 инструкция.

ВВЕДЕНИЕ

- В Игру «Сутенёр!» играет четыре игрока, которые по жребию определяют, за кого они будут играть: Сутенёра, Проститутку, Клиента или Легавого.
- У каждого игрока своя цель, к которой они идут либо в одиночку, либо формируя союзы с другими игроками.
- Передвижение по игровой доске определяется числом, выпавшим на игровых костях, также для передвижения игрок может использовать любые очки Здоровья, которые он заработал во время игры.
- Победителем считается тот игрок, который первым достигнет заданной цели или останется единственным выжившим.

ПРАВИЛА ИГРЫ

- Все игроки начинают игру со своих стартовых местоположений, которые отмечены на доске: Сутенёр в своей Квартире; Проститутка на Углу улицы; Клиент в Пабе; Легавый в Отделении полиции.

- В начале игры каждый игрок получает определённую сумму денег: Сутенёр получает 100 фунтов; Проститутка — 50 фунтов; Клиент — 200 фунтов; Легавый — 1 000 фунтов. Остальная часть денег формирует Банк. Во время игры деньги могут быть потеряны или получены, в зависимости от ловкости игрока. Если игрок теряет все свои сбережения, он выбывает из игры, если только он не сможет уговорить одного из других игроков одолжить ему денег.

- Все игроки начинают игру с 6 очками Сексуального Здоровья. Их количество можно увеличить с помощью определённых карточек Удовольствия, также их можно купить у Дилера. Если Сексуальное Здоровье игрока падает до нуля, он выбывает из игры.

- Все игроки получают 2 Фетиш-карточки в начале игры. Другие можно получить во время игры.

- Карточки Удовольствия и Наказания игрок подбирает всякий раз, когда попадает на определённые игровые клетки (телефонные будки), или когда другой игрок заставляет их взять. Все указания, написанные на этих карточках, должны быть немедленно выполнены, если только игрок не может «откупиться». Однако свои Фетиш-карточки игрок может использовать по своему усмотрению, пока у него есть необходимое количество очков Сексуального Здоровья.

- После того как игрок достиг своей цели, он должен благополучно возвратиться в своё стартовое местоположение.

ЦЕЛИ

- Сутенёр должен забрать все деньги у остальных игроков и избежать ареста. Проститутка не должна его бросить, а Клиент победить в бою.

- Проститутка должна не потерять свои изначальные деньги за ночь и избежать ареста. Она не должна влюбиться в Клиента или быть избитой Сутенёром.

- Клиент должен заняться сексом с Проституткой и избежать ареста. Он должен попытаться заставить Проститутку влюбиться в него, в результате чего платить ей будет не нужно. Он не должен проиграть в бою с Сутенёром.

- Легавый должен арестовать Сутенёра. Он должен выбить взятку у Клиента и заняться сексом с Проституткой бесплатно.

ЭКЗОТИКА

- Болезни, передающиеся половым путём: при заражении игрок каждый ход теряет всё большее количество очков Здоровья. Лекарства можно достать дома у Дилера или в круглосуточной аптеке.

- Секс без Предохранительной карточки увеличивает риск заражения болезнью на десять пунктов.

- У Дилера можно купить различные нелегальные наркотики. Если у игрока случится передоз, он потеряет два очка Здоровья. Наркота увеличивает силу карточек Удовольствия на пять очков.

- Любой игрок, пойманный с наркотиками Легавым, теряет 6 очков, если только он не отдаст Легавому наркотики как взятку.

- Если Клиента засечёт Жена, он теряет 5 очков.

- Сутенёр и Легавый должны быть мужского пола. Проститутка может быть мужчиной, женщиной или транссексуалом. Клиент может быть мужчиной или женщиной. Если Клиент — мужчина, и Проститутка тоже мужчина, значит Клиент — Гомосексуалист. Гомосексуалисты играют в игру с повышенным риском.

- Если Сутенёр убит, любой другой игрок может стать новым Сутенёром, за исключением Проститутки, которая не может стать никем другим.

- Легавого никогда нельзя арестовать, даже если он совершил убийство.

- Любой игрок, выживший после посещения Фетиш-кабинки №7, выигрывает игру, даже если его главная цель ещё не достигнута.

(конец текста)

* *Приложение.* Сама «игра», инструкция к которой изложена выше, так никогда и не была найдена, других упоминаний о ней также нет. Это привело к определённым теориям, в основе которых лежит предположение, что игра, на самом деле, проходила на «реальных» улицах Сохо. Некоторые исследователи допускают также, что сама инструкция относится совсем не к игре, а к реальной жизни.

ХРОМОСОФТ МИРРОРС (V.4.2)

Резкий взлёт и падение империи Chromosoft уже подробно задокументированы, особенно факты, касающиеся короткого существования Mirrors версии 4.2. Я предлагаю вам свой рассказ как более субъективное дополнение к официальной версии. Это поможет пролить свет на всю эту историю, если только вообще не станет единственным лучиком правды. Если копнуть глубже, можно предположить, что все существующие версии тех событий были заинтересованы в том, чтобы реальный человек, ответственный за ту ужасную финальную ошибку, не был обнаружен. Конечно же, такова политика корпорации Chromosoft — ответственность за ошибки возложена на весь коллектив.

Моя бабушка, Элиза Гретхен, умерла прежде, чем я родился. Все мои исследования её жизни базировались на чужих воспоминаниях, пока я не нашёл её личный журнал. Не имеет смысла подробно останавливаться на этом событии, стоит только отметить, что из-за того примитивного носителя информации, на который был записан журнал, мне пришлось купить очень дорогой и старомодный CD-плеер.

Элиза была членом той знаменитой вонючей команды, которая разработала оригинальную идею технологии Mirrors (кодовое имя «проект Алиса»). Она участвовала во всех этапах разработки и тестирования этой технологии. Позже её назначили в команду по диагностике неполадок, которая сильно пострадала в периоды неудачных запусков. В версии 1.0 была куча багов, а новый интерфейс был настолько странным и топорным, что критики быстро заговорили о скором крахе компании, особенно после того, как её главные конкуренты достигли такого огромного успеха со своей кампанией «назад к истокам», возродив новый и стильный DOS. В версии 1.1 были исправлены некоторые проблемы, а версия 1.2 представила новую динамику обратной связи. И только запуск версии 2.0 послужил значительным толчком к невероятному успеху продукта. Совершенно новый интерфейс, улучшенное программное обеспечение для считывания мыслей, тщательно продуманная рекламная кампания, главным слоганом которой был «Chromosoft Mirrors — где сейчас ваш разум?» — вот теперь весь мир смог заглянуть в себя.

Проблема Windows (самой популярной операционной системы до Mirrors) в том, что чем больше её усовершенствовали (до версии 491.7!), тем сложнее было в ней разобраться. И со всей своей сложностью все её функции сводились к тому, что вы просто использовали технологию, и

никогда технология не использовала вас. Поэтому и развернули проект Mirrors. Главными целями стали простота, радикальное отличие от Windows и её ограниченной односторонней связи. Хотя моя бабушка и не приписывает авторство самой концепции себе, но в журнале она упоминает, что название «Mirrors» было её идеей. Оно пришло к ней внезапно, однажды вечером в ванной парижского отеля «после жёстких любовных утех в континентальном стиле» — так она говорит в журнале.

Конечно, это не первая система, которая могла считывать мысли, но первая, в которой это было удачно совмещено с удобной цепью обратной связи. Другими словами, предыдущие попытки позволили вам одной силой мысли поменять что-то на экране, но Chromosoft создали такую технологию, которая, в свою очередь, отправляет ответ обратно в ваш разум. Операционная система Mirrors в самом деле стала новым способом обработки данных и новым этапом жизни.

Где сейчас ваш разум? На загрузке.

Так же, как принцип работы пишущей машинки и текстового редактора, новое творение базируется на зеркальности. Внезапно, романы стали восприниматься на «скорости подсознания» — это стало писком моды. Пунктуация превратилась в простой ритм, рассказчики исчезли, образы стали глубже и опаснее, похожие на сны.

Версия 3.0 представила концепцию локальной сети. Версия 3.4 включала интернет. Это были радикальные усовершенствования, которые оказывали очень длительный социальный эффект; потому что, хоть фактически мы все и не были связаны телепатически, но ощущение, несомненно, было именно таковым. Внезапно, долго обещанное «открытие глобальной души» через интернет уже не казалось несбыточной мечтой, оно стало скорее правом, данным Богом. В версии 4.0 было мало новшеств, особенности «переупаковки» включали только улучшения интерфейса, просто чтобы сменить последнюю версию. Версия 4.1 стала ещё одним этапом усовершенствования технологии, и именно эта версия стала стандартом в последующие три года.

Общественность всегда находила свой собственный способ применения технологии, обычно втайне от всех. Руководство Mirrors нигде не предостерегало от подключения к технологии во время сна. Но нигде также не было запрещено это делать. И нигде не было сказано об эффекте, который это может произвести на человеческую психику: возможность встать утром, открыть конкретный файл, и потом просто посмотреть, или, скорее, пересмотреть сон, который ты видел прошлой ночью. Могла ли компания предвидеть, что это приведёт к очевидному

безумию, что люди узнают самих себя слишком глубоко, что это всё зайдёт слишком далеко?

Где сейчас ваш разум? О, он играет с горящими жирафами, танцует с синими омарами на крышке рояля, спасибо мистеру Пингвину.

Многих затронуло познание собственных снов, и многие не вернулись из этой поездки в запутанный, внутренний мир.

Теперь я узнал, что именно моя бабушка в версии 4.2 разработала и представила плагин, который отключает возможность подключаться во сне. Но приблизительно 6% населения Земли испробовали эту возможность прежде, чем о её опасности стало известно. Действительно ли Chromosoft, и моя бабушка, так легко забыли об обратной связи между интерфейсами пользователя и устройства? В её журнале об этом открытии упоминается очень мало, а о последующих событиях практически совсем ничего, кроме короткой записи об «обжигающем стыде, который испепеляет меня изнутри, позоре, который остался как клеймо, даже когда корпорация взяла всю ответственность на себя». Её последняя запись коротка: «Я больше не вынесу».

Продукция Chromosoft Mirrors была снята с рынка по требованию властей, а все существующие устройства были изъяты и переработаны. Но к тому моменту тем 6% населения, которые стали жертвами теперь запрещённой цепи обратной связи, нельзя было помочь. Эти опороченные, изуродованные несчастные больше никогда не смогут видеть сны.

И я хочу лишь только добавить, что моя бабушка тоже была среди тех несчастных.

ШАГАЮЩИЕ ПО ОБЛАКАМ

Не снимая рассеивающую маску, мы патрулировали все ночные центры развлечений, всех бомжей и бродяг, которые не отлипали от дешёвых игровых автоматов. Это была наша пятая подряд ночная смена, и она уже почти заканчивалась, когда какой-то тупоголовый бомж напоролся на пиратскую трансляцию. К тому времени, как мы добрались туда, игра уже зависла и вместо неё на экране танцевали дурацкие креветки. Низкопробная передача, скорее всего от забегаловки «Море Рыбы у Бинни», перекрыла 5 Уровень игры. На экране не было ни слога, ни бегущей строки, одни только креветки. Реклама передавала только образ, но теперь в головы всей этой шпаны была вбита отчаянная потребность в морепродуктах. Два других очевидца тоже были пленены — так мы называли это состояние оцепенения — и стоявшая рядом девочка сказала:

— Вам нужно лучше делать свою работу, дамочка.

Затем подошёл Гамболл, он получил сигнал тревоги от Штаба — какое-то крупное дело.

— Пошли, Малдун. Разберёмся с бомжами позже, а? — он достал изо рта жвачку. Она была кроваво-красного цвета. Гамболл растянул её во всю длину, и потом языком смотал её обратно в рот — привычное дело.

— Нет. Это займёт всего минуту. И надень маску.

— Я просто обновлял вкус жвачки.

— Это приказ.

Я достала свой спойлер, проверила заряды и прицел. Несколько бомжей ещё не совсем отключились, и они наблюдали, как я справляюсь с оружием, мутными, помешанными на игре глазами.

— Малдун, что с тобой творится в последнее время? — Гамболл снова надел свою рассеивающую маску, и его голос звучал приглушённо под ней. — Ты хочешь упустить джекпот?

— Заводи фургон, Гам. Я сейчас буду.

Наконец, я приставила спойлер к экрану, прицелилась и выстрелила. На секунду показалось, что игровой экран начал таять, пиксели замерцали, и затем всё стало на места после полной перезагрузки. Креветки стали мёртвыми рекламами, а игра — опять доступной. Какой-то мальчик-бомж сразу накинулся на неё, пальцы автоматически затыкали в кнопки, но слишком медленно. Экран потух.

— Вот дерьмо! Как это получилось?

Его оттаявшие зрители начали смеяться, пока не заметили, что я всё ещё здесь, в маске и со шприцем в руке.

— Чёрт! — сказал игрок. — Я ничего не выиграл? Ладно, ребята, пошли пожуём морской еды.

Я двинулась к ним, чтобы сделать укол, но Гамболл схватил мою руку:

— Мы вернёмся за ними позже, у Бинни, сделаешь ему укол там. Пошли. Нас ждёт крупное дельце. Ставки высоки!

И тогда я очнулась, вышла из того отрешённого состояния. Чувства были такие, словно я только что оттаяла. Меня пробрала дрожь. Я снова подумала о Паркере. Я сняла маску, чтобы вдохнуть немного воздуха. Опасности не было, реклама была мертва. Большинство бомжей собрались вокруг всего действия, и несколько бродяг тоже были здесь, влачили своё жалкое существование. Бомжами были все, кого общество отбросило, как мусор; а бродяги не хотели жить в обществе по собственной воле. И сейчас все они с жадностью уставились на спойлер, пристёгнутый к моему ремню. Было видно, как они уже подсчитывают воображаемый выигрыш, мечтают о всех прелестях, которые они могли бы получить за такую штуку. Одна из них выделялась в особенности. Наглая девочка-бродяга, которая ранее раздавала мне советы насчёт моей работы; в её взгляде читалась жажда наживы, незаконной наживы. Гамболл тоже заметил этот взгляд. Он похлопал девочку по плечу:

— Присоединяйся к инфо-копам, глупышка. Здорово оттянешься.

Минуту спустя, мы, вернувшись к своему заданию, гнали на джипе вдоль магазинов по узкой улице, прямо к торговому центру. Гамболл переключился на ручное управление. Он всё ещё жевал свою жвачку. Клянусь, я никогда не видела человека, столь помешанного на жвачках, у него это было как искусство — я ни разу не видела, чтобы он говорил что-то, не перекидывая во рту этот липкий кусок дерьма под названием «Спектр во Рту». Он говорил, что так он быстрее соображает. Да уж, видимо, поэтому он так вёл машину. Полагаясь на интуицию, он почти таранил всё вокруг, сирена вопила, а ночные покупатели с воплями разбегались прочь с дороги. Тем временем я открыла бардачок и достала статистику по новому заданию.

Инцидент: преступная рекламная кампания;

Место: Доллберг, навильон 1572, участок 10;

Продукт: неизвестная трансляция;

Источник: неизвестный;

Диапазон: неизвестный;

Общественная Реакция: 15 оцепенели, 9 под угрозой;

Код: ТКП.

— Ты только посмотри! — захлёбывался Гамболл. — У нас тут уголовщина под кодом ТКП. Я же говорил тебе, что дело верняковое. Премияльные не за горами!

Мы уже были в торговом центре, рулили мимо шестого и седьмого участка. Код ТКП на сленге копов значил: Требуется Крайней Предосторожности. В статистике было очень много неизвестного, и всё, о чём я могла думать...

— Что с тобой такое, Малдун? Тебе что, не нужны премиальные?

До меня дошло, что Гамболл говорил о чём-то всё это время:

— Что?

— Господи, да ты сегодня сама не своя, детка. — он вынул жвачку изо рта и начал её мять, рулил он теперь только одной рукой.

— Просто доставь нас туда, Гам. И не называй меня «детка».

— Извините, мэм. Офицер Малдун. Джанет, радость моя.

— Ты...

— О, я понял... Паркер тоже получил код ТКП, да? В том деле с лестницей. Но это не значит, что у нас тот же случай.

— Я хочу, чтобы всё прошло гладко, Гамболл. Понял? Чтобы ты был всё время в маске и никуда не ходил без моего разрешения.

— Так точно. Слушай, я слышал, что с Паркером всё было плохо. Кое-кто из парней говорил об этом. И ты была с ним, да? Что там произошло? На самом деле, я имею в виду.

— Да заткнись уже, твою мать!

— Ясно. Больное место. Конечно.

Мы выехали на 10-й участок и теперь поворачивали в 29-й ряд, где находился павильон Доллберг. Возле магазина уже стоял ещё один инфо-фургон, и вокруг него топталась куча копов. Выглядели они нервными. Мы с трудом припарковались, и когда я вылезла из машины, то увидела главного инспектора Брендел, восседающую в том другом фургоне. Конечно, она была в рассеивающей маске, но я всегда могла узнать её по одному лишь силуэту — в патруле настолько жирных больше нет и никогда не было, для них есть сидячая работа. Она подозвала меня, я поздоровалась, она тоже. Потом она попросила меня сесть в фургон ря-

дом с ней. И затем Брендел наклонилась ко мне так близко, что наши маски почти соприкасались.

— Офицер Малдун, — заявила она. — Вы мне тут не нужны.

— Но...

— Очень мало времени прошло. Это плохое дело. Мы не можем облажаться снова, я не могу этого позволить.

— Это то самое? Лестница?

— Неважно, что это. Офицер Дрейн со всем справится.

Дрейн — большой парень с туго затянутым ремнём на поясе. Он смотрел на меня и глупо улыбался. Трудно было отличить его от всех тех застывших в танце механических кукол, которые стояли в витрине магазина.

— Ни за что! Это моё. Паркер, он...

— Вы свободны. Спасибо, это всё.

— Я знакома с этим делом. А кто ещё? Я могу справиться с этим, Дрейн — нет. Он не знает. Оно что-то делает с тобой, заставляет...

— Джанет... пожалуйста.

Ну вот, приехали. Когда Брендел начинала называть кого-то по имени, это не сулило ничего хорошего. Такое неофициальное обращение значило, что вы будете отстранены на неопределённое время, если не отступитесь.

— Да, мэм. Конечно. Прошу извинить меня, что я говорила так необдуманно.

— Извинения приняты. Вы переутомились, безусловно. И к тому же, это стало очень личным. А вы знаете, как это мешает работе.

— Да, мэм, — отвечала я, но внимание моё было уже сосредоточено на другом. Дрейн. Он и его команда собирались войти в магазин Доллберг.

— Никогда слишком не сближайтесь, Малдун. Это я говорю вам, как женщина женщине. Коллеги нужны не для любви. Понимаете? Уверена, что понимаете.

— Да.

Я вернулась назад к фургону, где Гамболл уплетал что-то за обе щеки.

— Мы вне игры, Гам, — сообщила я ему.

— Что? Чёрт, это наш вызов. Наш ТКП-вызов.

— Пошли к Бинни, проверим заражённых бомжей.

— Иди сама. Я остаюсь.

— Останешься, Гамболл... и это будет твоей последней работой.

— Мэм.

Мы забрались назад в фургон. Некоторое время Гамболл без всякого энтузиазма вёл машину, но на первом повороте я приказала ему остановиться.

— Ладно, будем наблюдать отсюда.

— Да? А что там? — он снимал маску.

— Нет. Оставь её.

Понимаете, у меня было плохое предчувствие, я знала, что Брендел не владеет ситуацией. Когда мы зашли за угол, я уже слышала крики и вопли, доносившиеся из магазина, и я видела весь тот хаос, в который угодили инфо-копы. Брендел пыталась выбраться из фургона, и даже отсюда, из конца ряда, я видела выражение её лица, её страх...

— Господи! Что за...

Это был голос Гамболла. Клянусь, он даже вынул жвачку изо рта, чтобы сказать это. Но что я могла сделать? Он был готов ринуться туда, помочь, но я запретила. Я хотела сказать ему, как всё плохо и безнадежно на самом деле. И если бы хоть кто-нибудь меня изредка слушал, может и жизнь была бы лучше, легче и более продолжительной. На меня опять навалилось то состояние отдалённости от мира, накрыло меня холодной тенью.

* * *

Позже мы с Гамболлом зашли в «Море Рыбы у Бинни». Думаю, мы оба пытались скрыть наше отчаяние, с головой погрузившись в работу. В первую очередь, мы навестили самого мистера Бинни, зачитали ему обычный протокол о трансляции нелегальных реклам, конфисковали его транслятор и вклеили ему очередной штраф, уже седьмой за этот год. Потом мы нашли того мальчика-бомжа. Это было легко: он со своими друзьями поглощал тарелку за тарелкой этих ароматных креветок. Я сделала ему спойлер-укол, который полагался ему по закону, и, конечно же, как только вещество растеклось по его венам, несколько секунд он нечеловечески блевал. Та девочка-бродяжка, которая не сводила взгляда с моего спойлера, тоже была здесь. Это было странно, потому что обычно бомжи и бродяги держатся отдельно, и к тому же, она не ела, а значит, не видела ту рекламу. Она опять уставилась на меня, на мою униформу, на поднятую рассеивающую маску, на моё оружие, особенно на моё оружие.

Тем временем Гамболл сам присосался к порции или двум креветкам:

— Наверное, я взглянул мельком. Неважно. Я всё равно голодный.

— Нет, не голодный, Гам, — разозлилась я. — Я же говорила тебе быть всё время в маске.

Сама я не ела, я всё ещё не могла отойти от инцидента в Доллберге. Но мы сели вместе, и я наблюдала, как Гамболл с усердием поглощает свою еду. Жвачку он приклеил к столу позади себя, оставил на потом. В этот раз она была тошнотворно-зелёного цвета, цвета зловещей луны. И в перерывах между набиванием рта мой напарник трещал без умолку, брызгая слюной:

— А как же Дрейн, а? Слава богу, мы не пошли туда. Слушай, я должен сказать тебе спасибо за это. Господи! Что же случилось с ним? С Дрейном, я имею в виду. То же, что с Паркером?

Я пожала плечами, пытаюсь сохранять самообладание. Честное слово, я просто хотела домучить эту смену и поспать.

— Ты была близка с ним, да? С Паркером, я имею в виду. Так мне сказали ребята. Я имею в виду, вы были больше чем друзья, да?

— Нет.

— Нет? Но я думал...

— Слушай, Гам. Заткнись, хорошо? Ешь свои креветки.

— Я и ем. Отличные креветки, кстати. Так что случилось?

— В смысле?

— Ну знаешь, с тобой и с Паркером, и этой... как оно? Этой лестницей-рекламой. Я имею в виду, что в ней, блядь, такого ужасного?

— Ты читал отчёты.

— Ту официальную хрень? И в глаза не видел. Мне нужна правда, Малдун. Разве я не заслуживаю этого? Никто не хотел занять место Паркера, понимаешь? Ты на плохом счету.

— Думаешь, мне не всё равно?

— Да я, блядь, знаю, что тебе всё равно. Разве не потому ты мне нравишься?

* * *

Конечно, я рассказала ему не всё. Самую худшую часть я утаила. Но я была честной, я старалась быть сдержанной и лаконичной, потому что, подавая всё так, будто бы это случилось с кем-то другим, я была немного спокойнее. Мы вдвойне экономим время, если хватаем рекламу до

того, как она успела на кого-то повлиять, особенно это касается смертельных реклам. Обычно мы не успеваем спасти первых жертв. Мы просто чистильщики, на самом деле; мы вступаем в игру уже после плохой трансляции и чистим её для безопасности других налогоплательщиков. Задания под кодом ТКП появились недавно, и трансляция, которую мы называем «Лестница», была для меня первой. Для Паркера — последней.

Паркер был ещё совсем юн, и мне следовало лучше присматривать за ним. Когда всё началось, он уже был моим напарником около двух месяцев. Конечно, я знала всё о сплетнях, которые о нас распускали. Тогда в главе команд было всего несколько женщин, и решение Брендел назначить мне напарника на десять лет младшего, чем я... ну... пусть говорят. Но мы понимали друг друга, умели работать вместе, и это было хорошо. Паркер уважал меня; между нами не было таких постоянных разногласий, как с Гамболлом и прочими. Мне действительно следовало присматривать за ним получше.

Первый сигнал тревоги мы получили, когда слишком много людей начали совершать самоубийства. Большинство из них разбивались насмерть, обычно спрыгивая с крыш высоких зданий. Они делали это у всех на глазах, это был их торжественный уход. Виной тому явно была реклама, но докопаться до её источника оказалось заданием трудным. В наше время все рекламы не просто стараются склонить вас к покупке новейшей вещицы, они могут заставить вас делать что угодно. Поэтому появился такой строгий контроль, поэтому появились мы, инфо-копы. Кто-то предвидел то, что плохие люди пригребут технологию к своим рукам, ведь так всегда и бывает, да? У нас были смертельные трансляции и раньше, но настолько успешных и масштабных — никогда. Это было заданием номер один во всех рапортах, но мы так никуда и не смогли продвинуться, пока одна из жертв сама не пришла к нам.

Этот парень был очень взволнован, в основном он нёс чушь и кричал что-то про лестницу: «Золотая лестница, бесконечная... бесконечная... бесконечная...». Наконец, мы добились хоть какого-то смысла. Он сидел дома и тихо-мирно смотрел какую-то игру по телевизору. Жена была с ним. Дети, к счастью, были наверху. Они пропустили рекламу. Она появилась из ниоткуда, просто вклинилась между другими рекламами, которые транслировались по телевизору в тот вечер. И ничего в ней необычного не было, просто картинка лестницы с бесконечно движущимися ступенями. Никаких сопровождающих слов, никакого слога-на, но это было нормальным явлением. Обычное оцепенение. Оцепенение и пленение. Влияние легальных реклам было слабым, и любой чело-

век с чуточкой силы воли мог легко противиться её соблазну. Так что они ничего и не подумали о ней, эти мужчина и женщина. Вот только ночью им снилась лестница, им снилось, как они поднимались по ней и то, что они могли бы там найти.

На следующий день, в два часа дня его жена выбросилась из окна офиса, в котором работала. Это было пять дней назад, и её мужу, обезумевшему от горя, полному скорби по погибшей жене, не показалось странным то, что ему самому хочется последовать за ней. И тогда он прочитал о внезапной вспышке подобных самоубийств. Бог его знает, сколько усилий ему стоило добраться до самого полицейского участка.

Брендел хотела взять его под арест, для его же безопасности, но власти этого бы не потерпели. Так что мы заправили его максимальной дозой спойлер-жидкости и отпустили. Он продержался два дня. Конечно же, у него на хвосте постоянно висел коп, но это не помогло — он избавился от копа всего на минуту.

Минута кажется очень длинной, когда ты падаешь...

С того времени всё стало ещё хуже, потому что эта история просочилась в прессу. Газетчики преследовали нас, и Брендел была на грани. Она запретила любые увольнительные, устроила премиальные за задания под кодом ТКП, заставила ребят из лаборатории целыми днями работать над источником трансляции. Но всё, что они откопали, это то, что реклама лестницы транслируется только на один приёмник за раз. Это то, что мы называем узкой рассылкой. Она может появиться на вашем собственном телевизоре, на экране компьютера, в игре игрового автомата. Но никогда на общественных системах, таких как экран в кинотеатре. Как будто реклама выбирала людей, одного за другим. Умственный снайпер. Мы пытались выпустить свои собственные рекламы, которые предупреждали бы людей не смотреть телевизор, не играть и не проводить своё свободное время любым другим подобным способом. Мы подавали обычные бессмысленные прошения в телевизионные и игровые компании с просьбами временно приостановить все трансляции. Как будто они в самом деле согласились бы отрезать себе доход только из-за необоснованных утверждений, что какая-то реклама убивает людей. Ага, уже. В итоге мы начали раздавать бесплатные рассеивающие очки, дешёвые и уродливые. Это было всё равно, что одеть народ в «полосатые костюмчики». Без толку. И к тому же невозможно охватить всех. Поэтому мы, инфо-копы, все чувствовали себя эдакими солдатами-защитниками, хоть сами были беззащитными перед этим

невидимым, смертельным врагом. Как иначе объяснить то, что Паркер сделал; то, что я позволила ему сделать?

Была ночь воскресенья, тихое время для всех ночных галерей игровых автоматов. Мы, как обычно, приводили в себя бомжей и бродяг, ничего особенного. Паркер начинал скучать, ему не сиделось на месте. Он ожидал большего от своей работы, конечно, это потому что он был ещё очень молод; когда-то я была такая же. Довольно скоро ты узнаешь, что инфо-коп — это не совсем то, что рассказывали тебе во время вербовки, и я попыталась преподнести ему всё как есть. Глупый паренёк не хотел и слушать меня, он сходил с ума и постоянно говорил, как он выкурит того «лестничного» ублюдка раз и навсегда. Его распаляло всё это, и я не могла сдержаться от скрытого удовольствия, в основном вспоминая, какой была я, когда только начинала.

Мы нашли группу бомжей, которые уставились на игровой экран. Они прилипли к нему намертво, и, когда мы к ним подходили, я боялась увидеть там лестницу. В последние недели это был мой главный страх: наткнуться на зрителя пленённого смертью. К счастью, это была всего лишь пара пластиковых кроссовок, которые медленно вращались на экране и как будто втайне говорили: «Купите нас! Купите нас! Купите нас прямо сейчас, тупые пидоры!». Лёгкая добыча — из-за дизайнерского вкуса, высосанного из жопы, было очевидно, что трансляция поступает от «Мускулов Мински», спортивного магазина в двух кварталах отсюда. Паркеру просто не терпелось вырубить кроссовки самому, он уже зарядил оружие и всё такое, так что я согласилась:

— Это твоё, парень.

А сама пошла к Мински, вклеить ему штраф.

Большая ошибка. Я задержалась куда дольше, чем думала. Мински устроил мне целое представление, а его накачанные продавцы-консультанты с задумчивым видом шатались туда-сюда. Меня со всех сторон окружали экраны, на которых транслировалась та самая реклама и другие её варианты, и какой-то парень скакал возле меня и утверждал, что у него «никогда-никогда не было таких плохих реклам, нет, мэм, ни за что и никогда. Видите, это хорошие рекламы, чистые рекламы, никакой гадости. Никакого оцепенения. Видите?»

Всё время я надеялась, что Паркер вот-вот придёт. Мне нужна была подмога. И что этот парень там делает? Несомненно, своё задание он уже выполнил, ну же. В конце концов, мне пришлось уйти оттуда с пустыми руками, что взбесило меня до крайности. Так что я настроилась вытрясти всю душу из своего так называемого напарника. Я знаю, что

разозлилась скорее из-за собственной неудачи, и могло так быть, что паренёк попал в какую-то передрагу, но я просто терпеть не могла, когда что-то в моей работе не получалось. Когда я вернулась в галерею, там было пусто, игровые автоматы стояли в бездействии, покинутые на середине игры. Ни бомжей, ни бродяг, ни Паркера. Я пошла его искать. Тревога нарастала во мне. Вдруг я услышала шум, доносившийся из следующего перехода — похоже, кто-то кричал. Как будто кого-то там пропускали через мясорубку. Я должна была без малейших раздумий вызвать подмогу. Вместо этого я помчалась туда, на тот ужасный звук, потому что этот звук пробрал меня до костей. Эта ужасная реакция затронула меня. И вот за углом я вижу группу людей, которые сходят с ума вокруг какого-то магазина. Кричали они. Ладно, нужно просто подойти и не спешить, не спешить, разведать ситуацию, узнать дело. Внутри магазина было темно, он заброшен. К окну искоса была прикреплена табличка: «Закрыто на ремонт». Дверь слегка приоткрыта. Ладно, что тут за дела?

— Моя сестра! Моя сестра! Помогите ей! Моя сестра!

Один очумелый бомж в полном отчаянии шёл прямо на меня, заставляя меня потеть. И кто-то другой высказал все тревоги:

— Это та штука с лестницей, скорее всего, это она.

— Девочка там? — спросила я.

— Заберите её оттуда! — выкрикнул мальчик. И продолжил кричать.

— Где мой коллега?

— А? — голоса.

— Другой коп. Где он?

— Он зашёл внутрь, — голоса отовсюду.

Чёрт.

Я огляделась на толпу — почти все теперь притихли и только смотрели на меня так, как будто я могла спасти одну из их рода, но всё, о чём я могла думать, это Паркер, этот больной придурок пошёл туда один. Думаю, вот тогда я, наконец, додумалась связаться со Штабом и вызвать подмогу по коду ТКП. Сама я, конечно, не ждала их. Как я могла? Вместо этого я плотно прижала к лицу маску, зарядила спойлер, пинком открыла дверь и шагнула внутрь.

Темно. Там было очень темно. Единый слабый проблеск цвета исходил от какого-то экрана где-то впереди. Никаких признаков Паркера или девочки, и вообще, какого хрена здесь, в этой жопе, делает телевизор? Освещая себе дорогу, я продвигалась дальше и уже видела там признаки жалкого обитания — раскиданные пуховые одеяла, походные га-

зовые плитки, кастрюли и сковородки. Бомжатская дыра. В темноте мой фонарик что-то осветил — свёрнутое одеяло или что-то вроде того, но потом я увидела, что это ребёнок, маленькая девочка. Она лежала на земле и убаюкивала сама себя, слегка качаясь взад-вперёд, взад-вперёд. И когда я наклонилась к ней, когда я повернула её к себе, когда она протянула ко мне руки, тогда я увидела эту поразительную вещь — на ней была маска. Маска инфо-копа.

* * *

— Господи, я не знал этого, — вытаращил глаза Гамболл. — Ты имеешь в виду...

— Да. Паркер снял свою маску и отдал её девочке. Он спас ей жизнь.

— Чёрт возьми! — он уже покончил со своими креветками, и жвачка опять вернулась в его рот, но теперь он жевал её медленно. — Вот это, блядь, храбрость!

— Это дурость. Но да, полагаю, храбрость тоже. Я нашла его там, намертво прилипшего к телевизору. Он вынул пушку и всё такое, нацелился на экран, и, клянусь, он пытался выстрелить, несмотря на то, что был пленён. Его слёзы... слёзы на его щеках, казалось, тоже оцепенели. И тогда я услышала сирену подмоги. Слишком поздно, твою мать.

— Эй, не сваливай вину на себя, Малдун.

— Почему нет? У тебя есть ещё кто-то на примете?

— Так... — И тут он растянул свою жвачку в длинную линию ото рта, грязно-жёлтую в этот раз, и потом втянул её обратно. — Так как она выглядела?

— Реклама? Ну, на мне была маска, так что я видела только отфильтрованное изображение. Просто ступеньки, ничего особенного. Она была анимирована, так что эти ступеньки постоянно поднимались вверх и никогда не кончались. Выглядело это всё довольно дёшево, на самом деле. Ну знаешь, по-аматорски.

— И всё?

— И всё.

— Чёрт!

— Ага. Пошли отметимся — конец смены.

Но когда я начала собирать все свои вещи, то увидела девочку за следующим столиком, которая слушала всё издалека. Это была та самая девочка-бродяжка с тяжёлым взглядом, жаждущим наживы. Теперь она сидела вдалеке от своих друзей-бомжей и улыбалась мне.

— Чего надо? — обратилась я к ней.

— Ничего, просто слушаю.

— Это дела копов, — встрял Гамболл. — Пошла на хер отсюда. Грёбанные бомжи!

— Я не бомж. Я бродяга. Как вы смеете?

— Никакой грёбаной разницы. Только и делаете, что играете в эти тупорылые игры всю ночь.

— Это не игры. Это форма искусства.

— Ага, конечно.

— И у меня отлично получается. Понимаете, я нашла одну уловку. Она секретная, потому что скрыта в самом этом искусстве. Нужно найти её, и только тогда можно перейти на другой уровень.

Гамболл встал. Его челюсть работала как машина, машина по производству жвачной радуги.

— Я обыграю тебя! — сказал он и сплюнул. Его слюна переливалась всеми цветами спектра.

— Сядь, Гам, — одёрнула я его. — Она просто ребёнок, и всё.

— Ты ведь не рассказываешь ему всё, правда?

Она смотрела прямо на меня таким взглядом, как будто знала всё.

— О чём ты говоришь?

— Расскажи ему о маске.

— Что о маске? — спросил Гамболл.

Я игнорировала его и продолжала смотреть на девочку. Она выглядела такой юной, лет девяти или десяти, хотя о возрасте тех, кто оказался на улице, всегда сложно судить.

— Что тебе известно?

— Многое, — она улыбнулась снова.

— Как тебя зовут, девочка? — поинтересовалась я.

— Люси. А вас?

— Это неважно. Боюсь, ты пойдёшь со мной.

— Круто. Я стану инфо-копом?

* * *

Я отпустила Гамболла на все четыре стороны, отметилась в Штабе по радиации и затем предложила девочке завтрак. На это она с готовностью согласилась и пожелала не креветок, а только кофе и печенья. Она сидела и чавкала, а я смотрела на неё: довольно симпатичная девочка, невероятно худая — казалось, я могла поднять её как пёрышко, — прилично

одета, как и все бродяги, в сравнении с бомжами, конечно, которые ассоциировались только с мусором. Я спросила её, почему она ушла из дому, она ответила, что дом — это одиночество. Могу только согласиться с ней. Ведь я стала инфо-копом, так?

— Я могу смотреть на рекламы, — сказала она, хрустя печеньем. — Спорю, что вы не можете.

И тогда я вспомнила, что она находилась совсем близко, когда всё произошло, и может она и взглянула краем глаза на рекламу, я не уверена.

— Но у меня есть маска для этого, правильно? — отпарировала я.

— Мне не нужна маска. Так что не думайте, что причина, по которой я хочу присоединиться к вам, это маска и пушка. Мне не нужно это всё, ну, хотя круто было бы получить пушку, но только ради забавы. Думаете, почему я не хочу креветок? Рекламы для меня — ничто.

Да, я знала, что некоторые люди были иммунны к сообщениям. Маркетологи называли их Невидящими Потребителями, Невосприимчивыми шестью процентами. И я знала, что Брендел с удовольствием загребёт эту девочку Люси в свои лапы, распорядится провести над ней миллион лабораторных тестов, высосет из неё все рассеивающие клетки. Я не одобряла эту процедуру, потому что видела, что она делает с иммунной системой этих людей. Они становились пустыми.

— Что я не сказала своему напарнику о маске? — спросила я её.

— Вы её сняли, разве нет? Когда увидели лестницу-рекламу. Я права?

— Нет. Я имею в виду... Я хотела... оно пыталось...

— Оно пыталось вас заставить, да?

— Да... Я начала... я начала снимать маску... Я не могла...

— Как много?

— Что?

— Как много?

— Всего ничего, лишь краешек, не больше.

— И вы никому об этом не говорили?

— Слушай, к чему это? Ничего не случилось.

— И теперь вы боитесь. Боитесь, что они уберут вас с улиц. Правда?

Я посмотрела в сторону. Все бомжи разошлись, и теперь другая группа посетителей заняла их место. Может быть, эти люди действительно были голодны, а может, голод был вызван искусственно, никогда нельзя было сказать точно, не имея подходящего оборудования.

— Ты её видела, да? — спросила я девочку.

На минуту она притихла, а затем начала плакать. Это не были слёзы боли, или злости, или даже отчаяния. Она покачала головой и ничего не сказала. Просто плакала.

Это были слёзы потери, я уверена в этом.

Позже, когда мне уже следовало быть дома в постели, я привела Люси в полицейский участок. Она справилась со слезами, как только мы сели в фургон, поездка по улицам заставила её улыбнуться, особенно, когда я включила сирену, специально для неё. Я готова была сделать всё что угодно, лишь бы отвлечь её от происходящего, потому что я сама точно не знала, что мне делать дальше; я даже предположить не могла, что со мной вообще будет. К счастью, Брендел уже не была на дежурстве тоже, к тому же, она и так не часто околачивалась возле камер строгого режима. Я отметилась у дежурного охранника, поставила галочку напротив строчки «Офицер при исполнении», ещё одну напротив «Семья/Знакомые» и заставила Люси подписаться рядом.

— Уже время завтрака. Я собирался отнести это в камеру, — охранник держал в руках полную тарелку каши и ложку. — Хотите отнести сами?

Я кивнула, взяла тарелку и ложку — пластиковая тарелка, пластиковая ложка — и подождала, пока охранник откроет дверь.

— Осторожней там, — сказал он.

Заключённый камеры 945 спал, когда мы вошли. По крайней мере, я так думала. Было темно, и слабый лучик света, проникавший из дверного проёма, освещал только массивную фигуру, лежавшую на кровати. Я приставила палец к губам, но Люси и так молчала, она так нервничала, что не могла даже дышать на полную грудь. Я чувствовала себя так же, и когда я включила тусклый верхний свет, фигура на кровати слегка шевельнулась, казалось, что я будила мертвеца. Наконец, послышался глубокий вздох, а затем ахнула Люси, когда увидела, кем Паркер стал.

Стал истощённым.

Стал жертвой.

Впервые я пришла повидать его. Может, чувство вины останавливало меня раньше, или просто ощущение беспомощности. Он был привязан к маленькой кровати. Затянутый ремнями. Этого я не ожидала. Должно быть, всё было очень плохо. Всё ещё плохо. Чёрт. Я почти ни о чём не могла думать, и когда его глаза открылись, когда ему потребовалось несколько длинных мгновений, чтобы узнать меня, ну, я уже почти хотела развернуться и уйти.

Голова Паркера слегка приподнялась на подушке, и это всё, чем он мог вообще пошевелить. Этот бедолага просто улыбался мне, кажется. И потом он сказал:

— Малдун, ты пришла. Уже завтрак?

Я с миской подошла ближе и зачерпнула ложкой немного каши. Я поднесла её к его губам, он принял еду, пожевал и проглотил. И после шести таких глотков он замотал головой в знак того, что больше не хочет.

— Поймала ублюдка? — спросил он.

Я покачала головой.

— Продолжай работать, — сказал он. — Не беспокойся обо мне.

Я не могла поверить в то, как умиротворённо звучали его слова.

— Малдун?

— Да?

— У меня одна просьба, прошу тебя.

— Всё, что угодно, Паркер. Всё, что угодно.

— Расстегни эти ремни. Только те, что на руках. Будет достаточно и правой руки. Я хочу есть сам. Терпеть не могу, когда меня кормят, как малыша. Сделаешь?

Я оглядела камеру. Затем двери. Люси стояла там и кивала мне.

— Ну же, Малдун, — умолял Паркер. — Что я сделаю?

Я перегнулась через его тело и добралась до застёжки. Ремень расстегнулся с сильным рывком, и Паркер дотронулся до моего лица, всего на мгновение.

— Спасибо, — облегчённо вздохнул он. — Спасибо.

Затем он взял пластиковую ложку и стал есть самостоятельно.

— Кто это? — спросил он.

— Её зовут Люси, — ответила я.

— Я и сама могу говорить, — возмутилась девочка. Она двинулась поближе к Паркеру, но остановилась в нескольких шагах от него. — Меня зовут Люси Бэлл. Мне десять лет, почти. Рекламы для меня — ничто. Я видела лестницу.

Паркер перестал есть:

— Видела?

— Да. Она появилась в игре, в которую я играла. К счастью, я была там одна. За свою жизнь я видела миллионы реклам, понимаете, да? Но ни одна из них не заставила меня оцепенеть. Иногда мне кажется, что мне жутко не повезло, потому что, наверное, это круто — быть под каким-то эффектом. Обычно, когда экран вот так зависает, я просто дви-

гаю к другому автомату, но в тот раз было всё по-другому, не могу сказать почему. Что-то есть в этой лестнице, что-то в её бесконечности...

— Да, — согласился Паркер. — Бесконечности...

— И мне было очень грустно, когда я наблюдала, как она вот так просто подымается, и ни единой души на ней.

— Да. Грустно.

— Это заставило меня вытянуть руку перед собой. Я не могла сдержаться. Я закрыла рукой экран. Он был холодный, как будто автомат сломался. Но было приятно просто положить руку на эти ступеньки. Ощущение было такое, будто бы всего лишь прикоснувшись, я уже шагала по ним вверх. И мне было так грустно, что я начала плакать. Даже не спрашивайте почему, я не знаю.

— Я понимаю, — сказал Паркер. — Понимаю.

— С тех пор эта грусть... она не отпускает меня. Такое чувство, что мне не хватает чего-то. Инспектор Малдун сказала мне, что вы были очень храбрым, что вы спасли девочку, отдав ей свою рассеивающую маску.

— Нет, это не храбрость. Лестница заставила меня снять маску. И я знал, что эта девочка ещё не видела её, она всячески старалась не смотреть. И я просто отдал ей маску, потому что мне она была больше не нужна.

— Ну, я всё равно думаю, что это было храбро. Я тут подумала, может, мне вызваться добровольцем для проведения всяких тестов или чего там ещё. Ведь очевидно же, что внутри меня есть что-то, что рекламкам не нравится. К тому же, я знаю, что эти ваши обычные штуки — спойлер-лекарства и всё остальное — не действуют на эту лестницу. Может, мне...

— Нет, — отрезал Паркер, поднявшись на кровати настолько, насколько мог. — Я слышал, что происходит с людьми, из которых выкачивают всё это. Ничего хорошего. Ничего. Ты просто работай с инспектором Малдун. Может, тебе удастся узнать, откуда берутся эти рекламмы, а? Сработаетесь вместе?

— Мне нравится эта идея. Я бы хотела стать инфо-копом когда-нибудь.

— Станешь, малышка. Станешь.

Я наблюдала за происходящим из угла камеры. Я не знала точно, чего конкретно я хотела добиться, сведя этих двух вместе: маленькую девочку, которая только-только распрощалась с детством и уже стала очевидцем многочисленных попыток убийства, и при этом выжила; и

этого молодого несчастного парня, копа-новобранца, который стал просто ещё одной жертвой. Молодого парня, привязанного к своей кровати и с пластиковой ложкой в руке. По крайней мере, они были довольны общением друг с другом. Затем Паркер обратился ко мне:

— Держи эту девочку подальше от Брендел, хорошо?

— Я так и делаю.

— Хорошо. А теперь уходите, пожалуйста.

Он подтолкнул ко мне Люси. Его лицо внезапно помрачнело.

— Я привяжу тебя обратно, — поспешно сказала я, но Люси стояла у меня на пути, и пока я обходила её, внезапный звук удушья заставил меня оцепенеть от ужаса. Паркер. Прямо перед моими глазами он засунул пластиковую ложку глубоко в горло. Он толкал её туда снова и снова, глубже и глубже. Несколько секунд я не могла и шевельнуться — его глаза, их взгляд был полон удовольствия от подчинения, этот взгляд заставил меня прирасти к месту. Придя в себя, я тут же позвала охранника, оттолкнула Люси в сторону и бросилась к его кровати. Одной рукой я держала его лицо, а второй пыталась заставить его открыть рот, заставить его дышать, дышать, дышать снова. Его правая рука сдавила моё горло. Где же охранник, твою мать? Позади меня, где-то позади и очень, очень далеко, кричала Люси.

* * *

Домой я добралась в одиннадцать утра, измученная и потрёпанная. Люси была со мной. Она была типичной бродяжкой — ходила за мной «хвостиком». Я указала ей на диван:

— Будешь спать здесь. И не мечтай о том, чтобы я пустила тебя в свою кровать.

— Я не хочу спать, — возразила девочка. — Уже день. С Паркером будет всё хорошо?

— Что значит «хорошо»? Мы держим его против собственной воли, не позволяя ему умереть. Это хорошо?

— Может, вы должны позволить ему... ну, сами знаете?

— Даже не думай об этом, ясно? Я не шучу, девочка.

Я достала своё оружие и сняла маску, казалось, что я снимала с себя кожу, так долго я носила всё это.

— Ладно, — уступила девочка. — Хорошее у вас местечко. Ого, у вас есть телевизор.

Она сказала это так, как будто никогда в жизни не видела телевизора.

— У тебя не будет доступа, — осадил я её. — Он на пароле.

— Конечно. А вы живёте здесь одна?

— Да.

— Нет мужа?

— Я иду спать.

— Нет парня? Девушки?

— Пока.

Я забрала маску и пушку с собой в спальню, разделась догола и медленно утонула в блаженстве в своей кровати. Не знаю, что мне снилось. Это была долгая тяжёлая ночь и утро, и как бы я хотела поставить на всём точку, на этой ночи, на своих кошмарах и на этой истории.

Некоторым вещам просто не суждено сбыться.

Проснувшись, я почувствовала себя ещё хуже, чем до того, как легла спать. Когда реальность начала постепенно возвращаться ко мне, в моей голове возник какой-то шум, далёкие звуки из телевизора. Сначала мне показалось, что я воюю с какой-то смертельной рекламой в ярком павильоне золотистой галереи игровых автоматов, и Паркер стоит рядом со мной; потом я поняла, что это всего лишь сон, и безмерно обрадовалась такому открытию. Но затем я услышала звук, который издавал мой спойлер, выбрасывая непрерывный поток статического электричества, и я снова вернулась к игровым автоматам, но только на мгновение — теперь реальность полностью рассеяла мой сон. Шум доносился из гостиной и сопровождался страшными воплями.

Маска слепо уставилась на меня с того самого места, где я её оставила, на стене, свисая с крючка, но оружия не было. Бестолковая девка...

Я пинком открыла дверь, голая.

Эта безмозглая злобучая девка сидела там, прямо напротив телевизора. В её руках была моя пушка, и она стреляла из неё в экран. Теперь её вопли сменились хныкающими рыданиями. Даже не знаю, как она взломала пароль на телевизоре, — эта девочка всегда была загадкой. Она продолжала стрелять. Стреляла и стреляла в золотую лестницу, которая не переставала подниматься вверх, развернувшись на экране, как эскалатор, устремившийся в небеса.

Она не исчезала, несмотря на все попытки девочки уничтожить её спойлером.

Да. Я смотрела на неё. Голая, только встав из кровати. И моя маска всё ещё висела на крючке в моей спальне.

— Не смотрите! Не смотрите на неё!

Это были последние слова, которые я слышала, и казалось, они замёрзли в воздухе, как кусочки льда. Всё замёрзло. Всё замёрзло и оцепенело для меня.

* * *

— Простите, — хныкала Люси. — Я пыталась...

— Что?

— Вернитесь ко мне, пожалуйста!

Пробираясь сквозь растаявший лёд, я оживала, не сводя глаз с экрана, на котором теперь весело танцевали слоники. От лестницы не осталось и следа. Казалось, всё в полном порядке, всё как обычно. Я, девочка, телевизор. Почти семья. Я ничего не чувствовала, ничего, за что можно было бы зацепиться.

— О боже, извините меня.

— Всё хорошо.

— Я пыталась убить её.

— Я сказала, всё хорошо.

До меня дошло, что я стою голая перед ребёнком. Развернувшись, я медленно пошла в свою спальню, одеться, и это всё, о чём я могла думать. Я даже надела маску, не знаю зачем. Я надела её в первую очередь, как будто она всё ещё могла защитить меня. Я вернулась в гостиную, выдерла оружие из зажатых ладоней Люси, и в тот же момент ожила моя рация:

— Малдун?

— Да.

— Ты уже слышала?

Это был Гамболл, и я чётко слышала его голос, никаких липких жвачных звуков. Значит, всё было плохо.

— Паркер?

— Да. Он нашёл способ. Хочешь подробности, да?

— Нет. Никаких подробностей.

— Ладно. Слушай... эмм... чёрт, у меня плохо это получается. Мне жаль. Вот дерьмо. Слушай, они напали на некий след этой смертельной рекламы, передача идёт из района Энкоутс. Мы собираемся проверить там каждый дом. Ты с нами?

— Нет. Я еду в галерею игровых автоматов.

— В галерею? Но сегодня не твоя смена. С тобой всё нормально, Малдун?

— Всё в порядке. Я в полном порядке. Пока.

Я прервала связь, просто отодрала рацию от пояса, оставив на нём свисающие провода. Люси испуганно смотрела, как я взяла спойлер, перезарядила его и сильным пинком разбила экран телевизора, прикончив, наконец, этих тупых невинных слоников.

— Пошли, — сказала я, схватив девочку за маленькое тощее плечо.

— Но куда?

— Заткнись.

* * *

Я не знала точно, когда он проснётся, этот порыв к самоубийству. В некоторых случаях требовалась неделя, чтобы ощутить этот удар, в других — считанные секунды. Так что время решало всё, поэтому я гнала на джипе как угорелая, меня носило, как сумасшедшую змею по проезжей части. Я даже не была уверена в том, почему я еду к галерее игровых автоматов, но, в конце концов, это ведь было привычное для меня поле боя. У меня было сильное чувство, что я должна быть там.

— Я думала, мы поедem в полицейский участок, — подала голос Люси.

— Не сейчас.

— Но, мисс, что если?.. — она не смогла закончить фразу.

— Это должно остаться только между мной и тобой, малышка, — сказала я ей. — Тебе ясно?

— Это секрет?

— Да. Секрет.

— Ладно.

Я посмотрела на девочку — она была такой маленькой и худенькой, и, вдавливаясь в сиденье, она казалась ещё меньше. Её глаза были пусты, сконцентрированы на плохо освещённой дороге впереди, и на галерее автоматов, которая внезапно вырисовалась перед нами — все её двенадцать этажей, казалось, почти наклонялись, чтобы принять меня.

Через подземную автостоянку я вырулила к служебному входу. Там была другая инфо-коповская машина, и Гамболл выглядывал из неё. Он окликнул меня, я услышала, как двигатель его машины зарычал, этот звук разошёлся эхом по пустынной стоянке, я услышала скрежет шин.

Первый этаж. Второй. Теперь Гамболл включил сирену, как будто это могло остановить меня. Третий этаж, четвёртый, пятый. Я зацепляла стены здания так, что летели искры. Шестой, седьмой. Люси кричала, чтобы я сбросила скорость, остановилась, умоляла просто остановиться, умоляла. Я не могла. Этажи пролетали один за другим, неся нас вверх и вверх. Восьмой, девятый, десятый. Думаю, я оторвалась от Гамболла где-то на десятом. Оторвалась от всех. Была только я, и девочка, и лестница, которая манила меня. Я должна была добраться до самого верха. Если бы я смогла добраться до верха, всё было бы хорошо. Что-то хорошее меня ждало там. Одиннадцатый, двенадцатый. Я врезалась в парашет, разбив к чёртовой матери капот. Из двигателя посыпались электрические искры. Я вытащила девочку из машины, теперь она плакала.

— Пожалуйста, не надо...

Мне нечего было сказать. Схватив её за оба запястья, я потащила её к металлической двери, которая вела на крышу. Пинком я открыла засов, с грохотом распахнула дверь и потянула за собой девочку.

Свобода! Наконец я свободна, очнулась от какого-то немого оцепенения. Казалось, я могла дышать впервые за несколько часов. Эта поездка наверх, этот скоростной забег... Но теперь, на вершине Манчестера, всё было так хорошо. Всё было моим — чёрное пространство и сверкающие огни. Глоток холодного воздуха, первые капли дождя, ребёнок рядом со мной, с трудом сопротивлявшийся.

— Отпустите меня, — взмолилась она.

— Не сейчас, — сказала я, бросив оружие на землю. — Ты ещё нужна мне. — И оторвав рассеивающую маску от лица, я бросила её туда же. Сколько жизни я потратила на этот хлам. Тусклое мерцание сбоку заставило меня развернуться. Вот она, вот! Лестница, бесконечно тянущаяся вверх, но сделанная из облаков. Такая простая и такая чистая, и всё, что мне нужно было, просто подняться по ней. Там меня ждало наслаждение. Оно ждало, так что ещё мне оставалось делать? С жестокостью, которая шокировала меня саму, я оторвала девочку от земли и подняла её в своих руках.

— Пожалуйста. Что вы делаете? Остановитесь, пожалуйста. Пожалуйста, остановитесь!

Она весила практически ничего, обыкновенная тень. И слова тени вписывались в текстуру ночи. Но только лестница была важна, только золотой путь. Я двинулась в его сторону, в сторону края здания. Я сделала несколько шагов, и девочка начала сопротивляться, но я могла с этим справиться. На несколько мгновений я опять оцепенела, но вот я добра-

лась, вот я уже балансировала на вершине ночи. Внизу, со всех сторон меня окружал молчаливый, страдальческий город, он был так далеко, что видно было только его тусклые мерцания.

— Малдун!

Голос где-то сзади, лязг металлической двери.

— Малдун! Это я — Гамболл. Что происходит?

— Не подходи.

— Это лестница! — закричала девочка в моих руках. — Она видела лестницу!

— Отойди, Малдун. Отойди от края. Мы прижмём эту трансляцию. Малдун, мы взяли след.

— Не подходи, Гамболл! Я должна сделать это.

— Тогда отпусти девочку. Не стоит...

— Заткнись!

Я задумалась. Девочка теперь стояла тихо. Как жестоко и мерзко я поступала с ней, и я не знаю, какие чувства привели меня туда. Наверное, я просто хотела что-то доказать. Я выступила против рекламы и хотела посмотреть, кто из нас сильнее. Она могла заставить меня убить себя, это просто. Но могла ли она заставить меня убить другого, невинного?

Осторожно, очень осторожно, я шагнула на первую ступеньку. Облако задрожало. Девочка крепко прижалась ко мне. Это всё, что у меня осталось. Ещё один шаг... всего один...

Полил дождь.

Холодный дождь.

Я шагнула назад. Оттаяла. Лестница задрожала опять и затем стала обыкновенным порывом ветра и капельками дождя. Она исчезла.

Я опустила девочку на землю, в целости и сохранности, и она побежала в руки Гамболла. Я подняла пушку и маску.

— Ладно, Гамболл, — сказала я, двинувшись к двери. — Пошли искать ублюдка.

БЛЮРБЫ

Мне было всего пять образов от роду, когда я заполучила свою первую блюрбочку. Мамаша Вэйв подарила мне её в честь моей первой пресс-конференции. Ох, как она была горда! Как же, её единственная дочь, самая маленькая девочка на улице, удостоилась пресс-кона!

Вообразите заголовки. Аналитическая выжимка:

*НЕВИННАЯ ДЕВОЧКА СВИДЕТЕЛЬНИЦА ЖЕСТОКОГО УБИЙСТВА!
РАЗОЗЛЁННАЯ МАТЬ ТРЕБУЕТ ВНИМАНИЯ К СУДЬБЕ СВОЕЙ СКОРБЯЩЕЙ ДОЧЕРИ! НОВЫЙ ВИРУС ЗАРАЖАЕТ ИГРОВОЙ МИРТ™! ВЛАСТИ НЕ МОГУТ ОБЪЯСНИТЬ УБИЙСТВО!*

Как дело было: в то время Умник Томми был моим лучшим и единственным другом, и, признаться, я сильно тоскую по его манере игры. Мы рубились в Корпоративный Слизьболл™ на Гейм-Пимпах™. Томми был великолепен — сразу выбил себе семь корпоративных халяв, пять новых служебных навыков, четыре обеда за счёт фирмы и два подписанных предложения о слиянии против меня, легко, как вдруг произошло нечто страшное. Сначала это выглядело как завихрение, тень, на самом краю моего игрового поля, похоже на мягкое вмешательство реальности, ничего особенно страшного. Может, это наши внешнеигровые мамочки звали нас на ужин?

Прежде чем я сообразила, что к чему, тень внезапно бросилась на Томми, быстрая и безжалостная. Она разбила геймплей Томми на миллионы осколков и высосала его имидж досуха. Я отшатнулась от Пимпа, двойной щелчок, падение...

...прямо в руки моей матери. Назад в Реальный Мир™. Образ Томми обнулился на моих глазах.

Обвал Рынка!

Обнуление — разновидность медленной смерти. Томми не умер, нет, он просто стал ничем. Я больше не могла позволить себе с ним играть — ни тебе имиджа преуспевания, ни тебе тяги к успеху, никакой общественной значимости. Думаю, это не слишком приятно, что его стирание сделало меня такой знаменитой так быстро, ну а что делать? Как бы то ни было, очень скоро Инфо-копы™ постучали в нашу дверь, и я созвала пресс-конференцию. Я выдала пробивающую на слезу речь о том, каким Томми был благородным игроком. Медиа-гиены забросали меня тоннами вопросов о жутком вирусе, который стёр образ Томми с карты мира. Я сказала — это было словно вихрь из дыма данных, тём-

ный и жестокий, как торнадо, только более стильный. Да уж, я знала, как надо работать с прессой.

На следующий день все утренние издания были полны полноэкранных историй о Вихре-Стирателе™, о том, как жестоко он убьёт всех играющих на Гейм-Пимпе детишек. Если не будет пойман. Я вошла в свой пятый образ.

Из «Медиа-Девственницы» в «Скорбящего Свидетеля», одним лёгким движением.

Мамаша Вэйв была так довольна пресс-коном, что подарила мне домашнего питомца в награду за мою тягу к скандальной славе. Личинки блюрбочек были редки и дороги в те дни, но Мамочка толкнула мою историю одной из рыночных медиа-дешёвок.

Моя первая блюрбочка. Я назвала его Скуп™.

Скуп вначале был всего три дюйма длиной, бледно-кремового цвета. Я держала его в стеклянной банке, наполненной землёй и древесными опилками, в тепле и покое. Согласно руководству пользователя, первая кормёжка Скупа состояла из пяти статей из метазина о том, как я застукала ужасного Вихря-Стирателя за его чёрным делом, пары видеороликов с записями пресс-кона и всех серий эксклюзивных завываний моей матери, спродюсированных медиа-шакалами.

Мамочка закатила вечеринку в честь моих успехов, пригласив на неё всех жителей улицы. Я впервые вытащила Скупа из банки. К тому времени червяк целиком заглотил мою горячую историю, подрос на дюйм от полученной инфы, и его прежде бледная кожа расцвела цветами моего нового брэнд-имиджа, моего первого лого. ТИНА ВЭЙВ ЭНТЕРПРАЙЗЕС™ — бежали буквы по хребту. Червь уютно устроился у меня на плече и транслировал в пространство послание доброй воли:

Важный пресс-релиз! Тина Вэйв, побывавшая в лапах безжалостного Вихря-Стирателя, сейчас восстанавливается после пережитой ею психологической травмы. Она не будет давать никаких интервью до публикации первого тома своих воспоминаний!

Это было моей кличкой — Тина Вэйв. Сокращение от Кристина Вэйверли. Так же, как термин блюрбочки происходил от сокращения «Био-Логические-Ультра Роботизированные Бродкастерные Системы». Так же, как инфо-копы на самом деле это Информационная Полиция. Это Золотой Век Перевоплощений™. На самом деле, мы даже перестали использовать термин «имя» — вместо этого у нас были или логотипы, или

корпоративные стили, или брэнды, или торговые марки, или дизайны, слоганы, лейблы.

Всё не реально, и, похоже, всем это нравится.

Тем временем, всё больше и больше детишек подвергались обнулению. Абсолютное Всесокрушающее Стирание. Инфо-копы лишь патрулировали игры, словно бесполезные сторожевые собаки (коими они и являлись), находя лишь ноль, везде только ноль.

Моим шестым образом была «Лиса-Одиночка». Я скрылась в спальне и оставалась там всю зиму, работая над воспоминаниями и формулируя стратегию моей будущей рекламной кампании. Скуп тоже впал в спячку, окружив себя коконом коммерческих выделений. Всё потихоньку успокаивалось: дети по всему миру оставляли Гейм-Пимпы в покое, слушаясь приказов своих парализованных ужасом родителей. Конечно, большинство детишек на самом деле сами искали встречи с Вихрем, предвкушая те образы, которыми они могли бы стать, убив его. Но Родительский Указ брал верх — дети часто попадали под нарушение — Игра Без Официального Разрешения, сбегая в виртуальные самоволки. Кривая доходов корпорации Гейм-Пимп резко полетела вниз.

Иногда Умник Томми приходил повидаться со мной, но моя мать никогда не пускала его за порог нашего дома. Я смотрела сверху из окна, как его тонкое, слабое, почти прозрачное тело исчезало в вечерних сумерках. Ну что я могла поделать? Никакой коммерческой ценности.

На мою седьмую смену образа я получила ещё пять блюрбочек, включая давно ожидаемую самочку, которую я назвала Сплетница™. Моим седьмым образом стала «Нахальная Оторва», и блюрбочки активно раскручивали его. Тем временем Скуп перерос своё червеобразное детство и триумфально покинул кокон, его крылья бились с сумасшедшей скоростью, суша себя. Через пару часов он взлетел. Скуп превратился в Флаер™, и теперь радостно рекламировал меня, паря над деревней.

Пресс-релиз! Тина Вэйв снова в игре! Читай её воспоминания! Участвуй в её кампании! Стань такой же знаменитой, как она!

Когда мне исполнилось десять образов (БЕЗУМНЫЙ ИНОПЛАНЕТНЫЙ РЕБЁНОК НА ПЛАНЕТЕ ЗЕМЛЯ ПО ОШИБКЕ!) у меня была сотня, или около того, блюрбов, летающих над деревней, и ещё сотня ждала своего часа в коконах, вынашивая слоганы. Мамаше Вэйв уже не надо было покупать мне новых личинок. Ухаживания Скупа, спаривание со Сплетницей, рождение на свет их первенца, Болтуна™, и вот уже и дру-

гие блюрбочки вовсю принялись за дело, производя на свет собственных рекламных деток. Но Скуп остался вечным Королём Блюрбочек™, а я была Королевой Публичности™. Знаменитая Тина Вэйв, девочка, стоящая за релизом всех этих крылатых логотипов. Я должна была понять: я была знаменитой, потому что была знаменитой, а не из-за того, что снова и снова попадала в заголовки газет. Мои маркетинговые игры принесли мне приличные дивиденды, спасибочки, но ничего особенного не происходило со мной за последние месяцы. Я превратилась в медиа-призрака, живущего остатками былой славы.

Да, я должна была понять.

Образ номер одиннадцать: «Угрюмая Стервочка». К этому времени около тысячи блюрбочек окружали моё тело, благодаря отчаянным попыткам моей мамочки расширить медиавлияние. Она начала кормить блюрбочек Спамом™. Спам — это такой специализированный подписочный гормон, разработанный энигмалогистами. Реклама от него сходит с ума по сексу. Это было словно жужжащий нимб, излучающий во все стороны волны публичности. Они работали как один, этот новый рой логотипов, выстраивая свои тела в единый коллективный дисплей. Он висел в небе, словно облако желаний.

Пресс-релиз! Приобретайте последний продукт Тина Вэйв Энтерпрайзес! Второй том её воспоминаний уже в продаже! Узнай, на чём работает движок её рекламных кампаний!

Кажется, уже весь мир должен был знать обо мне, но на самом деле это была публичность ради публичности. Самовоспроизведение образа, разновидность близкородственного скрещивания. Мануал категорически предупреждал по этому поводу: «Недостаток перекрёстного скрещивания ведёт к мутации образов». Кто бы мог подумать! Образ номер двенадцать — «Подростая Психопатка!» Блюрбочки голодали: «Инфа! Больше инфы! — жужжали они рваными формациями. — Корми нас! Корми нас сенсациями!».

Я и все мои имиджи превращались в клише, искажались, из-за не-большой оперативной памяти.

— Сделай что-нибудь, Тина! — стонала Мамаша Вэйв, утопая в кресле. Она медленно умирала от недостатка отражённой славы.

Затухала, как волна.

Другие дети тоже заводили себе блюрбочек, и жестокие битвы различных рекламных кампаний устилали улицы медиа-трупами. Моя бедная армия жестоко заплатила за свои победы. Я обнаружила любим-

ца Скупа и его жену Сплетницу лежащими мёртвыми на улице, а их сын, Болтун, рыдал над их останками. Я похоронила двух славных воинов прессы меж столбцов некролога.

Здесь лежат Скуп и Сплетница. Пропаганда не умрёт!

Битвы блюрбочек прибавили мне славы, да, но этого было мало. Мамочка стояла на грани обнуления:

— Сделай что-нибудь сенсационное, Тина! Сделай что-нибудь из ряда вон! Спаси лицо нашего семейного брэнда! Спаси наше лого!

К мамочке незаметно подкрался дедлайн. Как жаль.

Несколькими днями ранее было найдено тело Умника Томми. Он убил себя, подвесив свою пустоту на уличном фонаре. Последняя жертва, вторая смерть, всё — нет жизни за образом.

Войны блюрбочек, смерти Скупа, Сплетницы, Томми и, ах да, мамы Вэйв: все эти события подняли мою популярность. Я стала понимать, что смерть — это главный рекламный трюк.

Сейчас я готовлюсь к моему последнему пиар-сражению. Мой окончательный образ. Поверьте мне, вы услышите о нём. Поверьте, услышите.

Все мои блюрбочки помогут мне.

ДАБ-БЛЮРБЫ (*пресс-релиз twister remix*)

Эксклюзив! Сегодня вечером в сияющей машине, похожей на бассейн смерти, тактика желаний была поглощена облаками. Углублённый анализ девушки выявил изображения обнажённой юной волны. Свидетели видели рои мемов, вырывающиеся из реальности. Представьте себе жидкое убийство. Убийственная мода!

Публика купила вирус детского пользователя, внедряя узнаваемость. Инбридинг опыления мутировал, создавая лазейку для желания, вызывая обратную связь по товарному знаку. Воюющие метакорпоративные игры захватывают нашу собранную потерю теневого журнала. Погруженные цвета отражали крайний срок славы. Пустота улицы.

«Ешь мерзость!» — сплетни, вплетающие клише в рот личинки. Ручная болтовня питает игру зрения, формирует миллион дымовых карт горячих данных. Логичное погружение в девственный бренд, учитывая прозрачную моду для гормонального жужжания. Полицейские воображают, что черви-хвостуны процветают.

Обнаружив обнуляющий торнадо, повсюду системные сексуальные псы стёрли вихрь. «Размножаться — это мерзко», — роботизированный образец маркетинга, закутанный в кокон после новостной катастрофы. Кампании по уничтожению информации пометили её как слишком феминную. «Тёмный, жестокий, голый маленький логотип!» — писал инопланетянин, представляющий собой мусор для общественной жизни. «Слишком много червеобразности способствует низшему спариванию».

Крылья коммуникационной вертушки транслируют разрозненную видео-сенсацию: «Реклама, продавайте свой ультра-образ!»

Смерть биологотипа. Падающие медиа-слоганы скрывают нулевые медиа. Образ неизвестного. Искажённый ореол заражает последнюю тень. Тело демонстрировало рекламу; защищённый авторским правом медленный график исчезает до минусовых температур. Вылупляются новые инструкции: ухаживание инфекции, разворачивающееся.

Тем временем, мировые конференции по уменьшению гало меняют выпуски высосанного призрака.

ТВИДЛЫ

Компания отправила меня обратно в Англию на переподготовку. Мой первый визит за долгие годы, и, как всегда оно бывает, убраться оттуда опять мне удалось не скоро. Но какого чёрта — это ведь Рождество. Чувство вины, наконец, растормошило мою лучшую сторону, так что я сел на поезд и поехал в Манчестер. Господи, как же воняло это место.

— Помнишь меня? — первое, что я сказал маме. — Вот, у меня для тебя духи.

Она приняухалась к подарку, как к какому-то инопланетному плевок. Мы немного поговорили, чувствуя себя как-то неловко, и затем она ошарашила меня новостью о том, что Освальд Пил всё ещё живёт в том самом доме внизу улицы, живёт там со своими родителями.

— Но парень-то моего возраста, — удивился я. — Что он делает дома?

— Тебе следует навестить его, — ответила мама. — Он предсказывает погоду.

Так что рождественское утро застало меня перед дверьми большого старого дома. Его отец узнал меня не сразу, но я освежил его память:

— Это Билли, мистер Пил. Помните меня? Билли Сансет, я жил дальше по дороге. Я пришёл повидать Освальда.

Его мать застыла со стаканом бренди в руке. Она не сводила глаз с экрана телевизора, улыбаясь круглосуточному каналу погоды. Передавали снег.

— Освальд в своей комнате, — сообщил отец. — Передать ему, чтобы спустился?

— Нет, нет. Я сам поднимусь.

В спальне было темно — шторы не давали дневному свету проникнуть внутрь. Новейший телескоп выглядывал между штор, нацелившись, само собой, на какую-то далёкую, невидимую звезду. Освальд сидел на своей кровати и читал книгу. Сколько ж лет прошло.

— Привет, Оззи, — начал я. — Счастливого Рождества. Смотри, я принёс тебе подарок. Вот, понюхай. Как дела?

Он опустил книгу, встал с кровати.

Первое, что я заметил, это то, как отлично он выглядел для своего возраста. В смысле, сам я уже и облысел слегка, и отрастил животик за прошедшие года, но Оззи остался патлатым и подтянутым. Вот ублюдок, подумал я, это несправедливо.

— Ты кто такой? — голос из прошлого.

— Билли. Помнишь?

— Билли Сансет?

— Точно. Я принёс тебе лосьон после бритья. Этим я зарабатываю себе на жизнь в последнее время. Я продаю запахи. А ты чем занимаешься? Я слышал, ты метеоролог.

— Да, для телевидения.

— Это замечательно.

— Ты так думаешь?

Ну, вообще-то нет. Я всегда думал, что Освальд достоин большего, чем это. Но я не хотел упоминать такие вещи. И вместо этого я сказал кое-что ещё более глупое:

— Я слышал о Джуниоре. Мне очень жаль. От него есть какие-нибудь новости?

Освальд просто посмотрел на меня. Затем он двинулся к телескопу.

Зря, конечно, я затронул эту тему, я имею в виду, о Джуниоре, но годы в торговом бизнесе сделали меня твёрдым, как камень, особенно в сердце. И я вспомнил другое рождественское утро, которое было давным-давно, когда я ещё не был таким чёрствым.

* * *

В нашем районе Оззи был тем малым, которого просто нельзя было не ненавидеть. В смысле, взять хотя бы его тупое имя и тот факт, что ему каким-то образом удалось сохранить двух родителей, что было на один больше, чем у всех остальных на нашей улице. И, конечно же, они у него были из богатой элиты, с двумя зарплатами, красивым домом и двумя ретро-автомобилями, не говоря уже о чистокровных породистых собаках и чёртовом семейном благополучии, что бы это ни значило. К тому же, этот разбалованный мелкий спиногрыз всегда получал любые вещи — стоило ему захотеть, такие вещи, которые я даже не надеялся получить. Новейший конструктор; оружие, спасшее мир; телескоп, нацеленный на звёзды.

Честно, моя ненависть к нему была так велика, как расстояние до магазина игрушек и обратно, но, с другой стороны, он также мне настолько нравился, что мои другие друзья постоянно отпускали дешёвые шуточки по этому поводу. Мне было 9 лет, Освальду — 10, и мы часто убивали время вместе, рассуждая о том, что было бы, если бы луна взорвалась, какой эффект это произвело бы на атмосферу, и ещё мы

фантазировали о подарках, которые получим на Рождество. Я возлагал надежды на новый футбольный мяч, или на ещё какие-нибудь мелкие и незначительные мечты, если сравнивать с тем, что Освальд потребовал у Санты последнюю модель Мальчика Твидла.

Конечно, я посмеялся над ним. Кукла Твидл была самым желанным подарком на Рождество с тех самых пор, как ввели закон Единственного Ребёнка, но как даже его состоятельные родители могли позволить себе такую роскошь? И всё же, в ту неделю одна из этих их старых машин исчезла, как и одна из чистокровных собак — всё это продавалось одному коллекционеру разных диковинок. А два дня спустя Освальда забрали в больницу.

Я не видел его до самого рождественского утра, когда я зашёл к нему похвастаться новым футбольным мячом фирмы Air UK — моей маме тоже пришлось кое-чем пожертвовать.

— Сыграем, Оззи? — спросил я, но он заявил, что ещё очень слаб после операции. — Что? Ты имеешь в виду, что это и вправду случилось? — Я был потрясён. — Ты вправду добился этого? И больно было?

Я уже трясся, представляя, как кто-то ковыряется в моём собственном костном мозгу.

— Не очень, — ответил он как-то медленно. — В конце концов, это же просто ДНК, у меня их ещё много.

Мы пошли в его комнату вместе, где его подарок номер один спал в специально спроектированной детской кровати. Впервые в жизни я увидел Твидла, в смысле, вживую, а не по телевизору. Должен признать, что сначала я был разочарован, в основном потому, что в рекламах Твидлы описывались совсем удивительными, точными копиями своих владельцев. Но эта спящая игрушка была длинной всего в фут, довольно пухлая и с бесцветными волосами, лицом и глазами, как какой-то бледный змеёныш, вроде слепозмейки.

— Но он на тебя совсем не похож, Оззи, — сказал я.

— Дай ему время, — Оззи взял куклу с кровати. — Его зовут Джуниор, кстати. Он мой младший брат.

Несчастное существо зашевелилось в его руках и стало что-то там булькать.

Ну, праздники быстро закончились, и все мы вернулись в школу. Освальд появился там на пять дней позже начала нового семестра, крепко прижимая своего Твидла к груди. Каждый урок он усаживал его на своей парте, и это, конечно, привлекало много внимания — все ребята насмеялись над Оззи, скрывая зависть. Возможно, вы думаете: за-

чем, в конце концов, 10-летнему мальчику нужна кукла? Дело в том, что Твидлы иногда могли быть прямо монстрами, если вам этого хотелось. Какой-то хулиган однажды попытался отобрать Твидла у Оззи; наверное, этот парень никогда не слышал о системе безопасности этих кукол, или просто был слишком глуп, чтобы придать этому значение. Как бы то ни было, в результате произошла ужасная вспышка света, фонтан искр разлетелся во все стороны, и хулиган с криками убежал прочь. Честное слово, этот тип уже не сможет зарабатывать себе на жизнь гитарой.

В одиннадцать лет Освальд с лёгкостью сдал все экзамены и перешёл в среднюю школу. Он всегда таскал с собой Твидла, который уже был более двух футов ростом и отдалённо напоминал своего владельца. Это существо могло даже немного говорить — искажённым подобием речи. Я старался не отставать от Оззи, забросил футбол и сосредоточился на учёбе. Но, понимаете, к тому времени Освальд стал вести более затворнический образ жизни, предпочитая компанию своего Твидла, чем реальных людей. Должен признать, я очень завидовал, наблюдая, как Освальд и Джуниор растут вместе, всё больше сближаясь. К тому же, у существа были какие-то особые гормоны, и очень скоро оно догнало Освальда по развитию. Но я думаю, что другие ребята, у которых были такие куклы, не таскались с ними постоянно. Понимаете, да? Не так неразлучно, как Оззи и его брат.

К шестнадцати годам они оба уже были примерно одинакового роста и почти неотличимы. Освальд, конечно же, сдал экзамены на отлично, без проблем поступил в Манчестерский университет и изучал там физику и астрономию. И чем лучше у него всё складывалось, тем хуже у меня. В шестнадцать лет меня выкинули из школы с парочкой плохих оценок. Я очутился на работе в местном магазине мужской одежды — это было самое начало моей блестящей карьеры в торговом бизнесе. Во всяком случае, я заработал немного денег и свободы, и довольно скоро я начал снимать свою собственную квартиру. Но мне не терпелось смыть с себя зловоние этого мелкого городишки. И такой шанс мне представился довольно скоро. Год спустя меня взяли на стажировку в крупную лондонскую фирму, которая продавала запахи. И я зашёл к Оззи попрощаться. Ага, он всё ещё жил дома, несмотря на все прелести студенческой жизни. Ни подружки, ничего. Это не для Оззи. Не для Оззи и Джуниора.

В последний раз я видел их довольно давно. Оззи открыл дверь, поздравил меня и всё такое, обнял меня, наверное, впервые в жизни. Не знаю, но что-то было не так с этим парнем — то ли его кожа была слиш-

ком холодной, то ли слишком горячей. Я не могу точно вспомнить. Просто что-то не так. И тут я почувствовал какое-то потрескивание — электричество под его кожей. Я вырвался из его объятий как раз в тот момент, когда подошёл другой Освальд.

Даже я теперь не мог отличить их.

Когда я следовал за ними в дом, то всё ещё чувствовал ток, перетекающий по моим пальцам. Их мать, уже пристрастившаяся к бренди, просто не могла налюбоваться ими обоими, как будто она родила близнецов, на самом деле. И даже наоборот, казалось, что она питает к Джуниору намного больше чувств, чем к собственному сыну. А почему бы и нет? Твидл был намного красивее оригинала. При этом у отца было такое напуганное выражение лица, как будто он просто не знал, что с этим делать.

Я сбежал оттуда как можно быстрее. И сбежал ещё дальше, прочь в Лондон. И в поезде я намазался лосьоном после бритья, лишь бы замаскировать зловония дома.

Вот таким был мой уход.

Несколько лет я пытался поддерживать связь со своей мамой — ответил на несколько из дюжин её писем, которые преследовали меня по всей стране. Иногда она писала мне об Оззи, и даже больше о Джуниоре, но ничего хорошего. Оказалось, что братец испортился, начал доставлять много проблем, ввязываться в драки, сходить с ума. Ходили слухи, что некоторые из Твидлов становятся такими, когда вырастают. Какая-то негативная реакция на то, что они «вторые» по значимости для родителей. Последнее, что я слышал — это то, что Твидла куда-то забрали. Куда — неизвестно.

Надеюсь, он нашёл то, что искал. Вот и всё, на что я надеялся, и ещё на то, что на Освальда не слишком плохо повлияла такая утрата.

* * *

Всё, что ни делается, делается к лучшему. И вот мой ответ: одинокий, 40-летний мужчина, всё ещё живущий со своими родителями; день за днём просиживая в своей тёмной комнате, уставившись на что-то через телескоп.

— Ну же, Оззи, — сказал я. — Скажи хоть что-нибудь. Ты ведь ещё думаешь о Джуниоре?

— Не особо, — ответил он.

Вокруг его глаза остался след от окуляра телескопа, а в самих глазах светились звёзды. Несомненно, далёкие объекты привлекали его больше. Но потом я подумал, на что, собственно, он смотрит через ту штуку посреди дня? Звёзд же нет. На что там смотреть? Я приложился глазом к телескопу. Обзор был сосредоточен на доме напротив. Окно спальни. В поле зрения ходила полуголая женщина.

Я услышал шум сзади, какой-то сухой звук; и затем на моё плечо осторожно опустилась рука.

Я почувствовал потрескивание.

ТОВАР: МЭРИЛИН МОНРО

Компания «Селеборг» обнаружила незначительный изъян в 729-й модели Мэрилин Монро. Товар, вызвавший беспокойство, маркирован кодом СС729-45Х на корпусе и представлен в цвете «Голливудский розовый». Эти модели нужно немедленно вернуть в ближайший пункт продажи.

«Селеборг» гордятся сервисными обязательствами перед своими клиентами. Настоящей информацией мы хотим заверить наших преданных потребителей в соблюдении этих обязательств, и рассеять любые слухи, которые могут ходить в прессе или в любом другом источнике информации.

Мэрилин Монро была инфицирована вирусом.

Мы полагаем, что это первый в своём роде паразит, живущий в теле биотехнологии. Как выяснилось, он проник в наш производственный процесс через заражённую партию «РобоВаза», который, к сожалению, впоследствии использовали для некоторых моделей. Обычно, вирус живёт и размножается в самом масле, никак не влияя на функции носителя. Теперь же выяснилось, что новое поколение вирусов эволюционировало, то есть, при желании, может перемещаться по самой модели, паразитируя не только в самом масле, но и в специальной краске, которую мы использовали для последних версий Мэрилин Монро. Постепенно жадный аппетит паразита полностью разрушит знаменитость. Есть небольшой риск, что при определённых обстоятельствах эта модель может взорваться при использовании и нанести вред потребителю.

По этой причине мы отзываем все Мэрилин Монро, и настойчиво просим наших клиентов держать эти модели отдельно от других знаменитостей, чтобы предотвратить перекрёстное инфицирование. Наши модели Джона Кеннеди и Багза Банни особенно подвержены этой опасности. Слухи о том, что вирус находится в симбиотической связи с моделью, ложные. Вирус не делает знаменитость более харизматичной.

Новая и «гарантированно чистая» Мэрилин Монро будет предложена взамен абсолютно бесплатно.

Желаем вам безопасных утех.

ЭКСТРАВИРТ

Мистера Алана Кудера, продавца детских аксессуаров, охватил ужас, когда по прибытии в Нью-Йорк он узнал, что авиакомпания умудрилась потерять его багаж где-то между Манчестером и Нью-Йорком. Тем не менее, с собой у него был маленький дипломат с паспортом, каталогами и кредитными картами, а утерянную одежду можно было без труда заменить. Но, к сожалению, в пропавшем чемодане также было необходимое ему питание.

В Манчестере, получив багажную квитанцию, он долго спорил насчёт того, что не может путешествовать без питания, но ему тут же напомнили о недавней авиакатастрофе в Германии, причиной которой, как выяснилось, было то, что «один из его вида» питался во время полёта. Очевидно, этот физически необходимый процесс повлиял на системы управления самолёта. В итоге мистера Кудера убедили в том, что его питание полетит вместе с ним в трюме, а ему необходимо прямо сейчас, пока он ещё в Англии, запастись достаточным количеством энергии для пересечения Атлантики. С большой неохотой он так и сделал, отойдя в мужской туалет, так как ему всё ещё было стыдно питаться на публике.

И теперь он оказался совершенно один в городе, в котором никогда раньше не был, а его запасы энергии со времени последнего приёма пищи уже начали истощаться. Он почувствовал, что замедляется, как раз в тот момент, когда такси выкинуло его возле отеля, в котором он предварительно забронировал номер. Его комната была маленьким жарким санаторием для тараканов. В путеводителе ничего не говорилось о насекомых, и от такой картины его бросило в дрожь. Изо всех сил стараясь избегать их, он в первую очередь накрыл все зеркала в комнате махровыми полотенцами из ванной. Занимаясь этим, он отводил взгляд в сторону.

Алан Кудер всегда не мог терпеть собственный голодный вид.

На самом деле ему необходимо было готовиться к своему главному назначению, но вместо этого он спустился в регистратуру и спросил там о ближайшем надёжном поставщике, уже ненавидя клерка за отвращение, которым он его наградил. Тем не менее, Алану сообщили, что «лучшее место по продаже таких штук находится на Таймс Сквер. В универмаге. Туда можно дойти пешком».

— Только будьте осторожны, сэр, — добавил клерк с усмешкой, — тут разная нечисть водится.

И точно. Казалось, вся мировая мерзость сконцентрировалась на этом клочке земли. Не сделав и пары шагов в ослепительной суматохе, он услышал предложения розовых и влажных грёз, уличные торговцы размахивали перед ним своими перьями, словно магическими погремушками. Пожилой чернокожий мужчина грузно сидел, прислонившись к стене, с пером во рту, и его тело дёргалось в такт той дешёвой, грязной дрёме, которой он был объят. Быстро идя, опустив голову, Алан Кудер купил на лотке дешёвые солнечные очки и карманную карту и попытался следовать указаниям клерка. Карта, должно быть, была напечатана вверх ногами, потому что через пятнадцать минут он заблудился в лабиринте. Стоял полдень, жара густо набилась в просветы между зданиями. Он взглянул на часы и обнаружил, что забыл перевести их на новый часовой пояс. Глаза кололо, будто иголками, желудок ныл от голода, а признаков специализированного магазина или даже универсама — никаких. В лихорадочных поисках пути назад он очутился в совершенно ином месте, на узкой улочке без названия и номеров, затенённой облупленными фасадами и наполненной запахом переработанной кожи.

Именно в конце этой улочки Алан Кудер нашёл убогую лавчонку под вывеской «Slick City». Под потрескавшейся тёмной неоновой вывеской — другая, поменьше, нарисованная от руки: «Чего захочешь — то и получишь. От батона до гондона». А под ней — наклейка с небрежной надписью: «Робосы — но проблемос!».

Вид был желанным, хоть Кудер ненавидел слово «Робо», витрина магазина была закрашена чёрной краской, а на двери красовалась надпись: «Строго 18+! Без разглядывания!». Он зашёл внутрь.

Магазин был крошечным, больше похожим на проход, где две стены от пола до потолка были заставлены упакованными в коробки перьями, а в дальнем конце стояла стойка, за которой была втиснута крупная женщина. В помещении находились ещё двое покупателей, старательно избегавшие друг друга и новоприбывшего. Кудер окинул взглядом пространство всего на секунду — ноздри забил густой запах, исходивший от товара, — и направился к стойке.

— Чего надо? — спросила женщина, вытирая лоб тряпкой.

— У вас есть что-нибудь... что-нибудь для... — Он запнулся, будучи англичанином и испытывая стыд, несмотря на отчаянную нужду.

— О-о-о! Обожаю ваш акцент, мистер! — проскрежетала женщина. — Английский, такая секси тема.

Она рассмеялась, и складки её кожи нависли над стойкой. Блузка на ней была маловата, растянута до последней пуговицы на тучном живо-

те. Кудер не мог смотреть на это, уже прекрасно зная, что скрывается под тканью.

— Эй, приятель! — крикнула женщина через плечо Кудера. — Читай, блядь, что написано!

Кудер обернулся. Один из покупателей уже достал перо из коробки и как раз собирался засунуть его себе в рот. Над ним висела напечатанная табличка: «Хочешь пососать — плати бабки!». Покупатель положил перо обратно на полку и поспешно ретировался.

Женщина снова перевела внимание на Кудера.

— Вы из наших, мистер, — сказала она. — Я всегда отличаю. И... ой! Да вы совсем расклеились! Знакомый запах. Давайте-ка я вам покажу, что у нас есть.

«Показ» свёлся к указанию пальцем, поскольку женщина, казалось, была намертво втиснута на своё место. Кудер проследил за её пальцем к тому месту, где часть стены была помечена как «Только для Робосов!». Сотни перьев в коробках. Столько разновидностей он отроду не видел, ни одна не была знакомой, ни одной из его обычной марки «АвтоЖужж». Коробки были с картинками — тошнотворная выставка запретных грёз.

— Вам чего-нибудь особенного, мистер? — прокричала женщина, и Кудер, смутившись, быстрым шагом вернулся к стойке.

— Я просто хочу поесть, — пробормотал он. — Без всего этого... — он махнул рукой в сторону полок.

— Розовенькое не хотите?

— Нет. Я не... то есть, я никогда... Я просто хочу есть, пожалуйста.

— Фиолетовое хотите?

Кудер кивнул.

— Мне бы «АвтоЖужж», оно у вас есть?

— Это по-английски?

— Да.

Женщина причмокнула.

— Ни за какие коврижки не достать. А вот это к нам на прошлой неделе завезли.

Она достала из-под стойки коробку. Коробка была простой, белой, со словом XTROVURT, отштампованным на крышке. Кудер взял её. На упаковке не было других слов: ни инструкций, ни рекомендованной дозы, ни страны происхождения, и даже имени производителя.

— Экстравирт, — произнёс он, скорее самому себе. — Никогда не слышал.

— Приятный. Посмотрите.

Кудер открыл крышку. Внутри лежало как минимум с десяток фиолетовых перьев. Он поднял одно к закопчённому свету.

— Оно не чистое.

— Конечно, чистое. Мы не торгуем всякой дрянью.

— Нет, посмотрите — здесь есть розовые вкрапления.

— Дайте-ка глянуть? Не, это так, дизайнерская фишка. Слушайте, мистер, я сама эту дрянь всю прошлую неделю юзаю. Но проблемос. Акция такая, понимаете? Пробные партии, предпродажные. И цена хорошая. В «Мэйсиз» такая пачка будет стоить как самолёт. Берёте? Можете попробовать тут. У нас есть задняя комнатка. Изолированная кабинка.

— Нет, нет. Спасибо. Я возьму. Одну, то есть. Одну возьму. Сколько?

Он уже достал кредитку, но женщина посмотрела на неё так, будто он швырнул на стойкудохлую крысу. В итоге он расплатился наличными, сумма была приличная, но он уже отчаянно хотел выбраться из лавки, жаждал глотнуть чистого воздуха, добраться до номера, запустить это в себя. Желудок будто проваливался вовнутрь.

Странно, но, оказавшись на улице с единственным пёрышком, надёжно упрятанным в кейс, он сразу почувствовал себя лучше. Какая-то молоденькая девица (предположительно молоденькая и предположительно девица) крикнула ему: «Эй, Робос! Хочешь лиззи-лиззи?» — но он поспешил дальше, без происшествий. Без происшествий нашёл дорогу назад и без труда увидел универсам, который просто не мог пропустить в первый раз, — прямо рядом с отелем. В этом чистом, хорошо оборудованном месте он обнаружил целую стойку с «АвтоЖужж» по цене меньше половины только что заплаченной. Он купил шесть абсолютно чистых перьев, глубокого насыщенного фиолетового цвета, к которому так пристрастился. А вернувшись в отель, обнаружил сообщение, что авиакомпания нашла его пропавший чемодан и доставляет его курьером.

И вот, всё началось. Он позвонит своему первому клиенту, извинится за опоздание, но сначала...

Кудер задёрнул шторы, включил светильник. В его тусклом свете, падавшем из двери ванной, он встал у раковины. Достал из банки бесплатный гель «БодиВаз», открутил крышку, приготовив его. Сдёрнул полотенце с зеркала над раковиной. Его кейс был открыт и лежал на закрытой крышке унитаза. По полу полз таракан; Кудер отодвинулся, чтобы дать ему пройти. Из кейса он извлёк одно из самых качественных на вид перьев «АвтоЖужж», и мельчайшая пыльца с него нежно заклуби-

лась в воздухе. Глядя в зеркало, он начал расстёгивать рубашку. Как раз перед тем, как расстегнуть последнюю пуговицу, он снова взглянул на выбранное перо, а затем в кейс.

Там лежало перо «Экстравирт», пристроившееся среди других — привычных, нормальных, повседневных дел, что управляли его жизнью. Странное перо, поблёскивавшее вкраплениями розового на фиолетовом ложе. Он взял его, разглядел пристальнее.

О чём он вообще думает? Этот одинокий коммивояжёр, человек без приключений, держит такую штуку в руках.

Алан Кудер: Автоген № 279954ХУ. Правда, прописанная в его паспорте.

Как он ненавидел слово «робот». Он не робот. Люди такие жестокие, они что, думают, это легко — каждый день кормить себя грёзами, только чтобы сойти за человека? Пусть попробуют сами. Неудивительно, что Автогены держатся вместе. Может, позже вечером он найдёт клуб, место встречи; уж Нью-Йорк-то, из всех городов, наверняка дом для тысяч таких, если знать, где искать. Он читал об этом в журнале «Будние Автогена» и «Стиль жизни».

Подстёгиваемый этим образом Земли Свободы, Алан Кудер сделал то, чего никогда не делал прежде: он пошёл на риск, маленький риск. Он намазал горсть вазелиновой смазки на перо «Экстравирт», а затем расстегнул рубашку до конца, обнажив живот.

Рот был там и ждал. Он аж присвистнул.

Забавно, он никогда не мог ощущать его частью себя, несмотря на то, что был выведен уже с ним — с этим ртом в животе. Пара толстых красных губ, что сейчас разомкнулись, готовые принять пищу; едва влажный язык, что лизал и щекотал, жаждая еды.

Женский рот.

Кудер нанёс немного смазки на сухие губы и затем медленно ввёл фиолетово-розовое перо себе в живот. Губы сомкнулись вокруг него, приняли его глубоко внутрь, всосали глубоко, чтобы вытянуть каждую последнюю каплю грёзы.

Кудер покормился.

* * *

Он очнулся пять часов спустя, распластавшись на узкой кровати с сильной, болезненной эрекцией. Таракан полз по его обнажённой груди. Он раздавил его, совсем легко, между пальцами. Вытащил истощён-

ное, использованное перо из живота. Глубокий фиолетовый цвет опахал выцвел до тусклого кремового. Пустое. Проглоченное. Лишь на ходу застёгивая рубашку и накидывая пиджак, Кудер вышел из номера.

У стойки администратор попытался привлечь его внимание, говоря что-то о чемодане и телефонном сообщении. Кудер проигнорировал его, шагнул в нью-йоркскую ночь, вспышки грёзы всё ещё проносясь по его телу. Видения самки его вида, с прелестным мужским ртом в мягком, жаждущем животе, где они целовались, покусывали и погружали языки в животы друг друга часами напролёт.

Город звенел красотой вокруг него, клубясь жизнью и оглушительным цветом.

Молодая пара ловила такси; Кудер шагнул перед ними, влез в жёлтое такси.

- Куда, приятель? — спросил водитель.
- В даунтаун, — сказал Кудер. — Туда, где тусуются Робосы.
- Ага. Туда, где самки-робосы, или самцы-робосы?
- Без разницы.
- Охо-хо. Держись покрепче, дружок.

ДУШИСТАЯ МАШИНА

По самой своей природе Автогены обречены на патологическую застенчивость, граничащую с ужасом перед чисто человеческим. Это привело к образованию ими различных тайных обществ и полускрытых сект, а также к поселению в самосозданных гетто, самое известное из которых — «Игрушечный городок» в Манчестере, Англия, где и был создан первый из их рода.

Именно в этой странной, квазипригородной тематической деревне почтенный профессор Калк провёл своё нашумевшее исследование автогенной репродуктивной системы — «Душистая машина». То, что сами Автогены ненавидят слово «машина» применительно к собственным телам (как и любое другое слово — робот, автомат, искусственное существо, биомеханизм — напоминающее им об их искусственности), похоже, никогда не беспокоило ни Калка, ни его многочисленных читателей. Также и тот факт, что для своих изысканий он фактически выдавал себя за Автогена, хоть и неимоверно работал на его публичный образ, не мог не вызвать у объектов исследования жажду мстительного гнева. Безусловно, наиболее возмущившая их фраза — «автогены есть не более чем неудавшийся лабораторный эксперимент» — может считаться смертельно провокационной.

Но цель данного краткого трактата — не оправдывать убийство и не защищать права автогенных граждан; скорее, она заключается в том, чтобы раз и навсегда внести ясность относительно сексуальных привычек так называемых «душистых машин».

Автогены, яростно отрицая свою машинную сущность, никогда не претендовали на полную человечность; их единственная цель, судя по всему, — быть признанными отдельным и особым видом и получить права, присущие любой подобной группе. Нельзя забывать, что уровень преступности среди их вида значительно ниже, чем среди чистокровных людей, и что Национальный совет по автогенным делам публично осудил виновников гибели профессора Калка.

Как бы то ни было, мы можем лишь догадываться, каково было изумление убийц, когда они обнаружили, что доктор Чандра Калк на самом деле не был самозванцем, а являлся полноценным автогенным мужчиной! Увидь убийцы рот в животе Калка до совершения своего злодеяния, возможно, они проявили бы милосердие. Этого мы уже никогда не узнаем.

Странная логика, заставившая профессора столько лет притворяться человеком, стала предметом многочисленных споров. Вполне возможно, что только таким путём он мог преодолеть предрассудок, позволяющий лишь пяти процентам Автогенов вступать в научное сообщество, несмотря на их природные способности в этой области. Быть может, в его лицемерии виноваты какие-то иные, например, психологические факторы (от которых, как известно, Автогены страдают сильнее большинства). Как бы то ни было, это определённо объясняет его успех в том, что он выдавал себя за одного из них во время исследований!

Задаюсь я вопросом, пытался ли он в последний момент «остаться собой»? Или же профессор к тому времени настолько увяз в слоях маскировки, что не сумел вовремя из них выбраться?

Последняя мистификация касается его труда как такового. «Душистая машина» — книга, утвердившая в общественном сознании экзотический образ жизни Автогенов, — ныне показана как полотно лжи.

Была ли это, в конечном счёте, причина убийственной мести? То, что Калк сколотил огромное состояние из ничего, кроме своей собственной искажённой фантазии?

Итак, вот факты: Автогены способны на три различных типа репродуктивной активности, каждый из которых приводит к разному типу потомства. Первый (в котором Калк открыто признавался) — это примитивная копия человеческой половой практики, когда мужчина и женщина совместно создают ребёнка. Следуя естественному процессу, этот младенец получает половину генов от одного родителя, половину — от другого. Эту технику используют во времена процветания, когда перспективы позволяют воспитывать долгое детство.

Второй тип размножения (на который Калк лишь намекал) применяется чаще в периоды медленного экономического роста. Это автогенный процесс в чистейшей его форме. Самка вида воспроизводится без участия самца. Это производит на свет ребёнка, более или менее идентичного родителю, который очень быстро (дело четырёх лет или менее) достигает полной зрелости. Это потомство — всегда женского пола, и оно может быть «матрёшкой» в утробе; то есть, зародыш может уже иметь внутри себя собственный зародыш, и так далее, до неопределённой точки разрыва.

Третий и последний тип размножения (о котором Калк не сказал ни слова) связан с так называемыми желудочными ртами, из-за которых Автогены испытывают наибольшие предрассудки. Кажется, чистокровных людей этот аспект автогенной физиологии будет отвращать всегда,

и не без причины. У самки во рту желудка — мужской рот, у самца — женский. Каждый такой рот имеет язык, который, как известно, иногда достигает длины более восьми дюймов, и рудиментарный набор зубов. Калк утверждал, что акт «поцелуя животами» является лишь интимным приветствием или же формой прелюдии. Теперь же известно, что это самый желаемый и самый трудный из репродуктивных методов.

Язык желудка самки помещается в рот желудка самца. Считается, что «сперма» самки содержится в её слюне. Беременеет при этом самец. В желудке формируется небольшое яйцо, которое на время процесса становится своего рода мужской утробой. Яйцо извергается — снова с помощью желудочного языка, — а затем принимается самкой, которая согревает и охраняет его (вне тела) до момента вылупления. Это может занять до двух лет. Рождающийся младенец — всегда мужского пола, и для достижения половой зрелости ему требуется полных тридцать пять лет.

У этого странного полового процесса процент неудач составляет 98%. Многие из успешно зачатых умирают ещё внутри яйца. Те же, кому удаётся родиться, всегда слабы и болезненны; многие другие умирают, так и не повзрослев. По этим причинам «вылупившиеся» считаются более ценными, чем оба других вида Автогенов. Само их существование может вызывать острые приступы ревности у более «нормальных» детей. Несмотря на то, что они наиболее подвержены психологическим проблемам, вылупившиеся часто становятся фигурами власти и авторитета. С другой стороны, они же нередко превращаются в преступников или изгоев.

Теперь, похоже, мало сомнений в том, что профессор Калк был таким ребёнком.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

Следующий неполный документ (из Музея Фрагментов) предварительно датирован началом двадцать первого века. Несмотря на выдвижение различных теорий о природе упоминаемого «устройства», ни одна из них пока не получила всеобщего признания.

(начало текста)

1с. Устройством не должны пользоваться дети младше четырнадцати лет или взрослые старше тридцати девяти лет.

2b. Если устройство предполагается использовать в ручном режиме, переключите кнопку «В» в положение «портативный».

2е. Если устройством предполагается пользоваться совместно, активируйте режим «защиты».

3а. Устройством разрешается пользоваться не более четырёх раз в день, если не получено специальное разрешение.

3b. Продолжительность одного сеанса не должна превышать шестидесяти минут или момента автоматического отключения устройством — в зависимости от того, какой период окажется короче.

3с. Не пытайтесь использовать устройство после автоматического отключения, пока не пройдёт период не менее тридцати минут.

4d. Для использования устройства в общественном месте требуется специальное разрешение.

5b. В случае подобной поломки (см. п. 5а) владелец устройства несёт полную ответственность.

5с. В случае гарантийной поломки устройство должно быть снято с тела и возвращено в точку продажи.

5d. Ни при каких обстоятельствах не оставляйте неисправное устройство присоединённым к телу.

6а. Ни при каких обстоятельствах не оставляйте устройство без присмотра во время процедуры «выброса».

7с. Незащищённый выброс может привести к заражению реципиента.

(окончание текста)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МАРШРУТЫ ЯДОВ

ДОБРАТЬСЯ ЖИВЫМ ДОМОЙ

(с переходом в микс)

Уже второй час ночи, и наша компания покидала концерт «Мегадога» в «Академии» на Оксфорд-роуд в Манчестере. Там были я, четверо ребят из книжного, где я работал, и несколько незнакомцев, с которыми мы разговорились. Всего нас было восемь, мы пытались поймать такси, но ни одно не останавливалось на такую ораву. В итоге мы все вместе пошли по дороге в сторону Королевского северного колледжа музыки.

Это была субботняя ночь, улицы были полны людьми, пытавшимися добраться домой. Когда мы добрались до колледжа, стоянка такси гудела. Мне кажется, в очереди стояло больше тысячи человек. Не знаю, видели ли вы когда-нибудь эту стоянку такси, в которую превратили Колледж музыки? Такси отправляются из стоянки в подземке, а очередь начинается на крыше. И оттуда тебе приходится идти по внешним краям здания, спускаясь ярус за ярусом, пока не доберёшься до самого низа.

Кажется, мы были на втором ярусе сверху, в этой длинной извивающейся змее из людей, когда я посмотрел через парапет и увидел внизу своего друга Рикки. Рикки раньше жил в Манчестере, но переехал в Лондон примерно год назад, и с тех пор мы не виделись. Так что я сказал своей компании, что пойду повидаться с другом.

Я полез вниз по стороне здания. В конце концов я добрался до него, и мы немного поболтали. Я снова заглянул за парапет и на этот раз увидел Йена — ещё одного друга, который тоже переехал в Лондон. Я не видел Йена лет пятнадцать, а в те давние времена он был моим лучшим другом. У меня даже номера его телефона не было, так что я отчаянно захотел спуститься ещё на ярус, чтобы встретиться с ним. Я снова полез, но каким-то образом пролез слишком далеко, так что теперь он оказался надо мной и смотрел вниз. Он бросил мне вниз бумажное полотенце. Его немного покрутило ветром, но я легко поймал, и на нём был его номер. К этому моменту я уже начал беспокоиться, что потерял свою изначальную компанию.

Следующее, что я помню, — компанией из восьми человек едем в такси в сторону Ливенсхьюма, где я живу. Мы едем очень быстро, слишком быстро для такси. И когда я смотрю в окно, то вижу, что мы проез-

жаем через Дройлсден, место, где я родился. Это неправильно, потому что через Дройлсден дорога в Ливенсхьюм не лежит.

И тут меня осеняет. Я во сне!

Я сообщаю эту новость своей компании, но все только смеются надо мной и говорят, что я пьян. Что ж, я решаю доказать им это. Я говорю, что нас в такси восемь, тогда как разрешено ехать только пятерым. Ни один водитель не взял бы восьмерых. Их это не убеждает. Тогда я напоминаю им, что Колледж музыки — не гигантская стоянка такси, и тысячи людей не могут одновременно стоять в очереди за машиной. Говорю им, что мы едем через Дройлсден, а это не та дорога домой. Говорю, что только что видел в очереди за такси двух друзей, которых не видел много лет. Слишком много совпадений. И тут я начинаю слышать голоса...

(на седьмой день рождения)

Но мои друзья всё ещё смеются надо мной. *(на седьмой день рождения я попросил отца достать нам велик)* Тогда я объясняю то чувство, что охватывает меня, — внезапное осознание, что это сон. Очень специфическое чувство, которое бывает только внутри сна. *(не какую-нибудь там рухлядь)* В реальной жизни такого чувства не бывает. Это наконец привлекает их внимание. *(Бумеранг Маунтин 509)* Некоторые из них выглядят озабоченными, другие начинают злиться. Думаю, они начинают понимать, что это мой сон, и что, когда я проснусь, они просто исчезнут. Они не хотят исчезать. Они сопротивляются этому. А я всё ещё слышу эти голоса...

(не какую-нибудь там рухлядь, а «Бумеранг Маунтин 509»)

(не какую-нибудь там рухлядь, а «Бумеранг Маунтин 509»)

Я предлагаю доказать им это раз и навсегда. Говорю, что открою дверь такси и выйду несмотря на то, что мы мчим с бешеной скоростью по оживлённой дороге. *(достать нам велик, достать нам велик)* Я говорю им, что мне ничего не будет, потому что это всего лишь сон.

(слышу эти голоса, потерянные в миксе)

И я открываю дверь. *(пиксельное лицо бумеранг)* Дорога — просто размытое мелькание. Я готовлюсь ступить ногой на асфальт. Делая шаг, я вижу, как на меня несётся огромный грузовик.

(Бумеранг Маунтин 509)

Тем не менее, я делаю шаг, чувствуя лишь лёгкий испуг...

ПИКСЕЛЬНОЕ ЛИЦО

На седьмой день рождения я попросил отца достать нам велик. Не какую-нибудь там рухлядь, а «Бумеранг Маунтин 509». Цвета «горчичное облако», все прибаамбасы. Сорок семь японских скоростей, усиленная калифорнийская рама, британские пневмопокрышки. Фрактальный руль.

— Мне эту хрень не раздобыть, — говорит он. — Как насчёт нового компьютера?

Я говорю ему, что у меня их уже два и если он не достанет велик, я на него ментам нажалуюсь.

— Дай Мелвину, чего он просит, бестолочь, — говорит мама.

Мою маму я люблю, она материться умеет.

— Иди уж на работу, — говорит отец маме. — Пока мы все с голоду не подохли.

Потом поворачивается ко мне:

— Сам воруй свой ёбанный велик, коль ты такой крутой. Я что, тебя недостаточно хорошо научил?

Короче, в итоге он уступает, с подачи мамы, но появляется с «Вомбатом 207» цвета сирени и на девятнадцати скоростях! Ещё и тренировочные колёса прилепил — большего позора и представить нельзя.

— Ну, хоть слово скажи, урод, — говорит отец.

— Спасибо, пап, — говорю я, но думаю на самом деле, что за кражу такого дерьма тебя надо бы отправить за решётку.

— С днём рождения, Мелвин, — говорит мама. — Давай уже, в школу опоздаешь.

Но теперь у меня были свои колёса, и школа могла идти лесом. Так что я качу к старой бисквитной фабрике на Гамлет-роуд. Дождь лил так, будто он вечный, и фабрика на фоне неба смотрелась отлично — как пустой череп с тысячей разбитых окон вместо глаз. Мой отец работал там на своей последней настоящей работе, делая тонны печенья с кремом, «борбоны» и «дайджестивы». Но теперь то место и крошек не производило.

Короче, за фабрикой есть пустырь. Там снесли больницу, и взамен ни хрена не построили. Раньше там был пруд, но его осушили, и теперь там просто яма.

Просто грёбаная здоровенная яма в земле. Обалдеть!

Банда ребятни уже была там, кружила вокруг ямы, орала и носилась вниз по склону, как полоумные герои видеоигры какой-нибудь.

Я топчусь по краям некоторое время, думая: сейчас или никогда, и потом — вжух! Активирую форсаж! Проверяю координаты! Включаю ручное управление! Я несусь, будто Икстерминатор-7, скрещённый с Уизом и Чипсом в доме Крази Мак Робокота, вниз-вниз-вниз! Я ору что-то громкое и дурацкое, уже не помню точно что.

Грёбанный полёт, чувак! Да, уверен, я именно это и кричал.

Блин, ребята теперь думают, что я коп! Они разбегаются, как куры, пока не понимают, что это всего лишь я. Потом они звереют. Дэззл и Спайк начинают ржать надо мной.

— Ну и пидорский велик! — говорит Дэззл. — Что это вообще такое? Вомбат 205!

— 207, — поправляю я, пытаюсь выжать из этого хоть что-то.

— Больше на инвалидную коляску смахивает! — говорит Спайк, и Мачстик начинает хихикать и щебетать вместе с ним.

Мачстик был психованный. Он вообще ни хрена не делал, только ржал и щебетал.

И вот уже вся банда ржёт, кроме Флют, она девчонка и Дэззлова подруга, так что она просто стоит в сторонке, ничего не говоря. Но даже у Флют велик лучше моего, так что я едва не умер от позора.

— Тебе чего надо? — говорит Дэззл.

— Ему надо, чтобы ему морду набили, — говорит Спайк, размахивая папиным молотком.

— Я хочу быть в банде, Дазз, — говорю я. — Хочу стырить чего-нибудь.

— Давай посмотрим, что эта коляска из себя представляет! — говорит Спайк, строя рожи.

Дэззл и Спайк живут на той же улице, что и я, — Кинг Лир Уолк в Шекспировском поместье, в пяти милях от Намчестера. Дыра настоящая, это поместье. Никакого размаха и уж точно никаких копий. Только пара терриконов, грязные воробьи да паршивый дрозд. Все улицы названы в честь произведений какого-то Уильяма Шекспира. Дэззл мне этот факт сообщил, не то чтобы он лично с этим Уильямом Шекспиром встречался или что. Он ко мне относился неплохо, когда не тусовался с бандой, а мне всегда хотелось к ним пристать.

— Ты слишком мелкий, — говорит он теперь.

— Мне сегодня семь, — отвечаю я.

— Чтобы вступить в банду, тебе должно быть восемь.

— У меня есть велик, — говорю я.

— Ух ты! — говорит Спайк. — Это же грёбанный Мелвимобиль! Покачайся на нём!

— Грёбаное покачивание! — говорит Мачстик. Что от него, в общем, многовато.

— Прибить его, Дазз? — говорит Спайк.

— Хватит, — говорит Дэззл. — За работу, банда! «Пятерня» вперёд!

— Увидимся, — говорит Спайк, смеясь.

— Увидимся и увидимся, — вторит Мачстик. Он благоговел перед Спайком, и всё, что он говорил, было слегка изменённой копией ругательств Спайка.

Банда надвигает шляпы, поднимает воротники, натягивает капюшоны, надевает балаклавы и укатывает прочь.

Один, как и всегда, только дождь и фабрика.

Так что я еду в школу, рассчитывая придумать что-нибудь насчёт опоздания. Конечно, я так до неё и не доезжаю. Вместо этого я направляюсь в торговый центр «Калибан». Я провожу там утро, жую чипсы и смотрю бесплатные шоу в магазине телевизоров. «Крази Мак Робокот» и «Икстерминатор-7». Смотреть телевизор в витрине магазина гораздо лучше, чем дома, потому что в этих магазинах стоит куча аппаратов, каждый на свой канал, а у моего отца вечно включены только скачки или порнуха по кабелю. Конечно, звук в витрине не слышно, но кому на хрен нужно слушать Уиза и Чипса, чтобы понять, что к чему?

Короче, я доволен, просто болтаюсь в центре, пока какая-то женщина не садится рядом со мной на скамейку, портя всё удовольствие.

— Ты что, не в школе сегодня, Мелв? — говорит эта женщина, и я, только глянув, понимаю, что рядом со мной сидит Джеки Флинт и жуёт сэндвич с ветчиной и солёным огурцом.

Джеки — старшая сестра Дэззла, лет восемнадцати. Она — белая ворона в семье Флинтов, потому что у неё на самом деле есть работа. Не такая работа, как у моей мамы, в бинго-зале, а настоящая работа. Она работала в одном техно-магазине в «Калибане», продавала видеокамеры, компьютеры, CD-плееры и всё такое.

— Учителя бесят, — небрежно отвечаю я.

— С чего бы это?

— Они не учат настоящим вещам.

— Логично.

Я часто думал, что мамаша Дэззла, наверное, потрахалась с кем-то другим, чтобы получилась Джеки, потому что та была умной до чёртиков. У Джеки в комнате наверху была куча компьютеров и разных га-

джетов. Это было здорово, потому что она всегда могла взломать последнюю ром-игру и дать нам читы. Она могла взломать любой код.

Короче, мы сидим там вдвоём, смотрим какое-то время на беззвучные телики. У Джеки был обеденный перерыв. Подходит охранник и говорит, что в центре на великах ездить нельзя. Джеки говорит, что всё в порядке, я с ней, от чего я громко смеюсь, и этот бугай сразу же отваливает. Я просто знал, что он по Джеки тащится, как ненормальный, и почему бы нет? Я бы тоже тащился, будь постарше.

Я думаю о том, как легко было бы тырить вещи в магазинах центра, может, это достаточно впечатлит Дэззла, как вдруг Джеки говорит мне:

— Тебе лучше идти, — и поворачивается, чтобы поцеловать охранника, с набитым ветчиной и сладким корнишоном ртом.

Я не могу понять, зачем она это делает, но оставляю их этим заниматься, потому что что ещё остаётся? В школу уже поздно, и что значит один пропущенный день? Сущая ерунда, так что я немного катаюсь по городу, просто осваивая велик, миюсь с паршивым сцеплением заднего колеса.

Я приезжаю домой в положенное время, будто и был в школе, и на следующий день снова появляюсь у ямы, но на этот раз держусь поодаль, пока банда «Пятерня» действительно не уедет оттуда. Потом я слеую сзади, соблюдая дистанцию, прямо как в кино. Они направляются в автосервис «Питстопперс» на Мэкбет-стрит. Я наблюдаю, как они занимают позиции.

Дэззл — лидер. Он был старенький, уже целых девять. Скоро на пенсию. Он из кожи вон лез, чтобы получить работу курьера у наркоторговцев из Намчестера. Стремился доказать, что достоин. Он уже сам ничего не воровал, только руководил движением.

На заправку заезжает крутая тачка, паркуется позади потрёпанной красной «Мини».

Мачстик был приманкой. Ему было одиннадцать лет от роду, но умом он на четыре. Бедный парень был совсем не в своём уме, что служило хорошим отвлечением. Вот психованный вкатывает на заправку на своём велике, поёт песенку.

Из крутой тачки выходит крутой мужик, направляется к колонке. Он оборачивается, чтобы посмотреть на проезжающего мимо с воем Мачстика. Хороший знак.

Флют была на подстраховке. Восемь лет, реальная краля в спортивке и балаклаве. Дэззлу нравились девчонки, которые умеют обращаться с великом, а эта была красотка. Она, без сомнения, одним глазом следит

за камерой наблюдения, другим — за типом за стойкой. Надеюсь, он занят обслуживанием другого клиента, того с красной «Мини».

Я вижу, что в потрёпанной «Мини» всё ещё кто-то сидит, похож на индуса или пакистанца, это может создать проблемы. Но потом он на самом деле вылезает из машины и идёт в магазин, может, за сигаретами или шоколадкой, и это самое лучшее — он оставил окно нараспашку!

Тем временем крутой мужик у колонки улыбается Мачстику.

Я наблюдаю за всем этим сверху, устроившись со своим новым великом на терриконе. Ну, это был террикон, пока городские власти не засадили его травой и не назвали тематическим парком «ШлакоЛэнд». Я надвигаю шляпу, поднимаю воротник, натягиваю капюшон, надеваю балаклаву. Вообще-то, это была не официальная балаклава «Пятерни», а балаклава, которую мой отец носил, когда был юным вором-байкером. Я стащил её из его нижнего ящика.

Флют даёт сигнал к действию, и Спайк вылетает из-за гаража на своём «Бумеранге 509» с турбонаддувом! Спайк был вторым по старшинству, почти девять. Он подкатывает к крутой тачке, бьёт папиным молотком по стеклу, запускает руку внутрь.

Крутой мужик оборачивается на звук. Несомненно, и шутник за стойкой тоже вздрагивает и оборачивается. Может, даже владелец «Мини» поворачивается. Я наблюдаю за всем этим с травы, готовый к полёту. К тому времени Мачстик уже исчез, а Спайк удирает с кейсом крутого мужика, стащенным из машины.

Лёгкая добыча! — и вот я тоже лечу, мчусь за остальными. На заправку, в то самое время как мужик бежит к своей машине, камера наблюдения жужжит, а тип за стойкой звонит ментам. Но вот он я, подкатываю к «Мини». Окно открыто, я заглядываю внутрь, где дурацкая маленькая сумочка ждёт меня. Отлично! Смуглый парень уже выбегает из магазина, с ним молодая женщина, но слишком поздно, потому что я запускаю руку, хватаю сумку — и прочь отсюда! Сработано по красоте. Лечу домой!

Мне пришлось использовать всё своё умение, чтобы оторваться от «Мини», и я этим гордился.

Так что мы все встречаемся у ямы, и Дээзл сразу же наезжает на меня, отчитывает за такую глупость, за то, что ввязался так поздно. Я говорю ему, что ведь кое-что стащил, да? Я стащил женскую сумочку. А что стащил Спайк? Какой-то грёбанный дипломат.

— Тут, бля, больше сотни фунтов, урод! — говорит Спайк, швыряя в меня кейсом. — Ты нас всех чуть не подставил!

— Но не подставил, — говорю я.

— Верно, — говорит Флют. — Никого не взяли. Давай посмотрим, что стащил пацан.

— Отъебись, девчонка, — говорит Спайк. — Кто тебя спрашивал?

— Хватит, — говорит Дэззл, открывая сумочку, вытаскивая оттуда всякое. Какие-то тампоны, кошелёк с 15 фунтами, сэндвич с говядиной в полиэтилене, компьютерный диск, фотография щенка, карта-схема Намчестера. Больше ничего особенного. А, ну да, птичье перо, не спрашивайте меня, зачем оно там. Зелёно-жёлтое. Но тут у Дэззла загораются глаза. Он вытаскивает ствол!

Это, я вам скажу, повергает банду в тишину, хотя это была всего лишь крошечная модель, типа дамского пистолета.

— Ёлки-Палки! — говорит Спайк.

— Заряжено? — спрашивает Флют.

Щёлк, щёлк.

— Ещё как.

— Ёлки-Палки-Моталки! — говорит Мачстик, смеясь и дёргаясь.

— Какого хрена перевозчица паршивых сумочек делает с пушкой? — спрашивает Флют. — Что она защищала?

Но никто не отвечает.

Дэззл засовывает ствол и кошелёк в свой рюкзак, а потом возвращает мне сумочку с оставшимся содержимым.

— Это остаётся тебе, Мелвин, — говорит он. И затем: — Мелв в деле. Но только на испытательном сроке, ясно? Дам тебе семь дней.

— Отлично! — кричу я.

— Охренеть, — говорит Спайк. — Банде конец.

— Банде супер-конец, — вторит Мачстик.

— Он же раздобыл нам ствол, разве нет? — говорит Флют, и мне кажется, между нами пробегают маленькая искорка, но, скорее всего, мне просто кажется, что она должна была пробежать.

Итак, Дэззл ставит нам следующее задание. Банда «Пятерня» в строю! Во время которого я выполняю обязанности человека на подхвате, как защитник «Нам Юнайтед». Я справляюсь нормально. Ещё три дела после этого, и мы сворачиваемся. Дэззл выдаёт нам долю добычи. Мне достаётся самая маленькая, кроме Мачстика, который потратит её только на сладости или что-то такое. Я говорю Даззу, что ствол должен стоить сотни. Он говорит мне идти на хрен, что он менеджер и что сначала ему надо его продать. Это, говорит он, в счёт.

Я получаю 45 фунтов за труды. Больше, чем у меня когда-либо было. И, приехав домой, я даю маме десятку на хозяйство. Отец начинает меня отчитывать, чтобы я не связывался с такими, как Дэззл, но мама говорит, что он просто завидует.

Мою маму я люблю. У неё была охренеть тяжёлая жизнь, растила меня, и я её не виню. К тому же у неё есть татуировки. И она сказала, что я могу тусоваться с бандой, если не буду слишком забрасывать учёбу, что я и пообещал не делать.

Короче, вот как я вступил в банду «Пятерня».

В тот вечер я рано поднимаюсь в свою спальню, чтобы изучить сумочку. Я съедаю сэндвич с говядиной, выбрасываю тампон, фотографию щенка и тупое птичье перо в корзину для бумаг. Я смотрю на компьютерный диск. Может, это игра? Я вставляю его в компьютер, и появляется заставка «МАРШРУТ ПОЛЁТА 5.02», и под ней — «ДЕМО-ВЕРСИЯ». Должно быть, авиасимулятор с таким названием, но нет никакого интерфейса, только строки какого-то технотекста. Написано, что программа кого-то по имени Селия Хобарт. Может, Хобарт и была той идиоткой в «Мини», оставившей окно открытым, разве она не знает, что кругом полно отъявленных ублюдков? И я думаю, что это, должно быть, предрелизная копия, как вдруг появляется значок «НАЖМИ КНОПКУ, ЧТОБЫ ИГРАТЬ».

Я навожу мышь и делаю старый добрый клик-клик.

На экране появляется анимированное перо, точь-в-точь как то, что я выбросил, переливающимся миллионом оттенков зелёного и жёлтого. Меня как будто затягивает этим зрелищем, словно я под кайфом или что-то вроде того.

Но больше ничего не происходит, только это перо, вечность плавающее по экрану. Какие бы клавиши я ни жал, оно просто остаётся там, медленно вращаясь. Так что я думаю, что стащил чёртов скринсейвер, как вдруг появляется сообщение «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ». Сразу же пробую обычных подозреваемых, которым меня научила Джеки: GOD, JESUS, SECRET, PASSWORD, MOTHER, FATHER, но ни один не подходит, и после шести неудачных попыток окошко пароля исчезает, словно я исчерпал лимит попыток, оставляя только перо, всё ещё крутящееся, и я ничего не могу с этим поделать.

Я думаю, что, может, стоит послать Дэззлу сообщение по сети, просто сказать ему, что на диске стоит пароль, но это же выставит меня идиотом, верно? Короче, от одного вида этого пера мне становится сонно, будто надо прилечь и поспать. Перед этим я хватаю настоящее перо

из корзины и кладу его на подушку, не знаю зачем, и его запах вызывает у меня дремоту и головокружение, а я и не знал, что у перьев бывает запах...

На следующий день я появляюсь у ямы, весь возбуждённый от предвкушения приключений второго дня, но никого нет. Я гадаю, в чём дело, может, они нарочно меня избегают. Я снова проверяю сервис «Питстопперс», но там никаких признаков активности, и я не знаю других мест, где тусуется «Пятерня». Вместо этого я еду в ТЦ «Калибан», чтобы узнать у Джеки, где сегодня катается Дэззл, и спросить её насчёт сташенного диска.

До её обеденного перерыва ещё несколько часов, так что я направляюсь в магазин, где она работает, под названием «Компы: новая реальность». Боже ж ты! Вчерашний охранник околачивается снаружи, явно желая ещё одного поцелуя, так что я прошу его присмотреть за великом, потому что я ещё не удосужился стырить замок. Он хочет возражать, но я уже внутри магазина и ищу Джеки.

Она не знает, где её брат, так что я спрашиваю, не попробует ли она взломать для меня пароль. Я достаю диск из своей поясной сумки, но не перо (да, я прихватил и его тоже, не спрашивайте зачем). Как раз в этот момент в магазине тихо, и Джеки вставляет диск в один из лучших компьютеров магазина. Появляется заставка, а потом пиксельное перо, но больше ничего.

— А где окошко пароля? — спрашивает Джеки.

— Оно исчезло. Я попробовал шесть слов, и оно исчезло.

— Понятно. Оно поняло, что ты не владелец. Я заберу домой, посмотрю.

— Спасибо.

Как раз в этот момент снаружи поднимается какая-то суматоха, и кто же входит, как не сам Дэззл, за которым следует тот тупой охранник, чем-то взбешённый, возможно, тем фактом, что Дэззл въехал на своём велике прямо в магазин! Жаль, я до этого не додумался. Он катается на велике между стендами, хохочет, будто под кайфом, явно желая устроить сестре неприятности, между ними иногда бывало и такое, а охранник бежит рысцой, пытаюсь поспеть, но не очень успешно.

Джеки кричит на него, чтобы убирался, что выводит из кабинета менеджера, и вот они все поднимают шум — Джеки, охранник и менеджер. Я один молчу, в основном, потому что вижу: Дэззл не в своей балаклаве, что странно, но, может, сегодня он не за крупными неприятно-

стями, а просто дурака валяет. Может, поэтому он и не ждал меня — дело было не настолько серьёзным. Да, наверное, так и есть.

Но тут поднимается ещё больше шума, на этот раз снаружи, и Дэззл делает полный разворот на месте, легко скользит мимо охранника, вылетает за дверь и стартует!

Я оказываюсь снаружи через секунду, потому что какого хрена здесь происходит?

Дэззл несётся через весь торговый центр, и я сажусь на велик, чтобы последовать, но «Вомбат 207» не соперник для «Бумеранга 509». И тут я вижу проблему. Идёт облава у высохшего фонтана. Сирены орут, вот Флют мчится к ближайшему выходу, а Мачстик так вообще крутится на месте, и вот Спайк вылетает из музыкального магазина с добычей — похоже, пачкой промо-футболок. Все они были в масках, как по уставу, а Дэззл — нет. Я видел, что он в ярости из-за этой самодеятельности. Спайк, должно быть, полез туда с бухты-барахты, а Дэззл это всегда ненавидел, прямо как я вчера. По крайней мере, мне тогда пронесло, потому что три охранника гнались за Спайком, а парень Джеки был недалеко позади. Спайк сделал красивый манёвр, сумел найти лазейку и помчался следом за Флют. Мачстик был не так быстр. Он как-то упал с велика. Дэззл добрался до него и пытался поднять, когда охранники на них набросились.

И тут Дэззл кое-что сделал, я вам скажу. Он достал ствол, тот, что стащил я, о котором я уже забыл, но я этим очень гордился, особенно когда он навёл его на ближайшего охранника и начал орать дикие вещи, отборнейший мат.

Аб-сука-лютно!

Охранники отступили, и я тоже, потому что внезапно всё стало для меня слишком безумным. Я спрятался за фонтаном и наблюдал оттуда, а рядом подошла Джеки, ругая брата за такую глупость. Дэззл сумел посадить Мачстика обратно на велик, и тот удирал оттуда под прикрытием ствола. Дэззл уже был готов последовать, как мы услышали вой полицейских машин, и пришла пора делать ноги, в стиле Уиза и Чипса на кунжутной булке!

Я не знал, куда ехать, но школа и дом отпадали, так что я спустился в яму, и, конечно же, там были Флют, Спайк и Мачстик, все орали друг на друга. Ну, Флют и Спайк орали, а Мачстик просто лежал скомканной кучей и рыдал в три ручья.

— Дазза взяли! — твердил он без остановки. — Дазза взяли! Менты взяли Дазза!

Безумные времена.

Я подъехал как можно медленнее, но Спайк тут же набросился на меня, назвал трусом за то, что отсиживался, да, он видел, как я прятался за фонтаном. Думаю, он просто пытался свалить вину на меня, ну и ладно, я понимаю. Флют попыталась за меня заступиться, но я же понимаю, когда я лишний. Поэтому я вскочил на велик и поехал, ехал, ехал... Ехал просто куда глаза глядят, пока не нашёл дождь, чтобы промчаться сквозь него, и это было здорово — капюшон сброшен, волосы моknут.

В тот вечер, когда я вернулся домой, я промолчал о случившемся, потому что не хотел, чтобы мама узнала, как сильно я струсил. Я провёл какое-то время в своей комнате, делая вид, что делаю домашку, но на самом деле просто пялился на то дурацкое перо, будто мог провалиться в эти цвета и улететь за миллион миль отсюда.

Я спустился к ужину, телик, как всегда, был включён, отец ждал спортивных новостей. И тут начался полный бедлам, потому что я будто снова оказался в торговом центре и вынужден был снова и снова смотреть эту историю. Это был просто сюжет о происшествии, но ощущалось именно так. Всё было там, снято камерой наблюдения сверху: Спайк, вылетающий из магазина, Флют, удирающая прочь, Мачстик, падающий с велосипеда, и Дэззл, целящийся из ствола в охранников. Камера не доставала за фонтан, так что меня на плёнке не было. Чёрт, а хотелось бы. Какой-то надменный репортёр толковал о подростковой преступности, и это было неплохо, но лучше всего было то, что они сделали с лицом Дэззла. Вот его волокут менты, а лицо скрыто под спецэффектами. Ладно, Дазза взяли, но теперь это уже не имело значения, потому что он стал знаменитым. Знаменитым как крутой байкер и чертовски крутой капитан, но больше всего — знаменитым тем, что его запикселили. Видеомаска! Будто покрыли этими компьютерными цветными квадратами, чтобы защитить личность.

Полный улёт, да?

Мамаша и папаша Дэззла были невероятно горды тем, что их сын попал на телек, да ещё и с пиксельным лицом. В тот вечер они пригласили всю улицу посмотреть запись передачи. Была настоящая весёлая вечеринка. Мои собственные родители были там, как и Флют, Спайк и Мачстик. Даже парень Джеки, тот толстый охранник из центра, поверьте ли, даже он был там, сияя от своего появления на телеэкране. Джеки сновала по вечеринке, снимая это великолепное событие на свою новейшую цифровую камеру.

— Вечно за спиной слышу, — говорит она, — как крылатый охранник времени летит к дверям.

Я говорю ей убрать свою вонючую камеру с меня. Наверное, я всё ещё злился, что не попал в эфир. Я думал, что больше всего на свете хотел бы иметь такое же пиксельное лицо, как у Дэззла: это бы сделало меня настоящим членом «Пятерни» без всяких сомнений! Джеки говорит своей мамаше, что она, может быть, смогла бы «распикселить» Дэззла, учитывая технологии, которые можно стащить из магазина. Родители, конечно, отказали. Им, видимо, нравилось, что их мальчика скрыли, хотя они и пожаловались, что ему следовало бы надеть свою балаклаву, доставшуюся от его дорогого, ныне заключённого, дяди. Никто, кажется, не был обеспокоен тем, что Дэззла арестовали, — это всё часть семейной традиции.

Позже, когда выпивка была почти на исходе, Джеки возвращает мне диск с «маршрутом полёта», сказав, что держать его дома слишком опасно, потому что на нём есть маячок. Я спрашиваю, что она имеет в виду, и она говорит, что шесть попыток ввода пароля активировали сигнал, пошедший по сетевым каналам, так что владельцы скоро узнают, где он находится.

— Это софт типа «Экзосет», — сказала она. — И твой компьютер — цель. Мне удалось вовремя скрыть свой адрес.

— А мой не можешь скрыть? Не можешь?

— Поздно, Мелв. Они уже идут за тобой.

Я думаю, она просто пыталась меня напугать, потому что была пьяна не меньше меня, но тут отец говорит, что днём действительно кто-то приходил, спрашивал, есть ли в доме дети.

— Что? — Я изо всех сил стараюсь не показать, как напуган.

— Не волнуйся, — говорит отец. — Я послал их куда подальше.

— Их?

— Ага. Женщина и какой-то пакистанец.

Отец смеётся надо мной, и мне кажется, к этому моменту смеётся надо мной вся вечеринка, даже мама. Так что по дороге домой, проезжая под дождём, я бросаю диск в ливневый сток. Может, это было очень глупо, не знаю, но всё время я ожидал, что из переулка выедет потрепанная красная «Мини». А придя домой, первым делом стёр копию «Маршрута 5.02» с жёсткого диска.

Я заснул спустя часы лежания в темноте, глядя на настоящее перо, которое искрилось даже в темноте, и мне приснился славный сон: я мчусь по торговому центру, без маски, позирую камерам наблюдения,

на полной скорости, чтобы спасти от охранников не только Мачстика, но и самого Дэззла, который на следующий день у ямы назначил меня своим новым помощником. Флют поцеловала меня, Мачстик повторял мои слова, а Спайк был рад слушаться меня. Он даже поменялся со мной великами!

Я просыпаюсь рано, засовываю перо в поясную сумку — будто не могу с ним расстаться. Конечно, когда я добрался до ямы, там ждал только Мачстик, сидевший рядом со своим велосипедом.

— Где Спайк и Флют? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он. — Я жду Дэззла.

Я заметил тогда, что велик Дэззла лежит под велосипедом Мачстика.

— Дэззл сегодня не придёт, — сказал я.

— Не придёт? Нет. Он всегда приходит. Смотри, я забрал его велик. Вернулся за ним после того, как менты его забрали. Я молодец, Мелвин?

— Ты просто молодец, Стик.

— Дэззла не могут арестовать. Он бы такого не допустил. Дэззл скоро будет здесь. Ты подождёшь со мной?

— Мачстик, я не могу. Я иду в школу.

— В школу?

— Да. А ты что, не пойдёшь со мной?

Но он не пошёл бы, так что я оставил бедного парня просто сидеть там — что ещё я мог сделать? Но когда я выбрался наверх, я вижу: по пустырю ко мне едет та самая потрёпанная красная «Мини». Я уже готов включить скоростную передачу, но внезапно не могу. Будто все силы меня покинули, как случилось с Крази Мак Робокотом в той серии с гигантской змеей Вихрем-Стирателем. Я просто сижу там, оседлав свой велик, и жду, когда машина подъедет ко мне. Наверное, я хотел поставить точку, потому что что ещё могло пойти не так?

Короче, «Мини» останавливается, и я вижу женщину на пассажирском сиденье и пакистанца рядом с ней. Из машины выходит он, женщина просто остаётся сидеть, будто она главный босс или вроде того, будто она Дэззл при Спайке.

Пока мужчина идёт ко мне, я слышу, как сзади подъезжает Мачстик.

— Кто это, Мелв? — спрашивает он.

Я говорю ему не бояться, спускаться обратно в яму, садиться на велик. Но он не слушается, просто стоит и ждёт.

— Где оно? — говорит мужчина.

Я мотаю головой, смахиваю пот.

- Ну же.
- Выбросил, — отвечаю я.
- Лучше бы не делал этого.
- Да. В ливнёвку.

Теперь он злится, делает шаг вперёд. Мачстик внезапно исчезает, не знаю куда. Остаёмся только мы с этим мужчиной, и его лицо оказывается прямо перед моим, а руки крепко хватают руль — я думаю, он сейчас сбросит меня.

- В ливнёвку! — кричу я. — И стёр с жёсткого диска.
- Не диск, пацан. Перо.
- Перо?
- Ну же! Где перо?

Теперь он хватается меня за плечи, и я думаю: что за дела из-за какого-то дурацкого кусочка с мёртвой птицы? Так что я кричу, чтобы он отстал и оставил меня в покое, одновременно пытаюсь высвободиться вместе с великом, пока он не швыряет нас обоих — то есть меня и велик — в сторону. Я падаю, велосипед наполовину на мне, а когда встаю, то поднимаю и его, всю эту штуку в две руки, просто поднимаю и швыряю в него.

Да!

Попадание точно в цель.

Он чуть не падает. Кажется, упадёт, но нет. Он хватается мой велосипед, швыряет его о землю. Я уже вижу, что переднее колесо погнуто, так что я просто стою там, противостою ему, прямо как в кино. Он тоже стоит, думаю, я его немного впечатлил, потому что он начинает улыбаться мне.

— Как насчёт сделки, пацан? — Он достаёт свой бумажник и размахивает купюрами. — Двадцать фунтов, — говорит он.

- Двадцать фунтов? Я могу стырить столько за две минуты.
- Пятьдесят?
- Пятьдесят? И всё только за перо?

Он кивает, и я киваю в ответ. Ему нужно перо, но мне сначала нужны деньги. Он отдаёт их мне, и я думаю, может, сейчас просто сбежать. Но вместо этого я расстёгиваю поясную сумку и достаю перо. Женщина вышла из машины, она ждёт, когда я передам его. Теперь я вижу, что она совсем молодая, может, всего вдвое старше меня.

— Всё в порядке, Селия, — говорит он ей, и, полагаю, так оно и есть, потому что я передаю перо.

- Что это такое? — спрашиваю я.

— Прекрасная вещь, не так ли? — говорит он.

— Да. Это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо видел.

Он смеётся над этим, и не без причины, ведь в моей жизни не так много красоты, с чем можно сравнить.

— Ты использовал его? — спрашивает он.

— Использовал?

— Ты с ним видел сны?

— Что?

— Неважно. Надеюсь, тебе понравилось. Для твоего же блага.

И вот он ушёл, обратно в машину. Я смотрю вслед красной «Мини», пока она не исчезает, потом осматриваю свой велик. Разбит. Мачстик исчез, но велик Дэззла ждёт меня внизу, у ямы. А почему бы и нет? Дэззлу он сейчас не понадобится, во всяком случае, не скоро. Я сохраню его для него.

Я немного думаю о школе, правда думаю. Я даже начинаю ехать туда, но ощущение «Бумеранга 509» подо мной, с высоко поднятым седлом и весом колёс, слишком сильно, чтобы сопротивляться. Я провожу день в диком загуле, делая «вилли» и трюки, которые даются легко на хорошем велике, и присматривая возможных жертв для маленькой игры «хватай и беги».

Я возвращаюсь домой поздно и злю маму, сказав ей, что не был в школе. Говорю, что завтра точно начну исполнять обещания. Отец хочет знать, откуда у меня такой крутой велик, но я говорю ему проваливать в паб, где ему и место. Мама тогда говорит, что менты отпустили Дэззла и что что-то случилось, она не уверена, что именно. Так что я еду к Дэззлу домой, уже злясь, что приходится так скоро расставаться с хорошим великом, и зачем я так легко оставил свой у ямы? Но когда я приезжаю, всё это забывается, потому что вся банда в сборе, смотрит телик — Дэззл, и Джеки, и Спайк, и Флют, и Мачстик тоже. Они все столпились вокруг телевизора, будто финал Чемпионата мира, и Англия выигрывает за десять секунд до конца или что-то в этом роде. Но они замолкают, когда я вхожу. Я спрашиваю, в чём дело, но всё, что они делают, — расступаются, будто я какой-то герой. Усаживают меня перед телевизором, и это Дэззл уступает мне своё место. Он использует пульт, чтобы перезапустить запись — ту, что показывает его славный арест. Я недоумеваю, зачем мне снова это смотреть, но потом вижу, что это не та же передача, эта вышла сегодня ранним вечером, какое-то продолжение, без сомнения.

— Мелвин, ты просто бомба! — говорит Дэззл, и прежде, чем я успеваю спросить, репортёр заканчивает говорить что-то, и начинает крутиться запись с камеры из торгового центра.

Вот Дэззл на экране, как раз перед тем, как менты его забирают, потом камера приближается к его прекрасному пиксельному лицу, пока оно не заполняет весь экран. Потом пиксели начинают лопаться один за другим, как пузыри, и под ними оказывается не его лицо, а моё!

Я оглядываюсь на Дэззла, который улыбается, и на остальных, и никто ничего не говорит, особенно я, пока Флют не спрашивает:

— Как, чёрт возьми, ты это сделал, Мелв?

Я смотрю на Джеки, думая, что это её рук дело, с её высокотехнологичной магией, но она просто смотрит на меня, улыбается и говорит:

— Не я, Мелв. Это запись из полицейского участка, и копия в торговом центре такая же, я проверяла.

— Менты не знают, что делать, Пиксель! — кричит Спайк, взъерошивая мне волосы.

— Менты ни хрена не понимают в Пиксельном лице! — вторит Мачстик, и тут они все обнимают меня и хлопают по спине, будто я герой, и знаете что? Я и есть герой, я грёбанный герой!

Короче, вот как это произошло, клянусь. Вот как я получил своё новое имя, вот как Дэззл подарил мне свой «Бумеранг 509» навеки, и вот как я стал постоянным членом банды, только теперь мы называемся «Пиксельки». И мне плевать, верите вы, менты, или нет, потому что так всё и было, и я не могу этого объяснить, и даже не хочу.

СТИГМАТА

Флюта не была рядовой мелкой воришкой, не какой-нибудь жадной полудюймовочкой. Конечно, она могла включить душещипательную сказочную хрень, когда её припирали менты — мол, она была ребёнком из пробирки, например, и никогда не знала хорошего дома, кроме стеклянного, так стоит ли удивляться, что она постоянно швыряется камнями? Никогда не знала отца, если не считать какого-то заблудшего образчика из холодильника. Её мама была новой лесбиянкой со скрытыми гетеро-наклонностями, да ещё и богатой, вполне способной позволить себе самое лучшее из замороженных товаров, так что, наверное, в «Сперма-на-заказ» произошла путаница, не находите? Должно быть, там был какой-то гад, как иначе объяснить её преступные наклонности?

Такие истории Флюта могла рассказывать с закрытым ртом, а взгляд её глазниц говорил: «Лучше поверь, детка, а не то получишь вот это прямо в свою хлебрезку, капиш?» Да, мы поняли.

Она пару раз пыталась поступать по совести, просто чтобы доказать, какая она в душе хорошая, — один раз в восемь, один в девять и в последний раз в одиннадцать. Но потом у неё начались месячные, и она спёрла свою первую пачку тампонов, что, в общем-то, и предопределило её судьбу, запятнало её жизненную книжку, так сказать. Тёмная кровь, выпущенная на волю.

На следующий день она сбежала, и к четырнадцати годам её знали повсюду как лучшую в своём деле. Все пацаны с района, и хорошие, и плохие, были рады околачиваться рядом. Без вариантов. Флюта берегла себя для Дэззла, одного чокнутого пацана. Чокнутого пацана, наслаждавшегося отсидкой в «Лагере юных искателей приключений Его Величества» и надеявшегося выйти через месяцок-другой за хорошее поведение. А до тех пор Флюта будет хранить верность, красть день, воровать ночь, похищать луну. Что бы ни потребовалось, она это брала. Без спроса.

Всегда на шаг впереди ментов, всегда на следующей, но уже одной аванюре жизни, пошедшей под откос.

Один раз — дело было в июле, в прошлом году — Флюта стащила фотоаппарат у женщины в кафе. С точки зрения навыков это была не ахти какая кража, потому что женщина была сама виновата: просто оставила свою сумку вот так, без присмотра, и была слишком занята обжираловкой, чтобы заметить.

Вернувшись в своё укрытие, Флюта провела ревизию. Добыча так себе, и выглядел аппарат неважно: маленький, но с прибамбасами, и, полагаю, стоивший минутного труда. Внутри была плёнка. Сбоку горел маленький жёлтый огонёк. Просто для прикола Флюта навела объектив на сторевшую бисквитную фабрику вдалеке, дождалась автофокуса, нажала на спуск.

Щёлк!

Всё просто.

Тут её немного охватила паника, с этой безумной фантазией, что мент вычислит её укрытие по точным углам сделанного снимка. Так что она выдрала плёнку и засветила её. Даже не заметила, так была занята паранойей, что огонёк сбоку стал теперь густо-красным и пульсирующим.

На следующий день был базарный день, так что Флюта наведалась к Крэбтри с запасом вещей, который она скопила за последнюю неделю или около того. Крэбтри был разборчивым ублюдком для кого-то настолько низко стоящего в пищевой цепочке; его интересовали только первоклассные вещи, те, что он мог продать за день-два. Флюта хотела бы заполучить его связи, может, самой однажды заняться сбытом краденого. О да, амбициозная была девчонка, без сомнений. Итак, видеокамеру он взял охотно, и горный велосипед; с материнской платой и чипами будет сложно, потому что они стали тормозить как сволочи после прошлогоднего обновления, но Флюта согласилась на сбитую цену. Они закончили дело, и последней вещью на столе был тот самый фотоаппарат с прибамбасами.

Флюта многого не ожидала, достаточно, чтобы поднять прибыль до следующего уровня, вот и всё.

Крэбтри не стал его трогать.

В смысле, он буквально не стал к нему прикасаться, отшатнувшись от стола, будто от огня. Флюта спросила его, в чём дело. Он не стал говорить, он только указал на мигающий красный огонёк и сказал ей убираться к чёрту с его рабочего места.

В ту ночь Флюта чувствовала себя чертовски раздосадованной, и сама не знала почему. Остальные вещи она сбыла другим скупщикам, ещё более мелким. Никто не хотел брать фотоаппарат; никто не говорил почему.

Она проснулась посреди кошмара, вся в поту. Неужели у неё начинается лихорадка? Пошатываясь, побрела в ванную попить воды, её гла-

за в зеркале были красные от крови. Руки дрожали, когда она пыталась включить кран, чтобы намочить лицо.

С резким вздохом она отшатнулась от раковины, выйдя из ореола света. А потом снова шагнула вперёд, сперва одну руку, потом другую, обе руки снова в свет, словно отрезанные. Руки призрака, бледные и бесплотные. И на каждом запястье — красное пятно, маленькое пятно.

Она проснулась, думая, что это просто сон. Подняла руки из-под одеяла.

Пятно расплзлось.

Мыла и мыла она их, но пятно оставалось, покрывая теперь запястья и ползя вниз к ладоням, и на тыльную сторону рук тоже, ползя вниз. Мыла и скребла, скребла и мыла.

Оно ползло дальше.

В тот день она надела перчатки и носила их всю неделю, не только чтобы не оставлять отпечатков. Она немного подумала о том, чтобы сходить к врачу, но у Флюты его не было, и вряд ли когда-нибудь будет. Врач — это власть, в какой-то степени тоже мент, мент по телу. Это было не в её стиле. Вместо этого она снова навестила Крэбтри. Снова был базарный день, но на этот раз не с добычей на продажу, а в поисках ответа.

Она сняла перчатки, одну за другой, оттягивая их медленно, чтобы уменьшить боль. И когда она подняла руки, чтобы Крэбтри увидел, он резко и глубоко вдохнул. Ибо все её руки, обе руки, от запястий до кончиков пальцев, горели ярким алым цветом.

Крэбтри велел ей держаться подальше, даже не думать прикасаться к нему или к его имуществу.

— Что это? — спросила она, и в голосе её слышался страх.

— Не знаю, как это работает, пока нет. Мы над этим работаем.

— Но что мне делать?

— Надо было заметить тот маленький жёлтый огонёк. Разве ты не заметила тот маленький жёлтый огонёк?

— Я видела его.

— Надо было знать, что это. Ты что, не в курсе?

— Нет времени быть в курсе. Что мне делать, скажи пожалуйста?

— Ты должна сдать.

— Нет!

— Только так. Так это устроено. И сейчас они могут это привязать к чему угодно. У владельца есть код, но больше ни у кого, а ты, должно быть, использовала тот фотоаппарат.

- Всего один раз. Всего один крошечный снимок.
- Ну, всё тогда. Ты заражена. Назад! Я сказал, не подходи ко мне!
- Пожалуйста, это же не заразно?
- Не знаю. Просто держись от меня подальше.
- Должно же быть что-то... что-то, что ты можешь сделать.
- Только менты могут тебя теперь вылечить. Придётся сдаться.

Так что Флюта снова надела перчатки, и уже было видно, как краснота ползёт вверх из-под манжет, поднимаясь по рукам.

Но она не собиралась сдаваться.

В ту ночь она разбила фотоаппарат на куски, и из него, из-под красного огонька, вытек тонкий ручеек жидкости, будто из железы.

Наступило лето, и местные пацаны с района, и плохие, и хорошие, были весьма разочарованы, увидев, что знаменитая Флюта в этом году вся закутана, ни намёка на откровенные топы прошлого года. Что с ней случилось, она же всегда так гордилась своим животиком с милым проколотым пупком? И что ещё хуже — она больше ничего не ворует. Какой толк от девчонки, которая не ворует?

Но она не сдавалась. Ни ментам, ни врачу, никому, кто у власти.

Если кто и видел её, то лишь в тени, в темноте, никогда при свете дня. И даже тогда — застёгнутую наглухо до самого ворота, даже в самый разгар лета, и потную.

Но она не сдавалась.

В следующий раз, когда пацаны увидели её, на ней была шляпа, надвинутая на самые глаза, и тёмные очки, и шарф, замотанный до самого носа. А грим на носу и скулах был густым. К тому времени они, конечно, все слышали о проклятии. Так что они потеряли к ней интерес и держались подальше, чему она была только рада, ведь одной ей было куда лучше.

И вот пришло время, когда Дэззла должны были выпустить. На улицах много судачили о том, что он подумает об этой новой, закутанной с головы до ног и полностью «загорелой» Флуте. И много смеялись — смеялись пацаны, смеялись девчонки, — ведь Дэззл славился своей любвеобильностью, ну и посмотрим, как он её полюбит теперь, а?

Воровства стало куда меньше, совсем, с тех пор как в игру вступило проклятие красных рук, потому что как теперь можно доверять видеокамере, стереосистеме или портативному компьютеру? Они могут обернуться против тебя, укусить, и тогда — пиши пропало.

Только Дэззл продолжал воровать, даже больше, чем до лагеря, и никто не мог понять, зачем: в какую игру он играет? Однажды он ста-

шил портативный компьютер с нужным ему аксессуаром — маленьким жёлтым огоньком сбоку. Он включил компьютер, написал на нём короткое любовное письмо. Огонёк сбоку покраснел — пульсирующим, мигающим красным.

А позже на той неделе, вот это было зрелище; Дэззл и Флюта, прямо как в старые времена, прогуливались, гордые как никогда, готовые к действию, и оба с ликованием выставляли напоказ свой цвет, цвет своих рук, животов, лиц и даже волос — великое алое представление из самих себя.

И пацаны, и девчонки могли только смотреть в изумлении и желать, чтобы и они так гордились своим призванием.

Шесть месяцев спустя антикражная система «Стигматика» была снята с производства.

АУТОПСИЯ КОЛИБРИ

1.1 *Обнаружение.* Тело было обнаружено на территории заброшенного заросшего садового центра в Чешире, в нескольких милях от аэропорта Манчестера. Согласно отчёту следователя, на теле молодой белокожей женщины не было видимых ран или повреждений. На ней была одежда. Судя по документам из сумочки (найденной рядом), полиция установила личность женщины — Джорджина Финч. Также была обнаружена приличная сумма денег — несколько купюр. Во влагалище был обнаружен спермицидный гель, а также признаки недавнего полового акта. Признаков сексуального насилия выявлено не было, что указывает на добровольный характер акта. Сперма отсутствовала, что говорит об использовании презерватива. В сумочке женщины была упаковка из шести презервативов, одного не хватало. Предполагается, что женщина умерла во время или сразу после секса. Полиция продолжает поиски использованного презерватива.

1.2 *Биография.* Джорджина Финч была известной проституткой. Работая в отеле рядом с аэропортом Манчестера, она специализировалась на обслуживании иностранных бизнесменов и дипломатов, только что прибывших в страну. Её уличное имя было Джина, хотя, конечно, саму «улицу» она давно покинула. Последний год она работала на доходном «аэропортовом» направлении. Опрос её друзей и коллег выявил взрывной характер и ясный, здравый взгляд на избранный жизненный путь. Джина была реалисткой, хоть и закалённой временем. Допрос её «делового партнёра», некоего Тони Мэлоуна, всё ещё продолжается. Он настаивает, что на момент смерти Джина уже не была его «собственностью», поскольку они поссорились из-за денег за пять недель до этого. Это был не первый раз, когда она пыталась его обмануть. Он не знал о каком-либо другом «сутенёре», который занял бы его место в её делах.

1.3 *Вопрос.* Зачем Джина привела своего последнего клиента на территорию заброшенного садового центра? Она работала в баре отеля, и всегда клиент оплачивал номер, обычно один из лучших. Была ли эта смена обстановки специальной просьбой клиента? Возможно, его могли узнать в отеле, например, коллеги. Или он желал увести её в этот тёмный, заросший сад с более зловещей целью?

2.1 *Аномалия.* Патологоанатом, начав исследование тела, обнаружил длинный, недавно зашитый рубец, протянувшийся по животу женщины. При ближайшем рассмотрении его встревожил тихий, низкий гул, исходивший из брюшной полости.

2.2 *Находка.* Вскрыв тело, в желудке обнаружили небольшой «аппарат». Это яйцевидное устройство было прикреплено к стенке желудка и другим внутренним органам с помощью проводов и трубочек. На «яйце» не было видимых опознавательных знаков, кроме небольшого зелёного светодиода. И, несмотря на смерть женщины, аппарат всё ещё работал: светодиод мигал, а странный гул стал даже громче теперь, когда желудок был вскрыт. Озадаченный находкой, невиданной доселе, патологоанатом уведомил следователя.

2.3 *Транспортировка тела.* Было решено, что аппарат следует оставить на теле до тех пор, пока не удастся выяснить его назначение. С этой целью пригласили женщину-учёного из Манчестерского университета. Она потребовала немедленно доставить тело и его странный груз в университет для дальнейшего изучения.

3.1 *Подозреваемый.* Тем временем, последний клиент Джинны явился в местный полицейский участок. Он увидел репортаж о смерти по телевидению (хотя все подробности об аппарате, конечно, утаили) и решил, что добровольная явка будет лучшим выходом. Хотя прошло уже четыре дня, он всё ещё был потрясён увиденным. Согласно его показаниям, он прибыл в Англию по делам из Нью-Йорка и, измученный перелётом, решил переночевать в аэропортовом отеле. Там, как это часто бывает от крайней усталости, он оказался во власти непреодолимого желания. Он познакомился с Джинной в баре, произошёл обмен деньгами, они поднялись в его номер. Акция была совершена.

В ходе интенсивного допроса подозреваемый не выдержал. Он признался, что принуждал молодую проститутку к определённым действиям, которых она не вполне одобряла, по крайней мере, за ту цену, которую он мог заплатить. Он всё равно настоял на своём. Во время этих неназванных действий он получил удар — удар током, который причинил ему острую, хоть и кратковременную боль. Он утверждал, что разряд шёл прямо от тела проститутки. Он немедленно отпрянул от кровати. Его возмущённые требования вернуть деньги встретили лишь смех, и когда он попытался схватить её, электрический шок вновь пронзил его тело. Он заявил, что женщина затем покинула его номер, и это позже подтвердила уборщица, работавшая в коридоре в указанное время. Уборщица не могла не запомнить улыбку женщины.

3.2 *Мотив.* Коллега покойной встретила с ней в баре после инцидента, описанного выше. Данный источник подтвердил отдельные детали истории клиента, которые покойная ей пересказала. Также был установлен возможный мотив: мисс Финч призналась, что вскоре пла-

нирует уйти из бизнеса и для этой цели уже присваивает бóльшую, чем полагается, долю доходов. Подруга предупреждала её об опасности обманывать сутенёра. Имя нового сутенёра Джины подруге известно не было.

3.3 Свидетель. В следующий раз мисс Финч была замечена спустя час, когда бежала по служебной дороге от гостиницы. Свидетель, наблюдавший это, был в состоянии алкогольного опьянения; тем не менее, его утверждение, что покойная в панике направлялась в сторону заброшенного садового центра, согласуется с установленными фактами. Свидетель добавил, что, хотя женщина была совершенно одна, у неё был вид человека, за которым гонятся. Это последний раз, когда покойную видели живой.

4.1 Лабораторные исследования. Специалисты Манчестерского университета провели обширное изучение странного яйцеобразного аппарата, обнаруженного внутри тела женщины. Были сделаны рентгеновские снимки, но лишь когда аппарат перестал функционировать (погас зелёный индикатор; прекратилось гудение), яйцо было извлечено из желудка. Простой механизм позволил раскрыть его на две половинки-скорлупы. Внутри были обнаружены примитивная материнская плата и чип, различные регулирующие устройства (включая упомянутый ранее «шокер»), батарея (очевидно, резервная на случай смерти носителя), сложная органическая «субстанция» и съёмное записывающее устройство. При воспроизведении последнего были выявлены подробности всех сексуальных актов или, иначе, сделок Джорджины за предыдущие пять недель, включая стоимость каждой, зачисленную сумму, а также все случаи «недоимок».

4.2 Причина смерти. Было установлено, что Джорджина Финч умерла от мощного удара электрическим током. Полиция квалифицирует смерть как убийство.

5.1 Приложение. В дополнение к вышеприведённому отчёту, полицейское расследование, наконец, вышло на создателей устройства. В настоящее время они арестованы и ожидают дальнейшего разбирательства. Устройство продаётся под названием «Проактивный Имплантируемый Мастер-Протектор» (сокр. «П.И.М.П.» — сутенёр). Рекомендуются не разглашать подробности о нём широкой публике. Производители признали, что на данный момент продано двенадцать таких устройств, включая четыре модели «мужского» типа. Мы должны приложить все усилия, чтобы их разыскать.

ИЗ КНИГИ О НИМФОМАТИЗАЦИИ

Следующий документ (недавно переданный в Музей Фрагментов) был обнаружен в руинах Манчестера. Как и все наши экспонаты, он порождает больше вопросов, чем даёт ответов. Было предпринято несколько попыток завершить две сохранившиеся страницы; мы предпочитаем его в нынешнем виде. Слабый проблеск давно утраченного мира. Дата: неизвестна. Обратите внимание: Музей предупреждает, что фрагмент содержит информацию для взрослых. Просмотр на ваш страх и риск.

(начало текста)

A-LIFE *сущ.*, *сокр.* от *artifaecial life*; процесс, в ходе которого синформация эволюционирует, пока не начинает симулировать реальную жизнь и не становится от неё неотличимой; любой продукт данного процесса.

АМУР *сущ.* человеческая любовь к другому существу или машине.

АНАЛ-ИЗ *сущ.* синформация, получаемая через анус.

A.N.U.S. *сущ.*, *сокр.* от *Auxiliary Nurturing System* (Вспомогательная Воспитательная Система). Аурафис, общий для машин мужского и женского пола (и потому считающийся превосходящим гендерно-специфичные модели), используемый для введения искусственной информации в тело. Ср. Вагинод.

АФРОДАТА *сущ.* женское божество, введённое в нимфоматизацию; также известна как Интра-Венус. Возлюбленная Зюиса.

АРТИФИЦИАЛЬНЫЙ *прил.* не происходящий из реальной жизни; имитация жизни.

АТТРАКЦИЯ *сущ.* мера того, насколько красотой обладает симпут. Измеряется в аттрактонах.

АТТРАКТОН *сущ.* единица измерения аттракции. Один аттрактон равен чистой пресности, десять аттрактонов равны чистой красоте.

АУРАФИС *сущ.* отверстие в теле, специально предназначенное для приёма нимфоматизации.

АВТОГЕН *сущ.* продукт технологии вылупления.

БЭБИ *сущ.* результат незащищённого секса между мужчиной-человеком и женщиной-человеком.

БЭБИ-ДАННЫЕ *сущ.* результат незащищённого секса между мейл-симпутом и фимейл-симпутом в системе нимфоматизации.

БАСТАДАТА *сущ.* незаконное потомство двух симпутов, не состоящих в надлежащем браке в системе нимфоматизации.

КРАСОТА *сущ.* количество аттракции, установленное в симпуге для облегчения нимфоматизации. Ср. с Уродством.

БИО-ПЛАСТИК *сущ.* материал, из которого сделаны биорги.

БИОРГ *сущ.* любовное сочетание плоти и машины.

БИОРГАЗМ *сущ.* то, что происходит с биоргом, когда его охватывает нимфоматизация.

БИОРДЖИ *сущ.* чем занимаются биорги, когда в их системы вводят слишком много нимфоматизации.

БЛОУ-ДЖОБ *сущ. (сленг.)* другое название для куннилого или феллацио.

НАДУВНАЯ КУКЛА *сущ.* ранняя попытка создания искусственной куклы, позволявшей людям заниматься сексом с неодушевлённой материей.

КУКЛА БОРБИ *сущ.* самая совершенная кукла начала двадцать первого века. Подруга РобоКена, с которым она произвела бэби-данные по имени Борбл.

БОРБЛ *сущ.* первое истинное дитя нимфоматизации. Дитя как продукт, где продукт — это будущее.

(конец текста)

ТЕНЬ ГДЕ-ТО РЯДОМ

В ванной, намазывая гель на волосы, меня вдруг пронзила эта синяя дрожь. Словно царапины острых ноготков по затылку, мурашки. С улицы внизу — шум толпы: нарастающий смех, вспыхивающий, как пожар. А у меня в черепной коробке — тайное свидание. Чувство нахлынуло так внезапно и сильно, что я даже задумался — а не спуститься ли вниз, откликнуться на зов, вызвать Дагга, сказать, чтобы прихватил тьму с собой. Тень в зеркале, улыбка, застывшая чуть позади и в десяти милях отсюда. Намёк на феромоны, привкус сахара. Если не удаётся переспать с кем-нибудь в последнюю ночь года, то когда же тогда?

Но в том-то и дело, что на этом пути кроется беда. В прошлый раз, когда я его выпускал, Дагг немного оторвался, несмотря на все обещания. Я боялся, что он натворит дел, испортит всё для нас обоих. Пусть на этот раз поспит.

Я отряхиваюсь от этого чувства, поворачиваюсь; тень поворачивается со мной, а затем исчезает.

Растворяется.

Когда я попадаю в клуб, все, конечно, уже пьяны вдвое и дики наполовину, хотя до всемирного поцелуя в полночь ещё пять часов. Я уже привык быть одиночкой, научился кайфовать от чужого кайфа, но лихорадка обратного отсчёта застала меня врасплох и вымотала. Безумие шло по сходной цене, танцующие кружили друг вокруг друга, мужчины и женщины, словно звери. Я чувствовал секс в воздухе на вкус, как слепая собака чувствует восход луны. Но прикоснуться к нему у меня не выходило. Я танцевал, пил, даже поговорил с парой девушек, пытаюсь забыть тот случай в ванной. А потом за мной пришли полицейские, прочесав толпу.

Спустя десять минут меня уже везли в сторону Олд Траффорда, где стоит «Монастырь» — уличное название тюремного корабля для секс-преступников. По мокрым улицам плясали люди, от чего я лишь сильнее стискивал зубы. Старший офицер, женщина по имени Кинси, просто сказала мне, что моя тень сбежала. После чего замолчала, оставив меня наедине со страхом, ведь Дагг был обычно мирным маленьким извращенцем, и никто, насколько я знал, ещё никогда не сбегал из «Монастыря».

Мои вопросы Кинси не встречали ответа, вплоть до той минуты, когда тюрьма показалась впереди. Я хотел знать, как Даггу это удалось.

— Ты дал этому имя? — вот всё, что она сказала, и от тона её голоса мне стало мучительно стыдно, потому что я-то знаю — нормальные просто не поймут.

Корабль-«Монастырь» выплывал из темноты по ту сторону реки, все его огни расплывались в ливне, вой сирен. Эта громадная плавучая глыба, полная зарешечённой жизни. И когда мы проезжали по мосту на другой берег...

На другой берег...

Раньше, пересекая этот мост в более счастливые времена, я всегда ощущал смысл этих слов и радовался ему. Теперь же я страшился этого перехода. Я снова пристал к полицейской с расспросами.

— Хотя бы скажите, когда он сбежал, — попросил я.

— Разве время так важно? — ответила Кинси. — Ты что-то почувствовал?

Я кивнул.

Тогда она назвала время побега, и это, конечно, было 6:35 вечера, как раз когда я намазывал гель на волосы, и это чувство обожгло меня.

Странная штука, но ты всегда знаешь, когда темнота чувствует себя одинокой. Вот я, к примеру, могу быть в командировке в Лондоне — не важно, я всё равно чувствую. В переговорных и офисах, в поездах или такси, где бы я ни был; когда Даггу хочется трахнуться, это как-то до меня доходит. Не то чтобы у меня вдруг вставал или что-то столь же грубое, потому что это невозможно без присутствия Дагга; скорее, чувство, что в тебе нуждаются, глубоко внутри, как я и сказал, в черепе. Дрожь, мурашки, как угодно.

— Но как? — спросил я. — То есть, это же невозможно, правда?

Кинси отвернулась, когда машина свернула в доки, где взволнованный охранник проверил наши удостоверения. На стене рядом с ним кто-то коряво написал баллончиком: «ГНОМЫ, ВАЛИТЕ ДОМОЙ». У ворот толпилась кучка просителей, жалких и промокших насквозь. Тюрьма, видимо, отменила все свидания, потому что эта несчастная толпа кричала охранникам, чтобы те пустили их внутрь.

Без шансов.

Но нас пропустили без проблем, и, когда машина остановилась, на меня уже накатывало чувство вины: вот если бы я тогда выпустил Дагга. Если бы... Ему полагалось пять выходных в год, а я использовал только четыре. Он имел право ещё на один, и, с приближением конца года, он, должно быть, страшно отчаялся.

Но сбежать? Как он мог? Во все предыдущие дни отлучек он вёл себя образцово, соблюдал правила, ну, кроме последнего раза, но это была лишь мелкая перверсия, ничего серьёзного. Ещё несколько месяцев — и его должны были выпустить насовсем, и я знаю, как он ждал этой свободы. Поверьте, я знаю.

Что же могло свести его с ума?

* * *

В 1999 году меня классифицировали как сексуального извращенца класса «Е» — самой слабой категории, не представляющей угрозы при должном контроле. Что ж, вот вам и ответ, потому что однажды я позволил той штуке внутри выйти из-под контроля. Инцидент был несерьёзным, никто не пострадал, по крайней мере, кроме меня самого, а за это я и так уже заплатил. Но акт был зафиксирован каким-то профессиональным вуайеристом, и в следующий миг меня уже тащили перед судьёй, который постановил удалить боль, гнездящуюся во мне.

Цифровая кастрация. Либо это, либо тюрьма, в которой я, с моими-то желаниями, вряд ли бы выжил.

Разлука длилась четыре года.

Сначала, сразу после операции, кажется, что ты никогда не смиришься с одиночеством, потому что тень твоего желания преследует тебя, как фантомный зуд. Потом, медленно, ты с этим свыкаешься, даже начинаешь в каком-то смысле наслаждаться свободой. Жизнь становится проще, когда в тебе больше не шевелится этот змей-искуситель.

Что-то вроде того. Потому что со временем ты начинаешь воспринимать утраченную сексуальность как отдельное существо — ещё одну, более тёмную причину жить.

А потом, иногда, обычно в самую глухую ночь, зуд возвращается. Будучи классом «Е», я получал пять дней свободы — и это способ удовлетворить потребность. Но нужно тщательно её дозировать, убедиться, что это настоящая потребность, а не просто шёпот. И, конечно, держать её под контролем, когда она на воле, использовать только для обычных, скучных вещей, которые, как говорят, всё же лучше, чем ничего. Ну да, конечно, лучше.

Но ты живёшь с этим, понимаешь? Просто живёшь. И Дагг был хорош, я правда думал, что жизнь в изгнании его изменила.

Очистила.

Но теперь...

Может, правда то, что говорят: тюрьма только усугубляет.

* * *

Мы добрались до Монастыря на катере, и я промок до костей, всё ещё в своём костюме для вечеринки. Во время прошлых визитов корабль казался вполне цивилизованным местом, больше похожим на лабораторию, чем на тюрьму: охранники в хороших костюмах, с парфюмированным дыханием, повсюду тихая умиротворяющая музыка. Теперь же всё это было содрано, словно тонкая плёнка. Меня провели длинным коридором мимо старых тюремных дверей. Из-за них доносился ужасающий шум — будто от множества загнанных в клетку зверей. То, что я раньше принял за сигналы тревоги, в основном и было этим запертым, голодным рычанием.

На что похожа человеческая сексуальность, по крайней мере, самая мерзкая её разновидность, выпущенная из телесного заточения? Художественные изображения, основанные на «подлинных свидетельствах очевидцев», показывали либо бесформенный кусок плоти, будто вырванный из нутра, либо бледную, более призрачную версию самого грешника — нечто вроде фантома или призрака.

Одна известная фотография запечатлела отвратительного, уродливого монстра — маленького, сгорбленного, с застывшей злобной ухмылкой. Изображение было тёмным, плохого качества, такое, в котором можно разглядеть тысячу форм — всё, что пожелает увидеть твой разум в моменты смятения. Именно с этой фотографии пошло популярное название для сексуальных преступников. Игра на слове «феромоны» — Ферономы.

Пожалуй, там действительно смутно угадывалась приземистая, гномоподобная фигура, но я лично всегда представлял внутреннего жителя как непостоянную, преследующую тебя тень. Власти, со своей стороны, утверждают, что сексуальное знание — это всего лишь знание. Чистая информация; пакет цифровой биологии, запертый на жёстком диске компьютера. Если это так, то какие же странные твари издавали тот ужасный шум из всех камер?

Кинси и её напарник практически втолкнули меня в комнату передачи. Там был ещё один человек, постарше. Его лицо я запомнил со дня своего отделения. Начальник тюрьмы.

— Что ж, — начал он, — печальный это способ...

Где-то на задворках сознания я размышлял, что это за «способ» и куда он ведёт.

— ...отмечать Новый год.

Ага. Я изо всех сил старался не рассыпаться. Там был стул. Я сел. Положил руки на стол. Чтобы они не тряслись. Попросил сигарету. Прогнорировали. Люди говорили надо мной. Вокруг меня. Стол был придвинут к стене. Передо мной, вмонтированный в стену, аппарат для передачи...

Сколько раз я сидел за этим же столом, терпеливо, возбуждённо ожидая, когда Дагга передадут обратно в моё тело. Почти не отдавая себе отчёта, я теперь поглаживал различные поблёскивающие переключатели и кнопки, почти заставляя экран компьютера пробудиться к новой жизни. Проснуться от этого сна и обнаружить, что Дагг всё ещё жив — в строках цифр и символов, составлявших собрание его присутствия.

Этому не суждено было случиться. Обычно, ступив на борт, я чувствовал, как его желание нарастает; чем ближе мы были, тем сильнее связь. Но теперь корабль казался совершенно пустым, лишённым того изощрённого напряжения. Моя тень ушла.

Кто-то говорил. Было упомянуто имя Брейкхарт, всколыхнув тёмное воспоминание, а затем другой голос:

— Бедный, бедный ребёнок...

— Ребёнок... — прошептал я, оборачиваясь.

И вот теперь, впервые, кажется, все трое — двое полицейских и начальник — обратили на меня серьёзное внимание. Кинси рассмеялась, а затем сделала странную, или не очень, вещь: она ударила меня. Это был сильный удар раскрытой ладонью, с достаточной силой, чтобы вернуть меня к реальности. Но самое странное, ужасная, смехотворная мысль, пронёсшаяся в голове: в иных обстоятельствах, раньше в моей жизни, когда Дагг был внутри, ничто на свете не возбудило бы меня больше, чем подобное обращение со стороны представителя власти. Полицейский, полицейская! Бьёт меня! Из-за таких практик я и создал себе жалкую жизнь и заплатил за неё.

— Любишь баловаться с детьми, а? — спросила Кинси. — Со мной хочешь побаловаться?

— Но... но Дагг... то есть... я... я никогда...

Я пытался нащупать чувство.

— Я никогда не был таким!

— Успокойтесь, мистер Картер, — сказал начальник. — И вы тоже, детектив-сержант. Мистер Картер невиновен. Тюрьма, то есть я лично,

принимаю на себя полную ответственность. Будет проведено расследование.

Глаза начальника были наполнены тенью его собственного изготовления, тенью неминуемой потери, когда он повернулся ко мне.

— Пожалуйста, скажите, что происходит, — попросил я. — Что случилось?

— Сегодня вечером произошло нарушение нашей системы безопасности. Серьёзное нарушение. Наш главный компьютер был взломан. Вы понимаете, о чём я?

— Дагг...

— Дагг?

— Так он называет свою сексуальность, — пояснила Кинси начальнику. — Мило, правда?

— Понятно. Да. Значит, вашу сексуальность похитили.

Я чуть не рассмеялся, сам не знаю почему.

— Система безопасности?

— О, самая лучшая. Но... Что ж. Вы слышали о Брейкхарте?

— О Томасе Брейкхарте? Конечно. Он же в тюрьме.

— К сожалению, нет. Его выпустили полгода назад.

— Выпустили? Но...

— Его срок сократили. Часть сделки, скажем так. За добровольное участие.

Кинси ударила кулаком в стену.

Начальник проигнорировал её.

— Итак, вы понимаете...

— С Даггом внутри? — спросил я, не веря. — На свободе?

Он кивнул.

— Нам нужна ваша помощь, мистер Картер. Только вы можете его найти. Вы, наверное, помните методы Брейкхарта. Он нанесёт удар до полуночи. У нас... — Он взглянул на часы, и рука его дрожала. — У нас меньше трёх часов.

Внезапно в комнате появился пятый. Та тень там, мелькнувшая, или же игра отражений корабля на тёмной воде, когда кто-то коснулся моего затылка. Кинси или тот второй полицейский...

Я обернулся. Они стояли поодаль.

— Мистер Картер?

Кто это сказал? Начальник? Кинси?

— Картер! Вы в порядке?

Нет. Покалывание. Дрожь. Это происходило. Происходило снова.

Кажется, я что-то сказал. Должно быть, так. Наверное, сказал.

Я будто очнулся — снова в машине, теперь мы мчались по мосту обратно в Манчестер, волны внизу, волны внутри меня, тень где-то, где-то...

Сзади нас преследовали другие машины, мигалки вспыхивали в воющем тумане сирен, как запоздалые мысли. Кинси сидела сзади со мной, уговаривая быть сильным, держать связь открытой.

Держать...

— Просто найди этого ублюдка, — сказала она.

* * *

Двадцать пять лет назад — в декабре, в последний его день — на парковке бисквитной фабрики был найден задушенный и изнасилованный мальчик одиннадцати лет. К телу, точнее, прямо к плоти, была булавкой приколата поздравительная открытка, внутри которой было написано: «С Новым годом, Билли». Под текстом — грубый рисунок сердечка, пронзённого стрелой Амура ровно пополам.

Несмотря на тщательное расследование, арестовать никого не удалось.

Ровно через год, снова в последний день декабря, была найдена новая жертва, на этот раз девочка того же возраста. Тот же способ умерщвления, то же поздравление: «С Новым годом, Дафна». То же разбитое сердце.

И снова — ни следа убийцы.

В последующие пять лет конец года омрачали аналогичные убийства. В прессе всюду строили догадки, эксперты гадали о терпении — если это вообще подходящее слово — этого странного убийцы; какой же холодный, целеустремлённый ум способен так долго ждать между утолениями злого желания?

Где-то там, тень...

Наконец убийца совершил ошибку, и Томас Брейкхарт, тихий, благонаправленный программист, был арестован. Он охотно сознался в семи убийствах, объяснив их тем, что его собственные родители были убиты 31 декабря, когда ему было всего девять лет. Это была правда, и их убийство так и осталось нераскрытым, но в разбитых душах присяжных это не зажгло никакого света. Брейкхарта приговорили к пожизненному заключению.

Через несколько лет начались первые эксперименты по цифровой кастрации — только над пожизненными заключёнными и без огласки. Шесть добровольцев погибли на ранней стадии; погибли безвестными. Брейкхарт стал первым успешным результатом: его повреждённая, извращённая сексуальность была отделена от тела и записана на диск. Эту информационную чуму затем анализировали в тщетных поисках предупредительных сигналов.

Когда правительство наконец обнародовало процесс, либеральная общественность, как обычно, возмутилась, но в большинстве своём народ кастрацию поддерживал: месть была удовлетворена, по крайней мере, отчасти. Если убийц нельзя казнить, пусть с ними случится хотя бы это — таково было всеобщее чувство. Кампания правых привела к оговорке, согласно которой все извращенцы класса «А» должны подвергаться умерщвлению сексуальности.

Умерщвлению. Выключению. Очистке.

Спустя три года после вынесения приговора сексуальность Томаса Брейкхарта была стёрта из памяти главного компьютера тюрьмы. Человек остался один, кастрированный, с пятнадцатью годами до обещанного освобождения — в награду за участие в эксперименте. Пятнадцать лет, которые он провёл тихо, изучая математику в тюремной библиотеке, никогда не доставляя охранникам хлопот и демонстрируя все признаки исцеления.

Его выпустили в назначенный день — без помпы, без публичности, без единого слова для прессы. Втайне.

Ему должно было быть пятьдесят пять лет.

* * *

Где-то там тень, и, словно пёс, я шёл за своей тенью сквозь тьму. Сигнал Дагга был слаб, рассеян, возможно, уже повреждён. Кинси подгоняла меня, кричала на меня; иногда просто замолкала, хмурилась, позволяя мне настроиться. На улицах, конечно, толпился народ, дети гуляли допоздна из-за праздника — и это мешало; шум, вся эта безумная радость вставала на пути, будто лишь я один стоял между ними и наступлением ночи, шумными детьми, падением любви.

Преследование...

Я направил машину на пустырь, парковку за фабрикой. Я уже собрался выйти, но Кинси крепко держала меня. Сзади были другие машины с вооружёнными полицейскими, и они обыскали территорию. У

них ушло минут пятнадцать, но я уже знал: след ещё витал здесь, но самой сути уже не было. Тень от тени, которая растворялась, как извращённое желание. Чтобы вырасти в другом месте.

— Ты знаешь, что это за место? — спросила Кинси. — Это то самое место, где он совершил первое преступление. Брейкхарт. Здесь всё началось.

Я смотрел в окно на чёткий силуэт фабрики, пока полицейская в ярости била по спинке сиденья:

— Да этот ублюдок устроил себе чёртов тур.

Следующий час мы потратили на объезд всех семи мест убийств. Каждое доступное полицейское подразделение было наготове. Тела не нашли, что было утешением; и никаких следов Брейкхарта, что утешением не было. На четырёх местах я уловил слабые сигналы, едва заметные дрожащие намёки, почти исчезнувшие, будто Дагг отчаянно звал меня угасающим голосом.

Где-то...

Когда обыскивали последнее место, Кинси вытащила меня из машины. Она швырнула меня к стене и наставила пистолет.

— Это твой последний шанс, Картер, — прошептала она прямо в лицо. — Где он, чёрт возьми?

Я мог только медленно качать головой.

На меня давило это чувство холода.

* * *

Было уже за одиннадцать, когда мы добрались до полицейского участка. По пути мы заехали в убогую квартирку Брейкхарта. Там уже дежурили полицейские, будто охраняя ветхую грудку оборудования на столе. Именно отсюда убийца совершил вторжение в тёмное цифровое сердце Монастыря. Я был так близко к гнезду носителя, и всё ещё не чувствовал ничего, будто Дагга здесь вовсе не было. Чувство потери накрыло меня тяжёлой тучей: безнадёжность, провал, гнев от того, что не смог, страх. Страх за детей.

В участке полицейские слонялись без дела, пили густой чёрный кофе в ожидании вызова, надеясь, что его не последует. Вызов, который будет означать, что худшее случилось. А большие часы на стене неумолимо ползли к полуночи, жертвы тысяч пристальных взглядов. Где-то болтались жалкие шарики и обвисшая растяжка «С Новым годом!». Со мной никто не заговаривал, на меня даже не смотрели. Если бы только

часы могли быстрее доползти до двенадцати, может, тогда убийца не нанесёт удар, следуя установленной схеме.

— Откуда вы знаете, что это он? — спросил я, обращаясь в пространство. Кинси возилась с кофейным автоматом.

— Что?

— Брейкхарт. Взлом мог совершить кто угодно.

— Он оставил свой знак, разве нет.

— Что, открытку?

— Ага. На всех экранах, с анимацией — оторванное сердце, которое вращается.

— Любой мог оставить такое сообщение. Это же было во всех газетах...

— Сообщение... хочешь знать, что там было?

Я кивнул.

— «С Новым годом, Дуглас». — Кинси холодно рассмеялась, и я её не виню.

— Это моё второе имя. Джон Дуглас Картер. Поэтому он выбрал меня? Из-за имени? Украл меня, я хочу сказать. Украл моё...

— Он пробовал с другими. Со всеми заключёнными по имени Дуглас. Не срослось. Они сопротивлялись.

— Ох.

Дагг всегда был слюнтяем-рабом. Любой хороший хозяин бы подошёл.

— Просто найдите этого Дугласа, — сказал я. — Найдите всех детей по имени Дуглас, их родителей, предупредите...

Кинси смотрела на меня с отвращением, качая головой.

— Но как он это сделает? — спросил я. — Брейкхарт. Убить кого-то сейчас. Как он может? Возможно, не может. Возможно...

— Это так утешительно, Картер. Правда.

— Нет, слушайте. Это же не его сексуальность, верно? Его убили, отключили. Это моя. Я никогда не хотел причинять боль людям, тем более детям. Никогда. Он просто тело, оболочка. Желание не в нём, оно в тени.

— Тени?

— Сексуальности, гноме. — Я уже вскочил, возбуждённый. — Дагг мазохист, не садист. Что Брейкхарт будет использовать? Возможно, ничего. Возможно, он вообще ничего не может сделать!

Кинси смяла бумажный стаканчик в комок.

— Ну, он на свободе. И он что-то ищет.

Мы снова погрузились в молчание. Один из полицейских, напарник Кинси, встал и сорвал растяжку «С Новым годом!». Я пошёл в мужскую уборную, умылся, уставился на своё отражение в разбитом зеркале, потёр затылок. Кто-то стоял позади меня, тёмный силуэт в одной из открытых кабинок.

Потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: обе мои руки всё ещё лежат на краях. Мою шею всё ещё касались.

Близко.

Я обернулся: тень повернулась вместе со мной.

* * *

Полицейская машина, американские горки, улицы, увитые танцорами, блестящие от блевоты, целующиеся пары. Кинси рядом, держит меня. Я с закрытыми глазами, со стиснутыми кулаками, в холодном поту. Внутри — горячий, от самого сильного чувства, что я когда-либо испытывал. Это был он, это был Дагг, но сильнее, мощнее, как-то темнее, больше в контроле. Совершающий желание. Вывернутый наизнанку — не желающий совершения, но совершающий желание.

Совершающий желание.

Близко. Это было близко к участку.

Вспышки фонарей, громкая музыка, все часы Манчестера тикают, тикают. Двадцать пять минут двенадцатого. Сигналим, разгоняя толпу, что ничего не ведает о тьме, таящейся внутри них, выжидающей, прячущейся, крадущейся среди моментов, смеха, вспышек фотовспышек и пьяных загулов.

У меня в голове карта города, по которой ползёт чёрное пятно, петляя и извиваясь по улицам. Волосы дыбом. А Кинси передаёт по рации наши постоянно меняющиеся координаты. Оно было сильным, это чёрное зеркало в моей голове, будто Дагг тоже вещал, звал меня, сопротивлялся. SOS. Сигнал бедствия. *Найди меня, помоги мне, верни меня. Останови меня.*

Останови меня.

Совершающего желание.

Где-то изогнутая тень, почти потерянное, угасающее чувство, пока я не направлял водителя, и тень не сгущалась вновь, покалывая, как осколки стекла, обретая резкость, ослепительно-резкую фокусировку в голове.

— Здесь!

Полицейская машина, американские горки — мёртвая остановка, двигатель задыхается, визг шин. Выдох, наконец. Оседают пыль, мелкий дождь, треск рации. Я выбегаю из машины. Я, Кинси, копы, другие копы. Уже не думаю, просто следую. Слушаю. Дагг, зовёт, зовёт... но людей так много. Берега реки Ирвелла. Тропинка запружена, с другого берега доносится чёткий звук духового оркестра.

На часах 11:47.

Бегу, отталкиваю людей. Копы позади меня, некоторые уже впереди, расчищая путь, оттесняя людей. Хорошо. Чистый забег. Лодки на реке, веселятся. Рейв-музыка, смешивается. Но где, где теперь? Мужчина и женщина, в отчаянии, кричат.

— Дуглас! Малыш Дуглас? Где ты? — Женщина вопит, а затем рыдает, увидев полицию, столько полиции. — Ради Бога...

Всё это — смазанно, пока...

Тень, густая, чёрная. Не покидай меня! Найди меня! Толпа редет, исчезает. Забор, сломанный. Заболоченная земля позади каких-то магазинов, недостроенных магазинов, не помню. Кинси рядом, пистолет наготове, дыхание резкое. Пролезаем, волосы цепляются за колючую проволоку. Фигуры впереди. Две. Мужчина, мальчик. Мальчик на земле, одежда порвана, Боже, пожалуйста... мужчина что-то лихорадочно ищет возле мусорных баков, в отчаянии, он просто выл. Приближаемся. Кинси проверяет мальчика. Жив, цел. Она встаёт, плотнее сжимая пистолет, направленный на мужчину в тени.

— Брейкхарт!

Он поднимается из темноты, оборачивается, шокированный. Нет, испуганный. Нет, пустой. Пустая оболочка. Его лицо, его глаза, широко раскрытые, за ними — ничего. Одинокий. Он движется вперёд, медленно, бой курантов с площади Альберт и над рекой, и радостные крики в воздухе, вспышки фейерверков, взрывы. Лицо Брейкхарта мерцает, кричаще-оранжевое и жёлтое, пока он спотыкается в грязи, под дождём:

— Не могу найти его... потерял... не могу найти... прошу...

Копы тут же набрасываются на него, но я уже шёл к мусорным бакам. Движение там, шуршание бумаги, полиэтилена. Клочок мусорного мешка. Треск. Ближе, тень темнеет. Где-то... два отблеска из-под груды хлама; два тёмных, фиолетовых глаза. Как драгоценные камни были они, и яркие от страха.

— Дагг? — сказал я мягко, чтобы не...

Фигура движется, сначала медленно, а затем вырывается из укрытия, бежит ко мне. Я раскрываю объятия, широко, чтобы принять. Голос позади:

— Не надо! Не стреляйте! — голос Кинси, но затем выстрел, тяжёлый грохот, жжение. Жжение внутри меня, боль, когда тень дёргается назад, вбитая глубоко в металлический бок бака.

— Пригвоздили его! — голос копа, мужской, дрожит от шока.

Он сползает на землю. Я медленно подхожу к нему, почти не дыша. Кинси рядом:

— Картер, я пыталась остановить его... Господи!

Я опускаюсь на колени, глажу его по голове, его маленькое, изломанное, бесформенное тельце. Глаза открыты, но едва-едва.

— Ты сделал это, Дагг, — говорю я. — Ты остановил его.

Глаза, прекрасные, как парные самоцветы, медленно закрываются.

И тень внутри меня светлеет, светлеет до облака аромата, которое уплывает прочь, наконец, в никуда.

ЗОВ СТРАННОСТИ

Псу Джей-Лупу нужна хорошая чистка головы. Голодные черви ползают внутри черепа, отчего разум чешется. И без того тяжело на улицах Манчестера, когда сходишь с ума от зуда. И без того тяжело, когда его Госпожа торгует копиями «Большого Печенья» и всё твердит: «Что с тобой нынче, Джей-Луп? Ты должен выглядеть милым и безропотным, а не бешеным и тупым!». Ещё хуже, что хороший Свисток не работает — все те черви до него добрались. Свисток — это умный костяной билет в межносы. Госпожа пичкает твою челюсть Свистком. И тогда ты можешь говорить с ней через межносы. Тяжело потерять эту связь, но хуже всего то, что музыка Джей-Лупа начала идти наперекосяк.

Джей-Луп — робопёс-диджей в «Воющем клубе», впаривающий свежие Догга-треки в коллективную башку разномастной стае на танцполе. В ту ночь вся стайная сеть едва не рухнула, когда Джей-Луп из-за вторжения червей пропустил бит в своём мозгу. Денежный хозяин «Воющего» орал на диджея за этот прокол.

Рысью домой, к утешению Госпожи.

— Что с тобой, любимец? — Мягкие руки Госпожи гладят его по шерсти. Джей-Лупу удаётся выдать через межнос лишь самую суть.

— У меня черви, Госпожа. — Он надеется, что эти рваные рычания складываются во что-то осмысленное.

— О, мой бедный пёсик!

Наночерви — страх каждой доброй госпожи; кудрявый захватчик, из-за которого робопёс хочет сорваться с поводка, поддаться позыву бежать в странность.

— О, мой беднейший пёсик! — Госпожа дёргает за поводок, что связывает их любовь. — Пожалуйста, не покидай меня!

Но Джей-Луп больше не понимает слов, только ласкающие руки. Возникает насущная нужда постирать мозги. Беда в том, что Джей-Луп никогда раньше не чистил голову. Сама идея страшит, потому что его верчения в «Воющем клубе» — лишь левая прибавка к деньгам. По мнению Властей, Джей-Луп — просто безработный пёс, привязанный напрямую к Базовому Костяному Пособию. Хорошо известно, что Власти делают очень дешёвую чистку головы для базовых костяников. А эта стирка подразумевает потерю твоего робомозга в волновом питомнике, пока чистильщики собирают новую версию. Стайные слухи твердят, как некоторые псы умирают в процессе, в момент потери своего пути. Страшная потеря пути для уличного закалённого робопса.

— Лупи, не будь же ты ссыкливый щенком, — рычит на него Принцесса Ликети. Она — стройная робосука из «Воющего клуба». — Мы, собачье братство, держимся вместе, ты понял?

Понял отлично, потому что связь пёс-к-псу — его единственный межнос с тех пор, как черви объявились. И два дня спустя Пёс Джей-Луп планирует из здания Ратуши, вполне довольный на конце поводка Госпожи, со свежевыстиранным мозгом в голове. Ни червей, ни чего-либо ещё. Джей-Луп чувствует себя по-собачьи в потоке! Они вдвоём разбивают уличный лагерь, Джей-Луп принимает идеальную позу попрошайки: передние лапы грациозно скрещены, тоскливый взгляд в росистых глазах, шерсть взъерошена против манчестерского дождя. Госпожа начинает свою меланхоличную песнь:

— Пожалуйста, помогите бездомным! Купите «Большое Печенье». Всего пятьдесят четыре фунта!

И именно сейчас Джей-Луп получает зов: тоскливый голос внутри его мозга. Это не червячная хворь, не зуд; голос сильный и страстный. Постоянный голод.

Джей-Луп срывается с поводка. Вырывает поводок из пальцев Госпожи. Бежит на свободу, отчаянный крик преследует, но тщетно. Типа, уходит в странность в стиле грейхаунда!

Промокший под дождём и ведомый, направляемый незнакомым голосом, пятьдесят минут спустя Джей-Луп прибывает в Южный Фешнтаун. Голос заставляет пса поскрести когтями по входной двери большого человеческого дома. Молодая девчонка открывает дверь, бросает взгляд на Джей-Лупа и начинает вопить:

— Нудлс! Ты вернулся домой!

«Нудлс? — думает Джей-Луп. — Кто, чёрт возьми, такой Нудлс?»

— Мамочка, Нудлс вернулся к нам! — кричит девчонка вглубь дома и тащит Джей-Лупа за собой внутрь, дёргая за болтающийся поводок.

Семь недель Джей-Луп живёт жизнью собачьего принца в Фешнтауне: тёплые пледы, сочные стейки, супер-пудра от блох, его собственный платформенный ботинок, чтобы грызть. Каждый день игры с девчонкой, проглатывание множества хороших Свистко-костей, но лишь робкие вылазки в межносы. Не знает, что сказать. Каждую ночь — сон утлеющих углей потухающего огня.

Каждую ночь — снится собачий сон.

Даёт парящему голосу Нудлса свободу выть о последних мгновениях; дрожи, переходящей в неподвижность собачьего мозга внутри собачьей ванны Ратуши. Каждую ночь повторяющаяся смерть робопса-

аристократа внутри него: Джей-Луп чувствует себя одержимым историей. Как Нудлс умер во время своей высококлассной чистки головы; как шёпот его собачьего разума сохранился живым внутри волн питомника. Подобно тлеющим углям, да? Как Нудлс ждал и ждал возможности, пока Джей-Луп не пришёл на свою чистку: другой чёрный робопёс! Точь-в-точь такая же модель лабрадора! Чуть более бюджетная, но выбирать было некогда. Как породистые паттерны Нудлса проскользнули сквозь волны прямиком в мозг Джей-Лупа.

Прошло семь недель — этот кошмарный тупой пёс внутри Джей-Лупа, не оставляющий ему покоя! Семь недель — глупые игры второсортной Госпожи; приторное тепло, мокрое мясо, платформенный ботинок, оставляющий слишком много блёсток во рту. Слишком уж тугий кожаный ошейник на натёртой шее! Перебор! И вот, семь недель спустя, Джей-Луп встаёт однажды ночью, сопя, вертит ключ от чёрного хода в передних лапах, режим полного робо.

Дверь — против суперпса. Не тягаться с воем!

Бег по улицам Манчестера, воспоминания былых времён: дождь, моча и прогорклые коты для погони. Нудлс воет внутри его головы, требуя ответа, куда они направляются.

— Поймай эту палку, Нудлс-мозг! — связь пёс-к-псу. — Джей-Луп ведёт стаю из двоих.

Нудлс после этого лишь рычит где-то на задворках. Сдаётся.

Возвращение на старые места, раннее утро: вот и прежняя Госпожа, с новеньким робопсом на конце её свежего поводка. Джей-Луп чувствует себя утопленным в грязи от этого запаха, но всё же издаёт тоскливый прощальный вой через дорогу: *«У меня свой путь, Госпожа. А вы идите продавать своё Печенье!»*. Надеется, что мысль долетела. Затем — рысью в «Воющий клуб», найти Принцессу Ликети, привязанную к ножке стола.

— Хочешь сорваться с поводка, хорошая робосука? — рычит Джей-Луп.

Суматошно, дико и на всех парах. Все трое — Джей-Луп, Принцесса и Нудлс внутри — бегут прочь из цепких лап Манчестера. Лапа к лапе они несутся, выбегая туда, где запах свежего мяса витает над городскими воротами. Вдыхая душок свободы, обустривая бездомный дом под сверкающими звёздами.

Ты уже поймал эту палку?

Эту маленькую историю рассказывает сам Джей-Луп, его ненасытное собачье я.

ДАБ-ШИЗ-ДАБ (ремикс ползучего короля-пса)

Голодный червь заползает (я говорю).
Медленный голодный червь заползает,
долбит ритмом мою башку.
Собачий настрой! Собачий настрой!
Эти черви точно заставят выть,
собираюсь грызть свою цепь.
Выть на луну.

Чертёнок-червь заставляет чесаться (я говорю).
Плохой чертёнок-червь заставляет чесаться,
афродизиак в моей жратве.
Собачий настрой! Собачий настрой!
Собираюсь поныть по-крупному,
отгрызу себе свинца.
Выть на луну.

Крутой червь подставил мне брюхо (я говорю).
Тот крутой червь подставил мне брюхо,
патлы дредовые и всё такое.
Собачий настрой! Собачий настрой!
Найду себе косточку поглотать,
перегрызу себе верёвку.
Выть на луну.

Чокнутый червь меня не пугает (я говорю).
Бешеный чокнутый червь меня не пугает,
мои ноги — десять футов длиной.
Собачий настрой! Собачий настрой!
Нюхаю дерьмо, ну, блин, странно,
собираюсь поймать свой шар.
Выть на луну.
(Поймал?) Выть на эту старую громадную луну.

МАШИНА ХАРИЗМЫ

Сводные таблицы харизматических значений Эмерсона и Скотта: с 1895 по 2105 год содержат рейтинги личностей всех тысяч людей, набравших свыше 1575 джаггеров, за указанные в заглавии годы. Имеющийся у меня экземпляр имеет естественную тенденцию раскрываться на страницах, соответствующих 1999 году, ибо этот период истории я изучал для своей дипломной работы в университете.

Для той работы я сосредоточился на наиболее известных личностях, проведя сравнительный анализ уже существующих исследований. Для этого же, первого проекта на досуге, у меня была идея куда более амбициозная: взяться за изучение фигуры, ещё не тронутой рукой академического сообщества. Посему, в тот раз я обратил свой взор к самой нижней части шкалы харизмы. Каким всеобъемлющим, высшим разумом был направлен мой взгляд на имя, на которое я в итоге наткнулся, сказать не могу; но направлен он был, в чём у меня теперь нет сомнений. Привожу запись дословно:

ЛЮСИНДА ТАНГБРАЙТ (1978—1999)

вокалистка, композитор, музыкант, актриса

рейтинг харизмы (оценочный): 1576 джаггеров

Это казалось ужасающе скрупулёзным итогом жизни, даже для человека, столь рано её покинувшего; двадцать один год — столько ей было, когда она оставила этот мир. И такой низкий балл; подумать только, на два джаггера меньше — и её бы вовсе не включили в список. Само собой разумеется, что до этого момента я никогда не слышал имени Люсинды Тангбрайт. Один факт был очевиден немедленно: она удостоилась записи в том же году, что и умерла, — в 1999-м. Беглое изучение предшествующих лет подтвердило мои догадки: именно её смерть породила интерес к её жизни. Так часто и бывает, особенно если смерть окутана тайной, скандальна или безжалостна.

Возможно, всё было в имени; в чудесном имени — певица с ярким языком. Возможно, в том, как она пребывала на самой грани забвения. Какой бы ни была причина, я почувствовал сильное влечение к этой молодой женщине, родившейся более ста пятидесяти лет назад. Я мог лишь надеяться, что она, так сказать, должным образом не исследована. Стремительно подойдя к вычислительной машине, я ввёл имя кандидатки и год её рождения в мой поисковый аппарат. Вы можете представить моё разочарование, обнаружив, что археология уже была проведе-

на. Исследователь, чьё имя мне было незнакомо, — профессор Александр Брингхоум — уже изучил архивы, касающиеся этой самой певицы. Казалось, мне придётся выбирать из Эмерсона и Скотта заново.

Однако что-то по-прежнему влекло меня к этой женщине. Я быстро установил по данным, что профессор Брингхоум в последний раз обращался к архивам в 2047-м, целых восемьдесят два года назад! По наитию я запустил поиск каких-либо статей или диссертаций, посвящённых молодой женщине. К моей радости, таковых не нашлось. Профессор, очевидно, счёл её слишком неинтересной для публичного исследования. Превосходно! Теперь у меня был предмет, достойный моих расцветающих талантов.

Несколько дней после принятия решения прошли самым восхитительным образом, пока я собирал копии всех известных артефактов, связанных с певицей. Для столь юной особы их оказалось на удивление много: четыре альбома записанной музыки; главная роль в киноленте; сборник стихов; несколько появлений на телевидении. Добавьте к этому различные газетные материалы, которые я собрал — интервью, биографические очерки, рецензии и фотографии, — а также несколько личных вещей, которые мне удалось разыскать — случайные снимки, письма поклонников, демозаписи и тому подобное, — и вскоре у меня было достаточно материала, чтобы приступить к разбору.

Эта задача стала существенно интересней благодаря самой внешности мисс Тангбrait, которая была весьма неприятна глазу; по правде сказать, она была женщиной необычайно тусклой, что наводило на мысль: должно быть, какая-то иная, более соблазнительная грань её личности привела к её харизматическому значению. О её жизни можно сказать немного, ибо она не содержала ничего такого, чего нельзя было бы найти в любом подобном медиаисследовании конца двадцатого века. Как я изначально и подозревал, лишь изучение смерти молодой женщины — на самом пике её славы — казалось многообещающим полем для применения моих талантов.

Транспорт мисс Тангбrait был обнаружен брошенным возле печально известной реки, через которую высокий мост предлагал роковое искушение отчаявшимся. В те выходные она должна была выступить на престижном музыкальном фестивале; совершенно иная публика встретила её тело, выловленное из воды две недели спустя. Публичное расследование вынесло вердикт «смерть в результате несчастного случая».

Используя свою коллекцию медиаследов, я провёл собственные замеры харизматического рейтинга женщины и установил, что он состав-

ляет 1629 джаггеров, что несколько выше оценки Эмерсона и Скотта. Отослав этот новый рейтинг издателям книги вместе со всеми соответствующими расчётами, я затем потратил ещё около недели на попытки отыскать дальнейшие следы, конкретно связанные со смертью, надеясь, быть может, выявить психологическую травму, которая к ней привела.

Обнаружив лишь несколько газетных заметок, упоминавших о видимой нервозности певицы перед предстоящим фестивалем и о некой апатичности в её недавних выступлениях — «исхудавшая и измождённая», как назвал её один рецензент, — я счёл неизбежным оставить это исследование. К чему я и приготовился с тяжёлым сердцем, ибо успел сильно привязаться к творчеству юной артистки; я слушал её записи почти каждую ночь и смотрел фильм с её участием снова и снова, всё чаще. По правде говоря, харизматическая сила Люсинды, действовавшая на меня одного, была куда, куда выше того нового публичного рейтинга, что я представил.

Эта вновь обрётённая страсть осталась бы совершенно тщетной, если бы не одно замечание, прозвучавшее на званом ужине, куда я отправился несколько недель спустя по настоянию моего бывшего научного руководителя в университете. Я принял любезное приглашение с некоторой благодарностью, ибо уже много недель едва покидал свой дом. После восхитительной трапезы профессор и я уселись обсудить дела взаимного интереса. На вопрос, каким проектом я занимаю свои способности, я совершенно невинно рассказал о своём интересе к женщине по имени Люсинда Тангбrait; на что профессор ответил:

— А, проект Брингхоума!

Немного ошарашенный, я тут же спросил:

— Что? Вы знаете о работе профессора Брингхоума?

— Знаю ли? Немного. Так, лишь слухи.

— Я видел упоминание его имени, — сказал я. — Он тоже консультировал архивы касательно Люсинды... то есть, мисс Тангбrait. Единственная другая зафиксированная консультация. Чем объяснялся его интерес к этой женщине?

— Я не совсем уверен. Старшие члены кафедры иногда перешёптываются, вспоминая его имя.

— Вы хотите сказать, Брингхоум был?..

— Да, он был профессором в нашем университете.

Услышав этот факт, я вновь испытал странное ощущение, что мой интерес к Люсинде Тангбrait — не просто дело случая. Едва сдерживая

себя, я тут же поинтересовался, какова же была сфера исследований Брингхоума.

— А, ну... системы извлечения образов, кажется, — ответил хозяин. — Судя по всему, был какой-то скандал. Брингхоума заставили покинуть пост из-за него.

— Какого рода скандал?

— Что-то связано со спонсорским соглашением. Но, право, я знаю очень мало.

Достаточно сказать, что уже на следующий день я нанёс визит в свою альма-матер, Манчестерский университет. Усевшись у одного из терминалов доступа к университетской вычислительной машине, я ввёл в неё слова: Брингхоум, Александр. Как и предполагалось, машина отклонила мой запрос. Сделав лишь небольшую паузу, чтобы обеспечить себе приватность, я извлёк из дорожного кейса своё недавно приобретённое устройство для взлома — модель «Гудини Супериор». Присоединив его к машине, мне оставалось подождать лишь несколько секунд, прежде чем произошло успешное, хоть и несколько противозаконное, вскрытие. К сожалению, собранная таким образом информация казалась малополезной; очевидно, власти того времени сочли благоразумным заархивировать как можно меньше сведений о профессоре. Ничего не говорилось о так называемом скандале, за исключением того, что причиной его увольнения в 2050 году было указано «Непрофессиональное поведение в связи со спонсорством компании “Ксикон”».

Вернувшись в свой кабинет — с изысканным голосом и игрой мисс Тангбrait в роли музы, — я обратился к своему верному поисковому аппарату в поисках любой общедоступной информации как о профессоре Брингхоуме, так и о компании, именующей себя «Ксикон». По профессору удалось найти немногим больше нескольких упоминаний в статьях по истории извлечения образов, и все они превозносили его экспертизу. Словно скандал был стёрт из памяти целиком. Мне всё же удалось разыскать фотографию этого человека; на ней был запечатлён смуглый человек с нависающим лбом, чьё лицо было изрезано какою-то внутренней мукой. Поиск по «Ксикону» дал более обильную жатву, включая историю компании, чьи релевантные части я теперь излагаю:

«Ксикон Лтд» была основана в последние годы двадцатого века с заявленной целью стать ведущим поставщиком технологий медиаэффектов. Успех с революционной Системой Извлечения Образов — наиболее знаменитый случай в 2009 году с фильмом Мэрилин Монро «Ярчайшая жизнь»,

где совершенно новое выступление актрисы было создано из всех фильмов, фотографий и голосовых записей, произведённых ею за её трагически короткую жизнь, — утвердил компанию как мирового лидера в своей области. Мисс Монро была лишь первой в длинной череде восстановленных артистов.

Ещё больший успех усовершенствованной, «дополненной реальности» версии программного обеспечения четыре года спустя привёл к невиданному публичному голоду по «новым и улучшенным» актёрам. Степень доверчивости некоторых была такова, что спрос на их «личные» появления только рос. Изобретение голографического движка в 2034 году дало «Ксикону» возможность удовлетворить этот спрос. Отныне любые публичные проявления можно было генерировать в трёх измерениях, управляя процессом с простого портативного компьютера. Кинозвёзды, телевизионные персоны, политики, знаменитые спортсмены, даже члены королевской семьи — любой, кто оставил после себя достаточно медиаследов, теперь мог быть извлечён, улучшен, наделён подобием жизни — если позволяли авторские права. Системы искусственного интеллекта давали этим «симулянтам» проецируемый голос и несколько ограниченную личность.

Но всё же в уравнении чего-то недоставало; как написал один из корреспондентов компании: «Обожая вашу принцессу Ди. Но где же тот огонёк в глазах?» Впоследствии, в 2046 году и перед лицом растущей конкуренции со стороны других компаний, «Ксикон» инициировал Проект «Распространение». Эта новаторская программа, которую должен был возглавить профессор Александр Брингхоум из Манчестерского университета, была призвана предложить рынку самое реалистичное из когда-либо виденных восстановлений. Согласно их рекламным материалам, компания создаст «симуляцию столь совершенную, что даже родная мать встретит её смачным слюнявым поцелуем!»

Должен признаться, при чтении этого я испытал разочарование; казалось, профессор интересовался мисс Тангбрайт лишь с целью воскресить её образ, движимый чисто коммерческими соображениями. Я был немного знаком с модой на извлечённые образы в середине прошлого века; действительно, я изучал её научные основы в рамках своего курса. Однако процитированная выше история затрагивала громко именуемый Проект «Распространение» компании «Ксикон» всего в нескольких пренебрежительных строках, называя его провалом первой величины и семенем итогового краха компании.

Один аспект этой истории чрезвычайно меня озадачивал: неужели харизма мисс Тангбрайт была слишком низка для успешного воскрешения образа? Обычно подобные операции проводились над самыми знаменитыми, ибо только они могли предоставить необходимый объём исходного материала. Объяснение, когда оно пришло ко мне, заставило ощутить глубокую близость с профессором Брингхоумом: ибо он, должно быть, тоже был очарован странно притягательным образом этой не приметной девушки. Он, должно быть, тоже дал ей личный рейтинг, куда превышающий любой эффект, который она могла произвести в своей реальной жизни.

Однако все мои изыскания ни на йоту не приблизили меня к разгадке причин самоубийства Люсинды Тангбрайт. Вновь непостижимое отчаяние омрачало каждую мою мысль; отчаяние, которое я едва сдерживал непрерывным погружением чувств в собранные работы этой женщины. Даже когда музыка замолкала, её эхо, казалось, всё ещё звучало в пустых комнатах моего дома, словно в камерах сердца. Можете представить моё удивление, когда несколько дней спустя я получил на свой коммуникационный аппарат следующее непрошеное послание:

Дорогой мистер Ньун,

Молю вас, простите это вопиющее вторжение в вашу частную жизнь. В последние несколько дней, посредством экспертного (и совершенно противозаконного) сервиса наблюдения, я узнала о вашем интересе к жизни и работе профессора Александра Брингхоума. Должна также вымолить прощения (хватит ли мне молитв до конца этого письма?) за проведение тайного расследования вашего прошлого и социального положения. Профессор Брингхоум был моим отцом, и если ваш интерес к его работе подлинен, умоляю вас ответить незамедлительно. У меня есть предложение, которое может вас заинтересовать.

Искренне ваша,

Мисс Хильдегард Брингхоум.

Читатель может быть уверен, что я ответил на это сообщение, и именно незамедлительно, и тем самым договорился о встрече с Хильдегард Брингхоум при первой же возможности.

Её дом, к моему удобству, располагался в деревне Уэст-Дидсбери, ухоженном зелёном пригороде в нескольких милях от Манчестера и не очень далеко от места моего собственного проживания. Я прибыл туда, заряженный нервозностью, какую едва испытывал с юных лет. Стояла

уже зима, и тяжёлый пласт облаков придавал мрачный вид большому и очень старому дому, возвышавшемуся передо мной. Ни единого проблеска света не исходило из его окон, несмотря на поздний час.

Дверь открыл молодой человек, слуга, который провёл меня в мрачно освещённую гостиную; несколько свечей, расставленных тут и там на антикварной мебели, создавали скорее мерцающую пляску теней, нежели сколь-нибудь значительное освещение. Одна стена была целиком заполнена книгами, и за их изучением я успокаивал нервы в ожидании появления мисс Брингхоум. Один том представлял собой роскошно изданный экземпляр «Таблиц харизмы» Эмерсона и Скотта, редкое издание 2077 года. Я раскрыл его наугад и изучал записи за тот год, на который он раскрылся, когда голос у меня за спиной произнёс:

— Как я вижу, у нас схожие вкусы.

Поражённый, я обернулся, всё ещё держа книгу раскрытой в руках. Передо мной, в углу комнаты, куда не решалось проникнуть даже свечное пламя, сидела пожилая женщина. Она была одета в простое платье кремового оттенка, над которым её морщинистое, иссохшее лицо словно парило в полумраке.

— Мисс Брингхоум, — пробормотал я. — Вы меня удивили. Я не думал...

— Пожалуйста, присаживайтесь, — ответила старушка. — Нам есть о чём поговорить.

Я занял предложенное кресло, на некотором расстоянии от того места, где она восседала. Лицо женщины казалось постоянно меняющимся — в один миг она выглядела невероятно старой; в другой — сквозь изборождённую морщинами маску проступал отблеск той поразительно красивой молодой женщины, которой она некогда, должно быть, была. Мы немного поговорили о её отце, и она сообщила, что он умер в 2053 году, в возрасте тридцати девяти лет, «совсем старым, — как она выразилась, — задолго до своего времени, сломленным этой жалкой историей с “Ксиконом”».

Услышав такое упоминание компании, я тут же попросил подробностей о скандале. Возможно, я был бы осторожнее, если бы ожидал её реакции.

— Скандал! — прошипела она, едва не выплюнув слово. — Я не позволю произносить такого слова. Никакого скандала не было, вы слышите? Мой отец выполнял указания компании в точности. Позже они заявили, будто он их подвёл. Нет ничего дальше от истины. Если уж на то

пошло, мой отец был слишком успешен в своей работе. Чертовски успешен!

Проклятие, сорвавшееся с уст столь пожилой особы, шокировало меня. В надежде вернуть разговор в более спокойное русло, я поинтересовался предложением, упомянутым в письме.

— Всё просто, — ответила старушка. — Я подготовила для вашего ознакомления различные бумаги моего отца.

Она указала на несколько переплетённых тетрадей, лежащих на маленьком столике рядом с моим креслом.

— Мне было бы очень приятно, сэр, если бы вы их просмотрели.

— Мисс Брингхоум... Я едва ли чувствую себя компетентным для такого...

— Я лишь хочу, чтобы вы прочли тетради моего отца. Вот и всё, о чём я прошу. И чтобы вы написали краткий отчёт с вашим честным мнением о коммерческой жизнеспособности этой работы. Видите ли, я очень хочу восстановить репутацию моего отца, и чтобы это сделал такой академик, как вы.

— Если позволите... не слишком ли поздно для... — Я едва мог закончить фразу.

— Сэр! Вы говорите о запоздалости с той, кто так стара, как я? Я ждала много лет, пока кто-то проявит интерес к работе моего отца. Поверьте, я не поскуплюсь.

Хотя бы для того, чтобы успокоить даму, я быстро согласился на названную сумму. По правде говоря, мне уже не терпелось забрать бумаги с собой, чтобы изучить их подробнее. Однако и этому она воспротивилась:

— Я не могу позволить, чтобы эти бумаги исчезли из поля моего зрения, — сказала она. — Поэтому я попрошу вас принять гостеприимство моего дома, пока вы будете готовить отчёт.

Так началось моё пребывание в доме старушки. Я переехал туда на следующий же день, взяв с собой немного провизии, одежды и кое-какие учебники. Мне отвели просторную комнату; ту самую, как мне сообщили, в которой спал её отец. Лишь ненадолго задумавшись о причудливом пути, который привёл меня к этой страннейшей задаче, я открыл первую тетрадь профессора Брингхоума и начал читать:

— Некоторые люди, — начинал он, — впечатывают себя в киноплёнку, фотопластинку, живописный портрет, пиксели, виниловый диск, видеоэкран. Признавая их магическое присутствие, мы называем таких людей фотогеничными, аудиогеничными. Или, проще говоря, да-

же если они уродливы, мы называем их красивыми. Мы говорим, что у них есть «харизма», от греческого *kharis*; религиозный термин, означающий дарованную свыше силу или талант. Утверждение, что эти избранные принадлежат не только своему времени, но и всем временам, — давняя поэтическая истина. Однако теперь я верю, что подобная трансцендентность является физическим фактом самой Вселенной. Великие и добрые не умирают; скорее, их материальная основа преобразуется в чистый, неразбавленный образ, живой и заключённый в следах всего, к чему они прикасались. Там они и ждут нас, рассеянные в облаках информации, в ожидании лишь изобретения подходящего собирающего устройства.

По правде говоря, это был стандартный для того времени текст; необычной казалась лишь последняя мысль — о том, что харизма является физическим свойством Вселенной. Безусловно, в моих чтениях я прежде не встречал такой идеи. Я автоматически предположил, что профессор говорит аллегорически. Но по мере того как проходили мои дни и ночи в этом доме, я стал понимать, что за философскими рассуждениями скрывалась материальная, хоть и несколько бредовая амбиция. Он, очевидно, верил, что такую машину можно построить; машину, которая будет собирать харизму из эфира. Он называл это Машиной Харизмы.

Сложные уравнения и замысловатые математические диаграммы (лишь некоторые из которых я мог понять) постепенно сходились к одному повторяющемуся образу: двум спиральям, закрученным друг вокруг друга, подобно акробатическим змеям. Сначала я принял их за изображение структуры ДНК, на что наводили многочисленные ссылки на так называемые генетические свойства образа — процесс, который профессор именовал «фотогенетическим континуумом». Лишь постепенно до меня стало доходить, что это были на самом деле диаграммы самой машины; чертежи, если угодно, Машины Харизмы.

Я чистосердечно признаюсь, что все эти идеи показались мне более чем трудными для восприятия. Профессор утверждал, что существующую технологию извлечения образов можно усовершенствовать и значительно улучшить с помощью его изобретения, чтобы производить не просто копию образа выбранного человека, а точную реплику. «Резонанс в поле харизмы, — словами самого Брингхоума, — совершенно неотличимый от своего материального источника». И как будто этого безумия было мало, он далее заявлял, что «успешная Машина Харизмы станет питательной средой; я имею в виду, что продукты извлечения будут обладать сознанием. У них будет собственная жизнь».

Вскоре после этого отрывка впервые упоминается Люсинда Тангбрайт. Её имя было лишь одним в длинном списке возможных. Однако оно было подчёркнуто другой ручкой, словно в более позднее время. И с этого момента тетради заполнились размышлениями о её жизни и творчестве. Разумеется, это напомнило мне о моей собственной растущей одержимости.

Всё это время я почти не видел дочь профессора. Хозяйка дома большую часть времени оставалась в своих покоях. Что касается молодого безмолвного слуги — я видел его лишь тогда, когда заказывал еду. Большого просить я не мог. Так прошла первая неделя.

К тому моменту я добрался до раздела бумаг, касающегося спонсорства «Ксикона». Компания проявила огромный интерес к заявленным профессором идеям «полностью усовершенствованной репликации», хотя в переписке он нигде не упоминал идею обладания сознанием, словно понимая, что подобные мысли строго для личного пользования. Проект «Распространение», как его стали называть, был престижным предприятием для университета, и из его записей было ясно, что Брингхоум испытывал огромное давление, чтобы представить результаты. Возможно, именно это заставило его отбросить всю принятую научную осторожность. Как иначе объяснить его решение представить первую пробную реконструкцию, используя лишь непроверенный прототип Машины Харизмы? Люсинда Тангбрайт была его избранным субъектом. На эту демонстрацию были приглашены члены правления университета вместе с директорами «Ксикона».

В сложившихся обстоятельствах, пожалуй, удачей стало то, что воскрешённый образ мерцал жизнью чуть более двух минут. Две минуты, в течение которых (согласно взволнованному отчёту профессора) полуголодная мисс Тангбрайт плевалась и выла, словесно оскорбляя своего создателя; две минуты драгоценной жизни, в течение которых она изрыгала кровь и пыталась физически напасть на одного из директоров «Ксикона». С некоторым нежеланием профессор выключил Машину Харизмы; образ рассеялся в разрежённом, вопящем воздухе.

Даже принимая во внимание лихорадочное восприятие профессором того события, в такое поверить трудно. Образ, способный производить слюну, кричать, физически — физически! — нападать на человека? Нет, я не мог позволить себе верить в такие чудовищности. Скорее всего, профессор преувеличил; скорее всего, образ мисс Тангбрайт был воспроизведён с ошибками. Какая-то неполадка в механизме заставила образ казаться живее, чем это было возможно.

Но всё же нечто неординарное произошло в тот день в медиалаборатории университета. В течение недели «Ксикон» отозвал своё спонсорство, а Брингхоуму дали месячный срок для ухода с должности. Однако он был настолько разгневан таким обращением — и тетради на этом месте буквально взрываются желчью, — что профессор ушёл при первой же возможности, забрав с собой все свои наработки.

Очевидно, обладая независимыми средствами, он уже оборудовал собственную лабораторию, в этом самом доме, где я теперь жил и спал. Здесь он продолжил свои исследования в одиночку, пытаясь сконструировать усовершенствованную версию Машины Харизмы. Лишь после года интенсивной работы он счёл себя готовым вызвать из прошлого ещё один образ, и снова — мисс Тангбрайт. И снова попытка провалилась, на этот раз образ просуществовал всего пять секунд. Профессор теперь избегал всякого человеческого контакта. Можно лишь представить страсть, что питала его в последующие два года. Наконец, он поверил, что внёс необходимые корректировки, и на этот раз решил позволить образу появиться «лишь с той скоростью, какую она сама пожелает».

Здесь начинается самая странная часть записанного отчёта. 22 августа 2053 года Брингхоум активировал машину для того, что назвал «последней и окончательной попыткой страстно проникнуть в прошлое». Здесь, впервые, тетради пусты. Следующая запись датирована семью днями позже. Она начинается так: «Я вытащил её из воздуха. Сначала лишь рябь волны в центре машины. Принцесса сомнения». Затем он начинает обращаться к образу во втором лице. «Медленно, твоя форма собирается, забирая молекулы из сферы. Создание из пыли с самым слабым намёком на очертания. И затем начертанное, живое в масках тёмного света. Моя принцесса кодов, как они смеют хулить твою внешность. Моя девочка-пазл, моя леди грёз!» Следующая запись, более сдержанным почерком, гласит: «Точное количество харизмы в любом конкретном поле всегда является фиксированной, постоянной величиной. Этим я хочу сказать: чтобы осуществить успешное воскрешение, некое другое, менее значительное тело должно уступить свой образ. Система остаётся в равновесии. Пусть так; несомненно, любая жертва достойна такого видения. Люсинда будет принадлежать только мне». А затем, на отдельной странице: «Завтра она будет жить!» На этом последняя тетрадь заканчивается.

С несколько трепещущим сердцем я закрыл том. Я сидел в библиотеке, где Хильдегард Брингхоум впервые приветствовала меня; сидел за

тем самым письменным столом, за которым, без сомнения, её отец вёл эти записи. Я не мог не вспомнить, что профессор умер в 2053 году, в тот самый год своего финального эксперимента. Неужели это странное предприятие — или его провал — каким-то образом привели к его кончине?

Комната погрузилась в темноту, если не считать нескольких догорающих свечей, при свете которых я читал. Я не чувствовал времени и, взглянув на карманные часы, с удивлением обнаружил, что уже за полночь. Библиотека, казалось, была наполнена иным присутствием, словно записи профессора оживили воздух. И затем я медленно осознал, что это чувство — не иллюзия. Я обернулся и увидел мисс Брингхоум, восседающую на своём обычном месте. К тому времени я уже привык к её внезапным появлениям, но всё же — как мог я не встревожиться?

— Вы закончили, как я вижу, — сказала она. — И у вас сложилось мнение?

— Да, сложилось.

Собравшись с духом, я продолжил:

— Мисс Брингхоум... Я считаю, что ваш отец, при всей его несомненной компетентности, находился во власти глубочайшей иллюзии.

Старушка помолчала мгновение. Затем она позвонила в маленький колокольчик у своего кресла, что призвало в комнату молодого слугу. Я уже подумал, что меня сейчас выставят из дома. Вместо этого она сказала слуге:

— Уильям, добрый джентльмен желает посетить мастерскую.

Не успев ничего ответить, мисс Брингхоум повернулась ко мне:

— Лаборатория моего отца, — пояснила она. — Я встречу вас там.

С того самого момента, как мой взгляд упал на имя Люсинды Тангбрайт, я чувствовал себя во власти некой высшей силы; теперь же, следуя за слугой вниз по короткой лестнице в подвал дома, я понимал, что эта сила полностью завладела мной. Лестница вела в короткий коридор, в конце которого слуга отпер тяжёлую дверь. Внутри тёмная, подобная пещере комната была подчинена крупной цилиндрической конструкции. Даже в темноте у меня не было сомнений в её природе. Аппарат был около шести футов в высоту и четырёх в диаметре и состоял из широкого основания, из которого вверх поднималась пара переплетённых труб. Трубы были из латуни или похожего металла и были изогнуты так, что оставляли проход в пустое пространство в самом центре машины. Я не смог сдержать громкого возгласа:

— Машина Харизмы!

— И всё ещё не верите? — прозвучал голос позади меня.

Обернувшись, я увидел, что Хильдегард Брингхоум приближается по коридору. Она проплыла мимо меня, чтобы занять позицию рядом с машиной.

— Неужели теперь вы напишете благоприятный отчёт?

— Я... я... — Заикаясь, я произнёс слова, которые будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь: — Мне пришлось бы увидеть её в действии.

Старушка пристально, на мгновение, посмотрела на меня, а затем кивнула слуге. Тот молодой человек привёл в действие несколько переключателей, встроенных в основание машины, отчего трубы загудели какой-то призрачной энергией, а центральное пространство засветилось ожиданием. Мягкое свечение просочилось в кожу мисс Брингхоум, и она обрела энергию, какой я у неё никогда не видел, словно подпитываясь силой машины. Она двигалась вокруг Машины Харизмы с поистине юношеской силой, направляя слугу в его работе и время от времени глядя на меня с безумным выражением на лице.

Но даже при моих ограниченных познаниях о Машине и её процессах, я видел, что аппарат отчаянно нуждается в починке. Трубы теперь издавали ужасающий шум, будто вопли множества электрифицированных душ, а свет внутри плясал хаотично, в балете искр. Казалось, машина всасывает в себя воздух, так что я едва мог дышать; и каждый вдох, который мне удавалось сделать, был пропитан зловонием, которое я мог лишь вообразить, как запах горячей плоти! Я чувствовал, что могу упасть в обморок, настолько всё это было невыносимо.

И тогда я увидел тень, формирующуюся в центре машины; тень, которая вытягивала субстанцию для себя из окружающего воздуха, с каждой секундой становясь темнее и пронизываясь огненными жилами. Я едва мог двигаться. Неужели я наконец увижу образ Люсинды Тангбrait, возникающий передо мной?

Но образ казался слишком тёмным, слишком плотным. Это была форма мужчины, формирующаяся внутри цилиндра света. Возможно, какая-то бедная, случайная душа протаскивалась сквозь. Но нет; по мере того как фигура уплотнялась, а лицо обретало некоторое подобие человеческого — с шоком я узнал его. Это искажённое болью, разбитое лицо, этот полуоформленный рот, разорванный отвратительным криком — это были мутировавшие черты самого профессора Александра Брингхоума!

И я вспомнил прочитанное ранее: теории профессора об обмене харизмой оказались верны. Чтобы Машина Харизмы заработала, она поглотила образ своего собственного создателя. Очевидно, машина всё ещё работала неправильно, возможно, из-за своего возраста. И теперь тот же создатель был заперт в её силовом поле, воя, чтобы его освободили.

От шока я вышел из оцепенения. Мисс Брингхоум стояла рядом со мной, созерцая с восторгом заточённый образ её отца. Не глядя на меня, она сказала:

— Ну, теперь вы верите?

Не успел я вымолвить ни слова, как двое сильных рук схватили меня сзади. Это был слуга, Уильям. По указанию мисс Брингхоум он силой приближал меня к Машине. Они намеревались обменять меня! Напитать машину моим образом, чтобы освободить профессора.

Я изо всех сил сопротивлялся, но моё тело казалось почти пустым, словно процесс уже начался. Лишь когда моё лицо оказалось прямо на пороге открытия, и я почувствовал, как мой дух вытягивают из меня, я нашёл последний остаток сил. С титаническим усилием мне удалось развернуться, увлекая за собой слугу. Теперь этот молодой человек оказался на моём месте: прижатый к отверстию Машины Харизмы. Я услышал крик мисс Брингхоум и почувствовал, как холодная дрожь пробежала по мне. Затем, без тени сожаления, я оттолкнул от себя слугу.

Машина приняла его. На мгновение две фигуры внутри — тень профессора и ужасная, барахтающаяся форма слуги — словно исполнили странный танец, извращённый вальс. Раздалась вспышка света, поглотившая их обоих, и из которой в итоге вышел лишь один.

Это был профессор. Вернее — его образ. Паря над распростёртым телом слуги, эта мерцающая, прозрачная форма подняла руки к лицу, возможно, в неверии. Лишь глаза этой фигуры хранили подобие настоящей жизни; они, полные жгучего желания, устремились на улыбающееся лицо мисс Брингхоум. Спускаясь теперь из недр Машины, профессор поплыл ближе к распахнутым объятиям дочери.

Я стоял в стороне, всё ещё в глубоком шоке от событий последних минут. Впрочем, меня в этой комнате могло бы и не быть — так мало внимания уделяли мне эти двое. Медленно, словно робея перед утраченными годами, отец и дочь сошлись в осторожном объятии.

И лишь тогда я осознал, что у профессора никогда не было дочери и что его первоначальный эксперимент оказался слишком успешным. Ибо на моих глазах мисс Брингхоум сбросила образ старухи, а затем и образ

той прекрасной молодой женщины, что я иногда угадывал под ним. На их месте стоял бескомпромиссный облик Люсинды Тангбrait, правда, созданный из света, а не из плоти. Я вспомнил тогда слова из последней тетради профессора: «Люсинда будет принадлежать только мне».

И два прозрачных силуэта обвили друг вокруг друга, в интимном отражении Машины Харизмы, что возвышалась за ними.

Не говоря ни слова, я покинул комнату. Я быстро поднялся по лестнице и вышел через парадную дверь. Я даже не остановился, чтобы собрать свои вещи. С меня было достаточно того, что я уносил с собой вот это своё тело; эту дрожащую, плотную, неуклюжую мешанину из плоти и крови.

КОСМИЧЕСКАЯ ТОСКА И СЕРДЦА-КОРАБЛИ

Этим утром газеты и телевидение были заполнены снимками неба, озарённого огнём. Теперь, когда британская лунная ракета наконец-то запущена, я чувствую себя обязанным рассказать о моём собственном путешествии на Луну. Считайте меня сумасшедшим или просто лжецом; решать вам, кто бы вы ни были и в каком мире ни обитали.

Пять лет назад меня пригласили в команду учёных, ответственных за расчёт траектории полёта. Будучи первым ассистентом уважаемого профессора Лукаса Галла, ведущего специалиста страны по гравитационной науке, моей работой было помочь ему вычислить оптимальный курс для миссии, взвесив мириады факторов небесной механики.

Но то, что мы обнаружили на самом деле, стало совершенно новым миром для исследований.

Осмелюсь утверждать, что первое наблюдение было сделано мной: я стал свидетелем лёгкого всплеска на одной из приборных панелей; крохотного изгиба в гравитационном поле Земли, который легко было проигнорировать. К счастью, на следующий день я доложил о своей находке Галлу. Разумеется, большинство старших астрономов мгновенно отмахнулись от аномалии, назвав её вычислительной ошибкой. Либо же, если она и реальна, слишком незначительной, чтобы о ней беспокоиться.

Мы трудились много месяцев, профессор и я, чтобы выследить причину отклонения. Чистосердечно признаю, я тоже не поверил, когда Галл пришёл к своему ошеломляющему выводу; а именно, что у планеты Земля есть вторая луна, следующая в тандеме с первой. Лёгкая нечёткость на экране была на самом деле тенью другого спутника, находящегося где-то на орбите, невидимого и странного. Чтобы соответствовать показаниям приборов, эта дополнительная луна должна была быть чрезвычайно малой и чрезвычайно близко к Земле.

Профессор Галл умолял власти отменить запуск, поскольку присутствие второй луны могло пагубно сказаться на траектории полёта. Конечно, они сочли его ошибающимся, заблуждающимся, даже безумным — ведь разве американцы не совершили это путешествие годами ранее, без подобных проблем? Аргументы Галла привели к тому, что его отстранили от проекта.

Так вышло, что опозоренный учёный и я начали нашу собственную миссию, чтобы выяснить точный размер и орбиту Луны-Два, как мы назвали новое открытие. Работая из собственной лаборатории Галла,

мы провели ещё год в постоянных поисках и разочарованиях, выживая на гроши, пока не смогли быть уверены в наших расчётах. Вторая луна вращалась точно в том же ритме, что и Земля, всегда паря над одной и той же точкой на планете, и эта точка была где-то в городе Манчестер, в Англии. Двадцать четыре фута над поверхностью — вот где находилась луна-близнец, и всего 11,0457 дюймов в диаметре. Дальнейшая работа позволила нам определить её точные координаты: название улицы и даже номер дома. Нехитрые расспросы выявили, что дом принадлежит некой миссис Глэдис Селене. Согласно документам, она жила там одна.

Был, помню, ранний вечер, когда мы прибыли, но уже стемнело. Дом ничем не отличался от других на улице: небольшое муниципальное жильё, две комнаты вверх, две вниз. Тусклый жёлтый свет исходил из окна наверху.

Дверь приоткрыла на крошечную щель женщина средних лет. Галл ворвался внутрь, оттолкнув женщину в сторону. Она принялась кричать и спорить, но затем внезапно рухнула, словно годы борьбы разом вышли из неё. В слезах, пьяная от дешёвой водки и смирившаяся с нашим вторжением, она жестом велела нам подняться наверх.

В передней спальне мы нашли её единственного ребёнка, мальчика лет десяти. Его звали Джо, сказала она нам; Джозеф Селена. При первом взгляде я мог лишь поразиться тому, как невероятно толст был этот мальчик. Затем я увидел, что его раздутый, распухший живот на самом деле светится пульсирующими волнами чистого янтаря, единственного источника света в комнате. Мальчик провёл всю свою жизнь в этом маленьком пространстве, без учёбы или контактов. Он не умел ни говорить, ни писать, и проживал свои дни в мучительном одиночестве. Лишь развешанные по комнате карты Луны, снимки с первых полётов и модели космического корабля «Аполлон-11» приносили ему покой. Из наших расспросов Глэдис выяснилось, что Джо был зачат ею от коммивояжёра, чьё имя она не могла вспомнить, как и его намерения, кроме того, что тот продавал дешёвые атласы.

Измерительные приборы ввели в вены Джо и сделали сканирование тела. На распечатке проступило тёмное, ядовитое пятно, напомнившее мне не что иное, как тот самый первоначальный всплеск, что я видел на гравитационных показаниях.

Едва могу утверждать следующее, не вспоминая свой ужас от этого откровения: вторая луна жила у мальчика в животе, отчаянно стремясь родиться.

— Прекрасно... — прошептал Галл. — Совершенно прекрасно...

Он решил, что Джо лучше не перемещать, «дабы не потревожить гравитационное поле», так что мы перенесли всё наше оборудование в дом, устроив там полевую лабораторию. Мне предстояло бодрствовать всю ночь, стоя на страже; ночным стражем второй луны Земли. Оставшись один, я присел в кресло у кровати мальчика. Я очень быстро поддался медленному, пульсирующему ритму лунного света. Я чувствовал, как луна направляет меня в царство снов...

Внезапно. Где я?

Пустой серый ландшафт, испещрённый ямами. Я представляю, что это внутренность черепа Джо, извилистая поверхность его мозга, вяло мыслящего. Пока фигура в костюме, похожем на гриб-дождевик, не появляется, медленно подпрыгивая над горизонтом. Он одет в старомодный скафандр НАСА, давно изученный по старым записям высадок «Аполлона». С лицом, скрытым за стеклом визора, астронавт говорит усталым тоном, слова прерываются радиопомехами:

— Прошло много времени, — потрескивает он.

— Кто вы? — спрашиваю я, мои собственные слова, парящие в разрежённой гравитации этого охваченного сном мира.

— Неужели никто не помнит?

Я бросаю взгляд на бирку с именем на его скафандре.

— Коммандер Армстронг? «Аполлон-11»?

Фигура медленно кивает, отражения Земли мелькают, словно шарики для пинбола, в темноте его шлема.

— Но чего вы хотите? — спрашиваю я. — То есть... что вы здесь делаете? Я хочу сказать... Я думал, вы...

— Умер? Да. Много лет назад, но есть ещё путешествия, которые нужно совершить. Я приземлился на спутнике Селена, чтобы выполнить миссию.

— Миссию? А что насчёт мальчика?

Я проснулся в темноте раннего утра. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что не так. Темнота! Мальчик! Я в панике вскочил со стула, только чтобы больно удариться головой о стену. Кто-то, должно быть, переставил меня ночью. В испуге я попытался сориентироваться... Вспышка! Ожог сетчатки. Свет залил меня, как при старте.

Галл и мать мальчика ворвались в дверь. Один из них включил верхний свет и обнаружил меня, сжавшегося в углу и кричащего. Мой стул был втиснут вплотную к стене, далеко от своего первоначального места. Вся мебель отодвинулась от кровати мальчика, отброшенная более мощной силой. Пластиковые модели лунных ракет лежали разбитые

повсюду. Джо Селена лежал на кровати, слегка шевелясь; живой в точке эпицентра.

Галл бросился к своему любимому оборудованию, которое было полностью обесточено, темным-темно; женщина — к любимому ребёнку, с неверием касаясь рукой дряблых складок пустой кожи там, где живот некогда поглощал её мир. Свет ушёл оттуда, чтобы перетечь в глаза мальчика; чтобы перетечь, улыбаясь после всего, куда-то ещё...

— Что случилось? — тряс меня Галл. — Что здесь произошло? Где свет?!

Я улыбнулся.

— Он взлетел, Галл.

Затем я не мог остановить смех.

— Он взлетел! Нил Армстронг! Он взлетел без нас!

ДАБ-КОРАБЛИ

(блюз для пропавшего астронавта)

небо в огне
зови меня сумасшедшим или просто лгуном
мир, что ты населяешь
где бы ни был, какой ни был
небо в огне

это было давно
очень-очень давно

дать небу поглотить
орбитальную пустоту
зови меня лунным безумцем
тёмный в тени, теневой мальчишка
в чреве «Аполлона»

это было давно,
очень-очень давно

мы летим траекторией яда
грезим о звездолётах
в тисках гравитации
бесконечно падая
спим в вычислениях

это было давно
очень-очень давно

любимое снаряжение
путешествие, ниспосланное с небес
отрыв на сетчатке
простор боли
вкушая иллюзию взлёта

это было давно
очень-очень давно

череп в огне
мать на проводе
он взлетел без нас
где-то и когда-то
череп в огне

это было давно
скорости растут
апогей сердца
касание и приземление
было давно, очень-очень давно

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ОБЪЯТИЯ ОТРАЖЕНИЙ

ОБРАЗЦЫ

Клетка была небольшой, примерно десять на десять сантиметров в основании и пять в высоту. Кто-то поставил её прямо на проезжей части. Назвать это клеткой — пожалуй, преувеличение; она была сделана из мелкой проволочной сетки. Дверцы у неё не было.

Внутри клетки — червь. Обычный дождевой червь (*Lumbricus terrestris*), сантиметров пять в длину, довольно толстый, со слегка вздутой серединой.

Было раннее утро, только пробило семь. Небольшая кучка людей уставилась на клетку, любопытствуя, но не более того. Никто не видел, как её здесь оставили. Из-за собравшихся пришлось остановиться трамваю. Вагоновожатый спустился из кабины, чтобы урезонить людей, перегородивших путь. Они указали ему на клетку. Тогда жоатый попытался сдвинуть её рукой. К своему удивлению, он обнаружил, что клетка намертво приклеена к асфальту каким-то составом. Рассердившись и опасаясь за график, вагоновожатый отогнал людей в сторону и забрался обратно в кабину. Он завёл трамвай и медленно поехал вперёд.

Клетка лежала прямо на левом рельсе.

Трамвай наехал на неё в упор, раздался хруст; трамвай продолжил движение. Жоатый не остановился, чтобы оценить повреждения.

Клетка была смята, погнута набок, а сетка — порвана. Червя выдавило через прореху, и он лежал, извиваясь, в двух частях на асфальте. Толпа рассеялась, словно ничего и не произошло. Вскоре кто-то наступил на одну из половинок червя и раздавил её. Скорее всего, этот человек даже не заметил, что сделал.

Что случилось со второй половиной — никто не знает.

* * *

Два дня спустя, примерно в то же время, обнаружили ещё одну клетку. Она стояла на том же месте — на коротком участке Маркет-стрит, что ведёт от площади Пикадилли-Гарденс в Манчестере. Сделана она была из тех же материалов, что и первая, только размером побольше — пятнадцать на пятнадцать сантиметров в основании и столько же в высоту. Ячейки сетки были крупнее. Дверцы у неё не было.

Внутри клетки — мышь. Обычная полевая мышь (*Apodemus sylvaticus*), серого цвета, с чистой шёрсткой и длинным розовым хвостом, которым она время от времени довольно помахивала.

И снова трамвай остановился, и вагоновожатый попытался сдвинуть клетку рукой, но безуспешно. Тогда он решил сдвинуть её своим транспортным средством. Один-два человека из толпы пришли в ужас от такой жестокости и яростно запротестовали. Вожатый и слушать не стал.

Он не остановился, чтобы оценить повреждения.

Об этом инциденте написали на седьмой странице «Манчестер Ивнинг Ньюс».

* * *

Пять дней спустя нашли клетку ещё больше. На этот раз метр на метр в основании и шестьдесят сантиметров в высоту, с прочными стальными прутьями по бокам и сверху. Она была намертво зацементирована к рельсам. Никто не видел, как её здесь оставили. Дверцы у неё не было.

Внутри клетки — собака. Дворняга (*Canis familiaris*), возможно, помесь колли и овчарки. Светло-палевого окраса с пятнами приглушённого коричневого цвета там и сям. Она рычала и, очевидно, сильно страдала, поскольку клетка была для неё слегка тесновата. Собака снова и снова крутилась на месте, бодалась головой о прутья, пытаясь ухватить их пастью.

Собралась большая толпа, люди толкались, стараясь разглядеть поближе. Одна женщина опустилась на колени рядом с клеткой, пытаясь утешить бедное создание. Собака зарычала на неё — то ли от злости, то ли от страха.

Перед клеткой встал трамвай. За застрявшим вагоном выстроилась длинная вереница автобусов и других трамваев. Кто-то вызвал полицию. Через десять минут прибыла патрульная машина, и озадаченный офицер запросил по рации подкрепление. Вскоре полиция взяла площадь под контроль, перенаправив движение и пытаясь оттеснить зевак, пока рабочие спиливали прутья.

Собаку освободили и отвезли в участок. Затем рабочие демонтировали и увезли клетку, расчистив проезжую часть.

Об этом инциденте рассказали в вечерней программе местных новостей, а затем его подхватили и федеральные СМИ. Историю связали с

двумя первыми случаями — с червём и мышью. Би-би-си дала сюжет в программе «Девятичасовые новости» в качестве завершающего.

К этому моменту большинство жителей Манчестера уже слышали о странных происшествиях, и слухи в пабах, гостиницах, ресторанах и прачечных множились. Некоторые были уверены, что это политическая акция организации за освобождение животных. Другие утверждали, что это просто безвкусная шутка сумасшедшего. Некоторые даже усмотрели в этом гениальное произведение искусства, едкий протест против бесчувственного общества.

Полиция, со своей стороны, провела экспертизу собаки. Её шерсть была покрыта семенами травы, кусочками засохшей еды и обычной популяцией блох. По-настоящему интересной находкой стало лишь пятно серебристой краски, обнаруженное за одним ухом. Химический анализ показал, что краска имеет неизвестный состав.

Полиция также изучила записи с различных камер видеонаблюдения в Гарденс. Все пять камер оказались неработоспособны в ранние утренние часы.

На следующий день на том же месте собралась небольшая толпа. Люди заинтриговались; им хотелось посмотреть, что будет дальше. Увидеть диковинку собственными глазами. К несчастью, дорога была совершенно свободна, и спустя полчаса толпа рассеялась. На следующий день там ожидала уже меньшая группа, но клетки снова не появилось. С каждым днём народу собиралось всё меньше, пока прохожие не стали лишь бросать на это место беглый взгляд по пути, прежде чем продолжить свой маршрут.

* * *

Спустя двенадцать дней после случая с собакой, когда всем уже было всё равно, появилась четвёртая клетка. На этот раз самая крупная: примерно три с половиной на три с половиной метра в основании и три метра в высоту. Прутья были расположены с промежутками в пять сантиметров. Дверцы у неё не было. Должно быть, её установили на место в безлюдные предрассветные часы. Но как именно её туда установили — никто объяснить не мог.

Внутри клетки — лошадь. Чистокровная кобыла (*Equus caballus*), с блестящей чёрной шерстью и гривой цвета тёмной ночи. Она стояла в клетке прямо и спокойно, совершенно неподвижно и с виду невозмути-

мо. Лишь изредка воздух нарушался фырканием из её ноздрей да облачком пара от дыхания на холодном воздухе.

Всю площадь оцепили, пока полиция решала, что делать с помехой. Собралась огромная толпа, которая лишь росла с каждым часом. Для съёмок события и всеобщего замешательства прибыла съёмочная группа. Рабочие спилили прутья и выпустили лошадь в опытные руки ветеринара. Бедное животное быстро осмотрели и погрузили в повозку. Рабочие же приступили к демонтажу клетки. На эту операцию ушло три часа, и даже после этого дорожное покрытие было безнадёжно испорчено.

В тот день через площадь Пикадилли-Гарденс не проехал ни один трамвай.

Инцидент осветили во всех новостных программах и в каждой ежедневной газете. В интернете появилось несколько сайтов, посвящённых клеткам и их разнообразным обитателям. Полиция установила круглосуточное дежурство, а съёмочная группа и большая толпа зрителей оставались на площади всю ночь напролёт, надеясь увидеть, как устанавливают следующую клетку. Все ждали, что кто-то, какая-то группа, непременно выйдет и возьмёт на себя ответственность. Никто не вышел.

И люди ждали. Казалось, вся страна замерла в одном и том же состоянии лихорадочного ожидания.

Понадобился двадцать один день, чтобы последний, горько разочарованный человек покинул это место.

* * *

И пятьдесят семь долгих, одиноких дней спустя после этого разочарования...

Внутри клетки — ягуар. Ягуар (*Panthera onca*), уроженец Центральной Америки; огромный рычащий зверь, извергающий своим дыханием знойные думы о родных краях. Крупные чёрно-оранжевые пятна, мечущийся в своей тесной арене, скованный клеткой — но лишь отчасти.

Никто не смел подойти близко; вместо этого вокруг клетки образовалось кольцо страха. Время и город замерли, словно зверь управляет ходом часов. Чтобы безопасно усыпить и выпустить существо, потребовалось два дня, и даже в оглушённом виде оно вселяло ужас.

Об инциденте сообщили по всему миру, его обсуждали в Парламенте. Безумные памфлеты предлагали тщетные объяснения; отчаявшийся

человек явился с повинной, желая быть наказанным. Полиция отпустила его после двух дней допросов. Были наспех составлены синопсисы для книг и фильмов, и многие из них нашли своего покупателя. На рынок выпустили серию игрушечных клеток — пять штук в коллекции, с точными моделями червя, мыши, собаки, лошади и ягуара. В каждой клетке был свой секретный механизм, открывавший решётку и высвобождавший существо. Это стал самый популярный рождественский подарок того года.

А потом — ничего. Новая клетка не появлялась. Месяцы проходили за месяцами. Люди строили догадки, что процесс завершён. Разговоры сошли на нет, превратившись в воспоминания, а затем и вовсе в отрицание. Осталось лишь несколько шуток, и только.

* * *

Ровно через год после самого первого происшествия, наконец, таинственным образом появилась следующая клетка. Она была метр двадцать на метр двадцать в основании и почти два метра в высоту. Прутья с промежутками в семь с половиной сантиметров. Крепление к дороге было столь основательным, что казалось, у клетки глубокий фундамент. Во всех отношениях она походила на предыдущие пять, за одним-единственным исключением: у неё была дверца. Дверца, которая была открыта, слегка приоткрыта, и большой, тяжёлый висячий замок, болтавшийся на усиленной скобе. Замок не был застёгнут, и крошечный зазор между дужкой и корпусом дразнил, притягивая взгляд. Ключа в замочной скважине не было. Захлопнувшись однажды, дверца осталась бы закрытой навсегда.

Внутри клетки — никого. Ничего, пустота. Томительное ощущение чьего-то отсутствия; и люди, огромная толпа людей, что молча вглядывалась в клетку, думали: наконец-то, наконец-то, кое-кто сумел сбежать!

Пока до них не дошло.

Клетка ждала...

Человек, мужчина средних лет (*Homo sapiens*), одетый строго, словно для похода в страховую контору, вышел вперёд из толпы.

Он двинулся к клетке.

ПРИЗРАЧНЫЙ НОЛЬ

Этой ночью мы взяли пятерых. Неплохо получилось. Мистер Боун говорит, что мы почти выходим на плановые показатели. Я-то думал, это и вправду круто, пока Клингфильм не сказал, что это ни хрена не значит, что до бонуса нам ещё как до луны. Были у нас, так сказать, плохие дни. Были такие дни, когда мы почти никого не брали. Но сейчас навёрстываем. Этой ночью мы взяли пятерых.

* * *

Этой ночью мы взяли троих. Неплохо. Но не так круто, как вчера.

* * *

Сегодня мы не взяли никого. Бывают и такие дни. Никого. Иногда одного, чаще двоих. Иногда троих. Иногда пятерых. Один раз взяли шестерых, и один раз — семерых. Это наш рекорд за один раз — семеро. Тогда был особый день, нам призы дали. А четверых мы никогда не брали, ну, за один раз. Я думал, это просто странная удача, пока Мистер Боун не объяснил, что четверых вместе не увидишь, они эту цифру не любят. Он и сам не знает, почему они её не любят, и Иди не знает, и даже Шива, которая думает, что знает всё на свете. Но сегодня мы не взяли никого, что то же самое, как если бы взяли четверых, потому что четверых ты никогда не берёшь, ну, за один раз. Но Мистер Боун говорит, что так считать — читерство.

* * *

Этой ночью мы взяли двоих. Не хорошо, не плохо, обычное дело для одной смены, ночной или дневной. Больше всего я люблю ночные выезды. Все твердят, что ночью опаснее, потому что они в основном по ночам вылезают, и поэтому за ночную смену платят больше, но мне всё равно. Мне не важно, сколько платят, лишь бы брать по максимуму. Все надо мной смеются из-за этого, потому что они только о деньгах и говорят, о премиях и бонусах, кроме Иди, которая вообще мало говорит, и кроме Шивы, которая слегка поехавшая, но кому какое дело, ведь она ловит их больше всех. Вот и выходит, что только Мистер Боун и Клинг-

фильм о деньгах и толкуют. И хватит. Больше всего я люблю время около трёх или четырёх утра, когда весь город будто только наш. Такие тихие улицы, почти что нежные. Ты даже не едешь, а будто плывёшь по Манчестеру. Этой ночью мы взяли двоих.

* * *

Сегодня мы взяли ещё двоих. Многовато двоек набирается. Скоро нам опять придётся брать троих, и пятерых, и шестерых, и кто знает, может, даже семерых. Лучший результат, который когда-либо брал любой экипаж за раз — девятка, но это был экипаж «Мамбо Суицид», они легенды по части лихой охоты, да и вообще они чистят Гортон-блок. В Гортоне стоит только за дверь шагнуть — и ты уже пяток поймал, они там повсюду. А мы работаем в районе Ливенсхьюма, их тут куда меньше, и сегодня мы взяли двоих.

* * *

Этой ночью мы взяли троих. Раньше я бы назвал это хорошим результатом. А теперь это — отстой. Мистер Боун ругается, Клингфильм орёт, что всё, прощай премия, Иди замирает всё больше, а Шива бесится в фургоне, требует выпустить её на волю. Нас пятеро. Мы экипаж «Призрачный Ноль». В экипаже всегда пятеро. Мне кажется, это даже клёво, что нас пятеро, потому что один может остаться с фургоном, а остальные четверо — пойти в патруль. Так что, если держаться вместе на улице, тебя ни за что не примут за их банду, верно? Потому что четвёрками они не ходят. По крайней мере, так Мистер Боун объясняет. Мистер Боун — босс, Клингфильм — водила, Иди — следопыт, а Шива... Ну, Шива — это просто Шива, понятно? Она — со стволом. Она сотни таких поубивала за эти годы. А я? Я — пацан, ученик. Это мой первый экипаж. Я ещё никого не ловил. Я только тащу их к фургону и снимаю шкуры.

* * *

Сегодня мы не взяли никого. Я даже говорить об этом не хочу.

* * *

Сегодня мы взяли одного. Что тут скажешь? Мы просто выехали, Иди вела по следу, мы нашли одиночку, поймали его, убили, я снял с него шкуру, и всё. Остаток дня мы просто катались по улицам, и я пытался поговорить с Иди, сказал, что хотел бы когда-нибудь стать следопытом, но она мне не отвечала, живёт в своём мире, наверное. А Мистер Боун сказал: «Следопытами не становятся, пацан, ими рождаются». Клингфильм назвал это хернёй собачьей. Но что он понимает? Что кто-нибудь понимает? Сегодня мы взяли одного.

* * *

Этой ночью мы взяли пятерых. Мы хорошо сработали, были в ударе, но одному удалось уйти. Выходит, мы взяли четверых. Это не то же самое, что взять четверых по-настоящему, потому что так не бывает, и точка. Просто один сбежал. Шива, само собой, взбесилась. Она терпеть не может, когда они уходят. А Клингфильм опять ныл про премию, хотя это целиком его вина, что один удрал. Он прятался за своими ругательствами, это даже мне видно. Но самое странное было, когда один сбежал, а оставшиеся четверо словно взбесились — наверное, когда поняли, что их именно четверо. Обычно они смиряются, когда их поймали, но эти набросились на нас, и мне стало страшно, ведь именно так «Призрачный Ноль» потерял Уэсли: взяли пятерых, один сбежал, а оставшиеся четверо взбесились. Но в этот раз Шива уложила их всех, по-настоящему.

* * *

Сегодня мы не взяли никого. Я не против. Я всё ещё взвинчен после вчерашнего и теперь не могу перестать думать об Уэсли, раз уж начал. Я с ним не встречался, потому что занял его место. Но вся команда ноет о нём, будто он был гением или вроде того, хотя он и пропал. Лучше бы они не ныли, потому что из-за их нытья мне теперь тоже придётся когда-нибудь стать гением. Надеюсь, стану, и стану первоклассным следопытом, но от одной этой мысли меня трясёт ещё сильнее. Сегодня мы не взяли никого. И хорошо.

* * *

Сегодня мы взяли одного. Мы хорошо сработали. Взять одного — это обычно не ахти, но в этот раз было, потому что нам нужно было взять его живым. Иногда приходится так, оставлять их в живых. За это платят больше, так что Клингфильм доволен. Мистеру Боуну передали, что университету нужен живой экземпляр, и нам пришлось быть осторожными, потому что они скорее умрут, чем останутся в живых. Для меня это впервые — оставить одного в живых. Это была самка. Я бы не так переживал, если бы это был самец, но нет. Это была самка. Мы связали её в фургоне, и я только и мог, что смотреть, как она бьётся. Не знаю, всё иначе. Вблизи всё иначе. Я так и думал. Я думал, что вблизи будет легко понять, но нет. Потому что она выглядела в точности как мы. Но, понимаешь, красивая. И поэтому всё было иначе. А Мистер Боун говорит, надо осторожнее с такими мыслями, потому что их сходство с нами — всего лишь маскировка. Поэтому Иди так важна, говорит Мистер Боун, ведь без следопыта как бы мы узнали, кого ловить? И сегодня мы взяли одного живьём.

* * *

Этой ночью мы взяли шестерых. И все сходят с ума от восторга. Но что со мной, что не так? Я не могу перестать думать о вчерашнем дне и о том, кого мы оставили в живых, о самке. Потому что зачем мы их ловим? Никто не знает. Я спросил Мистера Боуна, он босс, а не он знает. Спросил Клингфильма, он сказал — ради денег; спросил Шиву, она сказала — просто чтобы убивать. А потом я спросил Иди, и Иди не ответила. И тогда Мистер Боун сказал, что такого вопроса задавать не следует, это глупый вопрос, всё равно что спрашивать у луны, почему она возвращается каждую ночь. Мы просто ловим их, вот и всё. И этой ночью мы взяли шестерых. И тогда я снова начал думать об Уэсли и о том, почему он ушёл и пропал.

* * *

Этой ночью мы взяли двоих. Неплохо. Или плохо? Не знаю. Думаю о той девушке, о самке, то есть. И думаю об Уэсли, и о работе, и обо всём. Уйти с этой работы можно только двумя путями, как считает Шива. Можно умереть, а можно пропасть. И уж будь уверен, она сказала, что умереть — лучший путь, единственный, потому что пропасть — это ко-

гда ты просто уходишь одной ночью, прочь от фургона, прочь от команды, и становишься одним из них, одним из потерянных, что ходят-бродят, пока их не поймают. Но когда я напомнил ей про Уэсли, она просто отвернулась и стала возиться со стволом. Тогда я дождался тишины и спросил Мистера Боуна, а он говорит, не надо об этом думать. Но Уэсли же потерялся, говорю я. Да, Уэсли потерялся, — и в Мистере Боуне что-то меняется тогда. Но он вернётся к нам, говорит он. А я спрашиваю, что это значит. А он говорит: так же, как Иди вернулась к нам.

* * *

Сегодня мы взяли одного, или двоих? Не помню.

* * *

Этой ночью мы взяли нескольких, кажется. Просто я теперь не могу оторвать глаз от Иди, зная, что она потерялась, а потом вернулась, и теперь она следопыт и может легко находить потерянных. Может, нужно потеряться, чтобы находить потерянных, чтобы стать следопытом. Может, это и имел в виду Мистер Боун, когда сказал, что следопытом надо родиться, потому что уж точно нужно переродиться, чтобы потеряться. И мне страшно, страшно, что я родился таким, с потерей внутри, и что однажды я просто уйду и не вернусь.

* * *

Этой ночью мы поймали кое-что. Что именно? Вся команда была подавлена. Потому что разве не в этом кошмар: поймать тех, кто потерялся, и чтобы они обернулись, и не захотели возвращаться. Не как Иди, она вернулась с умением находить и отслеживать, а сейчас все просто взбесились по-настоящему. Должно быть, это Уэсли. Это бедный пропавший Уэсли попался нам, но Мистер Боун не хочет говорить об этом, Иди — на грани, а Шива просто сидит и без конца чистит ствол, и Клингфильм даже о деньгах больше не болтает — вот как всё плохо. Но у нас была работа. И мы её сделали. Мы вышли, поймали его, убили, я оттащил его назад и снял с него шкуру. У нас была работа.

* * *

Этой ночью мы взяли двоих с половиной. Мы сработали на славу, и все ликуют, потому что никто и никогда раньше не ловил половинку. Это не совсем половинка, просто мы так называем их, когда они в состоянии перехода. Так или иначе, это большая редкость, так что премия наша, стопудово. И все говорят, что я молодец, даже Клингфильм, потому что я помог поймать эту половинку. Это первая моя добыча, и она оказалась особенной. А потом мы просто ехали сквозь ночь и пели.

ПОЛЗУЧИЙ ГОРОД

У старого Тома Шарпсоу была такая история, что из Города никто никогда не уезжает, вот почему кладбище такое переполненное. Вот почему все надгробия стоят вплотную, царапая друг друга. Вот почему земля такая высохшая. Вот почему жилой район такой мрачный. Вот почему еда такая отвратительная. Вот почему автобусы всегда останавливаются на окраине. Вот почему у нас нет футбольной команды. Вот почему окна всегда разбиты. Вот почему дороги извиваются и постоянно встречаются сами с собой на полпути. Вот почему солнце работает как лампочка в холодильнике, а дождь — как смыв в туалете. Вот почему все мы, девочки, носили спортивные костюмы из мешковины. Вот почему в местной библиотеке все карты города лежали на полках с литературой по половому воспитанию. Вот почему на часах Ратуши только одна стрелка и семь цифр. И она движется назад. Вот почему, говорил он. Вот почему, вот почему.

Старый Том жил наверху в «Исчезающем Дворце». Так назывался игровой зал, прямо по соседству с кладбищем. Чтобы попасть туда, нужно было перешагнуть через упавшие камни — то, что называли «сумасшедшей мостовой мертвецов». Мы, дети, постоянно торчали в «Исчезающем Дворце», потому что больше-то делать было нечего, разве что на Фабрику, но та была слишком хорошо охраняема. Игровых автоматов там было шесть. Пять, если честно, потому что один был только для взрослых. Это был знаменитый аппарат «Интравенус».

Вот и всё развлечение, какое можно было найти в Ползучем: просто думать о том, чем занимается прекрасная девушка Интравенус. Мы просто решили, что автомат женского рода, это как-то само собой чувствовалось.

Ползучий. Звучит как странное название для места, но поверьте, если вам когда-нибудь не повезёт свернуть не туда, и вы окажетесь здесь, вы сразу поймёте, откуда взялось это имя. Это где-то к северу от Манчестера, по крайней мере, так нам в школе говорили. Точное место я не укажу, мало ли, вдруг вас потянет. В общем, я здесь родилась, это моё оправдание. Говорю «родилась» — но в Ползучем никто, строго говоря, не рождается. Ты просто просыпаешься однажды и обнаруживаешь себя здесь, один в чужой кровати, идти больше некуда, и тогда до тебя доходит: вот чёрт, да я же тут уже всю свою жизнь провёл, и что теперь? Но, как говорил Том, слова «побег» в словаре нет. Поверьте, я проверяла.

Автоматы в «Исчезающем Дворце» работали только на старые деньги. Так что, когда ты подходил к обменной кассе и протягивал свои карманные, Том выдавал тебе маленькую горку старинных монет. На большинстве из них была голова какого-нибудь короля, Карла III или кого-то ещё. И почти на всех были следы зубов на мягком металле. Некоторые были искусаны так сильно, что даже не работали в автоматах. В любом случае, автомат «Интравенус» запускался только от одной особой монеты, которую нам так и не довелось увидеть. Том держал её в коробке под прилавком. И он сидел там, читая свою газету, пока мы, молодёжь, играли в детские игры. Время от времени он что-то бормотал про состояние мира, то есть, конечно, состояние города.

«Ползучая Газета» была тонкой, в четыре страницы. Выходила раз в месяц. Всегда четыре страницы, даже когда не хватало новостей или объявлений, чтобы их заполнить; в такие разы они просто оставляли пустые места. Иногда оставляли целые страницы пустыми. Один раз вся газета была пустой, кроме заголовка. Когда новости были, то обычно о переполненности кладбища или о кампании по избавлению от автомата «Интравенус». Иногда сообщалось о новейшем продукте Фабрики. Только для этого я её и читала — чтобы посмотреть, что Фабрика выдала в этом месяце. Она всегда выдавала одну вещь в месяц.

У Тома Шарпсу был робот, который помогал ему управлять «Исчезающим Дворцом». Это была грубая штуковина в форме паука, у которого недоставало двух с половиной ног и был один выпуклый глаз, часто затуманенный странной жидкостью. Из его круглого тела иногда торчала длинная игла. Её он и втыкал в электрическую розетку, чтобы подзарядиться. Робота звали Орис. Том говорил, что имя означает «Автоматизированная Система Получения Информации», хотя «автоматизированная» и не начинается на «О», просто звучало похоже. Он украл Ориса из библиотеки, так что машина была способна разве что посчитать, сколько игр и на каком автомате отыграл кто-то. Что-то в этом роде. По крайней мере, так утверждал Том, но мы считали, что она знает куда больше, включая, возможно, и секретный код к «Интравенусу».

У Тома была страсть к воровству. Он не считал это преступлением, потому что все знали, что это сделал он. И в основном украденное всё равно было бесполезным, никто не хотел его возвращать. Как я уже упоминала, у часов не хватало секундной стрелки и нескольких цифр. Ну кому в Ползучем нужны часы? Что такого важного, чтобы куда-то успеть? Ничего. Так что Том выполнил свой гражданский долг; длинный тонкий указатель был воткнут у него в сад за Дворцом, и по нему ви-

лись ползучие растения. Цифры — некоторые он превратил в мебель; цифру два, например, он приделал к ножкам и использовал как обеденный стол. Но большинство украденных вещей шло на создание игровых автоматов; цифра четыре с часов стала основанием автомата «Круг Бабочек». Автоматы никогда не были закончены, потому что к ним всегда что-то добавлялось.

Можете догадаться, почему Том был практически единственным взрослым, с кем я много общалась. У него были сумасшедшие истории, потрясающие игры и всё такое. И иногда он брал меня с собой на воровские вылазки и учил каким-то тайным секретам взлома и проникновения. В другие разы я помогала приделывать новые части к автоматам — это было веселее всего. Но в основном он нравился мне просто потому, что он один говорил о том, как вырваться из цепких лап города.

Всё это были лишь разговоры, но чёрт с ним.

Орис вышел с Фабрики. Всякий раз, когда что-то выходит с Фабрики, первым делом мы должны решить, что это и для чего. Это работа Ратуши. Иногда они вообще не могут найти для этого причину. Но с Орисом было довольно очевидно, что к чему, с его-то ногами, и глазом, и вычислительным механизмом. Вот почему его отдали библиотеке. Пока Том, конечно, не украл его у них. Я помогала ему это сделать. К тому времени у робота и так оставалось в ходу пять с половиной ног. Никто о нём не скучал.

Если вы когда-нибудь видели библиотеку Ползучего, вы поймёте, почему им реально не нужна была Автоматизированная Система Получения Информации. Информации для получения было просто недостаточно, вот и всё. Это была лачуга, правда. Маленькая и убогая, из досок, и разваливающаяся. И такая маленькая, что больше сотни книг там поместиться не могло. Том утверждал, что и одной книги хватит на всю жизнь, особенно если читать её особым способом.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивала я его. — Какой особый способ?

— По слову в день, — отвечал он.

— По слову в день, и на всю жизнь? Не верю.

— Проверь, девочка. Поставь на кон денежку.

А у Тома Шарпсоу была целая куча книг на полках в «Исчезающем Дворце». Больше, чем в библиотеке, это уж точно. Что насчёт книг, которые Том хранил: все они были написаны им самим. Так что мы заключили пари. Я сказала, что читать книгу по слову в день не займёт целую жизнь, а он утверждал, что займёт. И он был настолько уверен в

победе, что позволил мне выбрать любую книгу, чтобы проверить теорию. Так что я просмотрела их все: незаконченные романы, руководства по инженерии, словари иллюзий, отцензурированный атлас мира, сборники стихов. Конечно, я выбрала атлас — в конце концов, разве не в картах всё дело?

— Там много слов, — сказал Том.

— Например, где?

— Названия мест. Вот, в конце, в справочнике. Тысячи.

— Ладно. Я выберу книгу стихов.

Книга, которую я вытащила, была потрёпанным изданием в мягкой обложке, тоненьким самиздатовским томом под названием «Осеребрение». Имя автора — Зенит О'Клок, — было одним из тех имён, которые Том иногда использовал для своих сочинений. Я пролистала книгу; в ней было всего тридцать страниц, двадцать шесть из которых содержали стихи. Вообще-то, теперь, когда я присмотрелась, это была не столько подборка стихов, сколько очень короткий рассказ, оформленный с несколькими словами на странице и множеством пустого пространства.

— Мы читаем всю книгу? — спросила я. — Всё, что в начале, оглавление и всё такое? Или только сами стихи?

— Только стихи, — ответил Том.

— Что такое? Разве ты не хочешь выиграть, или как?

— Просто читай слова. По одному.

— Хорошо, буду читать. Посмотрим, сколько дней у меня уйдёт.

— Начинай.

— Ладно... поехали.

И затем я вслух произнесла слово:

— Возможно...

Вы же понимаете проблему, да? Я рассказываю вам эту историю про книгу стихов, просто чтобы вы чуть-чуть поняли, как работает мозг Тома Шарпсу. Потому что я не могла прочитать следующее слово, «можно», до следующего дня. И затем каждый последующий день я должна была приходить в «Исчезающий Дворец», просто чтобы прочитать следующее слово. Я дошла до того, что вслух зачитывала отрывок: «Возможно, можно сказать, что однажды вечером, в далёком будущем, все зеркала в мире...», на что ушло целых тринадцать дней, а потом мне просто надоело.

До сих пор я не уверена, проиграла ли я это самое пари или выиграла. Определённо, деньги не переходили из рук в руки.

Так вот, мозг Тома Шарпсоу был немного похож на дороги здесь; он как бы встречал тебя на полпути к мысли, но с другого направления, если вы понимаете, о чём я. Лучший способ описать это — рассказать о машинах, которые он делал. Он строил эти странные приспособления из всего, что попадалось под руку, включая кое-какие продукты с Фабрики. Вещи, в которых другие люди не видели абсолютно никакого смысла, он соединял в эти ошеломляющие игры. Я называю их играми; не было никакого очевидного способа в них играть. Нужно было просто найти к ним подход, понять, для чего они, попытаться распутать их тайну по ходу дела. Думаю, целью игры было выяснить, как в неё играть.

И, полагаю, Фабрика работает точно так же. Иногда мы ходили и стояли у внешнего забора, просто чтобы посмотреть, производится ли что-нибудь. Ничего не происходило, разумеется. Никто никогда не видел, чтобы Фабрика что-то реально выдавала; продукты просто появлялись, оставленные на специальной платформе — единственной части всего комплекса, до которой мы вообще могли дотронуться. Все остальные части забора были под напряжением. Роботы-охранники кружили в пространстве между оградами.

Фабрика защищала сама себя.

И вот она стоит вдалеке, укрытая тремя оградами и рвом; центр притяжения, вокруг которого медленно вращается город Ползучий. Гигантское сооружение из осыпающегося красного кирпича, на котором грязно-белыми буквами выведено: ГЕРКУЛЕС МЕЛЬНИЦА 1897. В школе нам рассказывали, что когда-то, очень-очень давно, внутри работали люди, ещё до того, как все процессы стали автоматическими. В конце, как говорят, для управления всем зданием нужен был всего один человек. Я очень обрадовалась, когда узнала, что последним надсмотрщиком была женщина, — наверное, потому что я могла представить себя на её месте, бродящей в одиночестве по необъятной фабрике, повластной хозяйкой армии роботов. Это была моя детская фантазия, и в этих грёзах я всегда видела себя в длинном пышном бальном платье, не знаю почему. Я танцевала бы с очень красивым роботом-мужчиной.

Никто не знает, что случилось с той последней надсмотрщицей. Должно быть, она умерла. Много-много лет назад.

А теперь по ночам огни Фабрики зажигаются один за другим, и весь город прислушивается к непрерывному мурлыканью тайных механизмов. Том считает, что она просто однажды заиклилась в собственной блок-схеме и перестала нуждаться в человеческой руке. Но всё равно продолжает производить, следуя искажённым инструкциям.

Самое лучшее, что случилось, — это когда мне довелось увидеть, как Фабрика делает доставку. Нет, неправда. На самом деле я однажды оказалась тем человеком, который нашёл продукт на приёмочной платформе. Я не видела, как его туда положили, этого никто не видит, я просто пришла к Фабрике рано утром, и вот там эта... штука. Это был плоский круглый предмет около тридцати сантиметров в диаметре, сделанный из пластика. И на обеих сторонах этого диска была выгравирована спиральная канавка. На центральную часть был наклеен бумажный ярлык, испещрённый надписями. Прочитав их, я узнала, что объект называется «Пиксельки, выходите этой ночью», и был создан кем-то по имени Янус Фонтейн. Я не знала, что это такое, но вместо того, чтобы отнести его в Ратушу для регистрации, я показала находку Тому в «Исчезающем Дворце». Но он был так же озадачен, как и я, и сказал, что ему нужно это изучить.

Я вроде как забыла о том продукте на время, потому что больше ничего о нём от Тома не слышала. Но потом, примерно через полгода, я обнаружила ту самую штуку, что нашла, теперь ставшую частью автомата «Магнит для акул». Том установил её так, что диск вращался, а его канавка соприкасалась с крошечным осколком алмаза, который он выковырял из украденного ожерелья. И она издавала звук! Вращающийся диск издавал звук, какую-то музыку, но совершенно непохожую на всё, что я слышала раньше.

Вот так и выходит: Фабрика создаёт эти странные продукты, которыми почти невозможно воспользоваться, пока не разгадаешь их код. А старый Том Шарпсоу проводит свои потерянные дни, конструируя извращённые, неуправляемые машины. Они были зеркалами друг друга.

Возьмём, к примеру, игру «Змеиная петля», которую он изобрёл: все эти переплетённые металлические трубы, иногда выпускающие клубы зелёного дыма. Здесь первым делом нужно было понять, как включить аппарат, потому что каждый раз, когда ты опускаешь монету в щель, способ включения был разный. А потом, в один прекрасный день, когда ты уже думаешь, что понял принцип, и успешно расстрелял все пушистые зелёные облака из прикреплённого парфюмерного пистолета, обнаруживается, что «включение» вовсе не было включением. «Включение» было просто запуском механизма разблокировки, образованного из созданных облаков. А уничтожение облаков в определённом порядке — вот это и был настоящий способ включить машину «Змеиная петля». Только тогда можно было по-настоящему начать играть, и эта игра уже

не имела ничего общего с уничтожением облаков, а была целиком и полностью посвящена змеям, петлям, ритму сердца и тени в глазу...

Ну, такова Фабрика, не правда ли? Том тоже попал в эту петлю; мы все в ней. И вот почему никто никогда не может уехать из Ползучего, и почему чёртово кладбище такое переполненное. И, может быть, однажды мы узнаем, что же на самом деле производит Фабрика. Большой Продукт, как называет его Том. Потому что все эти вещи, которые она дарит, — всего лишь побочные продукты, по крайней мере, так считают эксперты; брак, скажем, или неудавшиеся эксперименты. Том думает иначе: он считает, что Фабрика даёт нам эти продукты, чтобы мы могли завершить процесс. И если мы когда-нибудь узнаем, что такое конечный продукт, может быть, тогда мы все сможем уехать...

Мне страшно даже думать об этом.

Итак, таких машин, сделанных Томом, было пять: «Змеиная петля», «Круг бабочек», «Чумной цирк», «Магнит для акул» и «Жидкий тигр». И, как я уже говорила, все они с годами продолжали расти, и большинство из них включали в себя всякие мелкие детали, вышедшие с Фабрики. Но автомат «Интравенус» был другим. «Интравенус» сам по себе был продуктом Фабрики. Вся эта штука вышла такой, как есть, полностью укомплектованная, готовая к использованию. Единственная проблема заключалась в том, что никто не мог понять, для чего она.

Сама форма штуковины нисколько не проясняла суть: это был идеальный шар из какого-то полированного металла. Стукнув по нему рукой, можно было ощутить пустоту внутри, наполненную эхом, и всё же никакого способа его открыть не существовало. Два небольших круглых отверстия, расположенные под прямым углом друг к другу, позволяли заглянуть во внутреннюю тьму — дымчатую и пахнущую пеплом. Конечно, при диаметре в шесть футов это был один из самых крупных доставленных продуктов, но это ничего не значило; очень часто самыми полезными оказывались мелкие предметы, например, птичьи башмачки — за ними была настоящая охота. Но «Интравенус»... какая от него польза? Большой полый шар с двумя дырками, вот и всё. Так что шар перекатали в Ратушу — туда, где положено регистрировать все продукты Фабрики.

В те дни его, конечно, не называли автоматом «Интравенус», у него не было никакого имени. И вот тогда-то и объявился Том Шарпсоу. Он нанёс ночной визит на двор Совета, где хранились все бесполезные объекты. И он нашёл дом для новой диковинной машины в «Исчезающем Дворце». Конечно, он тоже не знал, для чего она, по крайней мере пона-

чалу, пока не начал над ней работать, и я уверена, что именно здесь пригодился робот Орис. Робот, скорее всего, и раскрыл секретный код новейшей машины, потому что все продукты Фабрики связаны каким-то странным образом.

Мы просто не знаем, в чём состоит эта странность, вот и всё.

Всё, что тогда требовалось Тому Шарпсу, — это превратить секретный код в процесс, работающий на монетах, на особой монете, естественно. И вот она — звезда «Исчезающего Дворца». Он покрасил шар в чёрный, выведя слово «Интравенус» вихрящимися красными буквами. Он назвал его «Интравенусом» только после того, как выяснил его назначение, так что все мы, дети, горели желанием попробовать. А я ещё и злилась на него за то, что он не позволил мне помогать с машиной — это было несправедливо. Минимум, на что я рассчитывала, — первой опробовать новый автомат. Но тут он берёт и пишет на нём ещё и «только для взрослых». Впервые за всю историю Ползучего мы видели такую фразу. Том строго-настрого запретил пускать к нему детей, так что играть в «Интравенус» могли лишь немногие мужчины города. И не только мужчины — некоторые женщины тоже начали играть. Они смотрели в одну из дыр, в то время как луч света, который Том установил, светил через второе отверстие. Что они видели внутри, мы не могли себе даже представить. Однако появление игры понравилось не всем, потому что вскоре некоторые из старших и более консервативных жителей Ползучего начали кампанию за закрытие, а то и уничтожение автомата «Интравенус». Это только разожгло наше любопытство. Мы спрашивали игроков, выходящих из Дворца: что они видели в игре, что происходило, на что это было похоже, в чём секрет? Пожалуйста, умоляли мы, пожалуйста, расскажите, в чём тайна.

Но никто не рассказывал. Они просто выходили из «Исчезающего Дворца» с остекленевшим выражением лиц, словно пьяные или вроде того. Почти все, кто поиграл, начинали собираться у внешнего забора Фабрики и просто смотреть на неё. Как на храм или что-то в этом роде. Наше любопытство стало так велико, что некоторые из нас решили спрятаться в задней комнате Дворца, пока Том запирает его на ночь.

Там были я, Бобби, Джанет и Фло.

Бобби слинял — наверное, слишком трусил, — так что остались мы трое, три девочки. Думаю, поэтому нас так и манил этот автомат — не столько потому, что он был «только для взрослых», сколько из-за названия; мы все мечтали однажды влюбиться. Потому что на что ещё можно надеяться в городе по имени Ползучий? И вот мы втроём сидим, втис-

нувшись в крошечную кладовку, окружённые кучей хлама, до которого у Тома Шарпсоу ещё не дошли руки. Было темно, страшно, а хуже всего — я не могла избавиться от чувства вины за то, что подводила Тома после всего, чему он меня научил. Я собиралась использовать навыки, переданные им, против него самого. Ещё бы я не нервничала?

Но Девушка Интравенус звала, и только это и имело значение.

Том жил в нескольких маленьких комнатах над Дворцом. Нам пришлось ждать несколько часов, пока оттуда не стихнут все звуки и не погаснут последние проблески света. Даже после этого мы выждали ещё немного, просто чтобы убедиться. Потом мы выползли.

Найти коробку, в которой он хранил особую монету, было достаточно легко. А с моими воровскими навыками взломать замок на ней оказалось ещё проще. Вот она, монета! Как она сверкала — совсем не как обычные монеты. Она была яркой, без следов укусов. Словно только что отчеканена, но как это возможно, если на ней изображена голова королевы. Елизавета II. Как давно это было? Никто не знал.

Всё было по плану. Фло должна была стоять на шухере, а Джанет — помогать мне с аппаратом, но первой заглянуть в отверстие должна была я — так решили, потому что не я ли стащила ключ? Том подвесил шар на проволоке, чтобы отверстия оказались на уровне глаз. Конечно, для нас, детей, это было слишком высоко, так что мне пришлось встать на табурет. Джанет придерживала табурет, пока я забиралась, а потом я велела ей опустить монету в щель. Она так и сделала, и луч устремился в одно отверстие, в то время как я нежно, нервно прильнула глазом к другому.

И я заглянула внутрь.

Сначала всё было в тумане, в клубящейся тьме, которую луч света рассекал на фрагменты. Затем луч отражался от внутренней поверхности шара, пересекался сам с собой, и в месте пересечения выстреливал побочный луч. Через несколько секунд вся внутренность сферы была испещрена этими пересекающимися световыми лучами. Теперь их было так много, что они образовали спектральное сплетение; встречу в самом центре, где лучи сливались в цвет.

И внутри цветов начало формироваться изображение, обретая черты женского лица, которое я видела раньше — в одной из книжек с картинками в школе. Последняя надсмотрщица! Она пыталась заговорить со мной...

Как раз в этот момент я услышала крик Фло у двери и подумала, что Том, наверное, проснулся или что-то вроде того, — может, услышал

шум, женский голос, а может, заметил луч света. А дальше закричала Джанет и стащила меня с табурета.

Я оказалась на полу, рядом со мной была Джанет, а Фло бежала к нам. А там, поднимаясь на своих оставшихся тонких ногах, робот Орис тыкал в моё тело электрической иглой, и тогда закричала уже и я — особенно когда увидела Тома Шарпсоу, стоящего надо мной и в ужасающей ярости качающего головой...

* * *

Всё это вспомнилось мне, потому что Том Шарпсоу недавно умер. Ему так и не удалось выбраться из города, и теперь он — просто ещё один обитатель кладбища. После описанного случая мы отделились друг от друга, и вскоре после этого он навсегда закрыл двери «Исчезающего Дворца». Он практически замуровал себя там, выходя только за едой или изредка на воровские вылазки. В конце концов и это прекратилось, и мы почти перестали его видеть. Игре в «Интравенус» пришёл конец.

Я пришла на похороны, сама не знаю почему. Я была там единственным человеком. Он много для меня значил, полагаю, когда я была ребёнком, и, конечно, моя жизнь без него стала очень скучной. Теперь я работаю в совете, занимаясь обработкой продуктов Фабрики. Разве это было частью моих детских фантазий? Но всё же мы теперь знаем об этом месте куда больше, в том числе и о таинственном четвёртом заборе — том, что у нас в головах. Думаю, Том сам был своего рода побегом — просто его общество уже давало такую возможность, может, в этом и дело. Но стоя там среди забрызганных дождём надгробий, я не могла не взглянуть туда, где «Исчезающий Дворец» поглощал угасающие лучи солнца. Здание было в ужасном состоянии: окна заколочены, в крыше дыры, в которых порхают птицы, а всё строение покрыто паутиной.

Что сказать? Работать с механизмом замка было делом простым. Некоторые навыки не теряются. Открыв дверь, я словно шагнула на двадцать лет назад, но открывшееся зрелище потрясло меня до глубины души. Весь игровой зал был захвачен машинами. Я уже не могла сказать, сколько их было, потому что со временем Том соединил их все в один гигантский аппарат. Это была игра за гранью всех правил, и я могла лишь поражаться той всепоглощающей тоске одиночества, что породила это чудовище.

Я включила потолочный свет. К счастью, электричество всё ещё работало. И застыла в немом изумлении. Комната от стены до стены была

заполнена игрой. Трубы и провода торчали тут и там, казалось бы, в случайном порядке; колёса ждали своего часа; ремни натянулись на шкивах и шестернях; рычаги замерли в готовности; гироскопы балансировали на грани горизонта. А там, в самом центре, висел шар «Интравенуса».

Я вспомнила слова Тома о Большом Продукте, о том, что мы все покинем город, как только поможем Фабрике его построить.

Не эта ли игра — игра в Побег?

Внезапный шум заставил меня вздрогнуть. Что-то проскреблось из-за части машины. Это был Орис, робот. Я увидела, что у него осталось всего три ноги. Он стоял несколько неуклюже на этой треноге, наблюдая за мной, в ожидании. Тогда я подошла к прилавку, нашла монетницу. Во второй раз в жизни я вскрыла её замок. Особенная монета была там, ждала, вместе с запиской. На ней было написано: «Теперь твой ход, девочка».

К автомату «Интравенус» не было прямого пути — пришлось карабкаться по разным частям аппаратуры. Конечно, на этот раз табуретка мне не понадобилась — смотровое отверстие оказалось точно на уровне моего взгляда. Я даже не была уверена, закончена ли игра. Зная Тома, она никогда не была бы закончена до конца. Может, теперь это моя работа?

Монета легко скользнула в щель. Луч света вспыхнул, и вокруг меня необъятный механизм «Исчезающего Дворца» с оглушительным лязгом пришёл в шумное и лязгающее движение.

Отверстие манило к себе.

Я прильнула к отверстию глазом, и игра началась.

ОРГМЕНТАЦИИ (с переходом в микс)

Прошлой ночью Уильям Мета Мета Третий, искусственная знаменитость напрокат, закатил блестящую вечеринку. «Строго Только Для Роботов» — трубило приглашение, но Магенавты Зум-Объектива умудрились изящно вломиться. Были все, ну просто все, и каждый получил изрядную долю развлечений. Машины, как знаменитые, так и кокетливые, были замечены в различных стадиях раздевания и разбора на части. Клан Сквики-Клин устроил ужасный беспорядок за девятым столом. Леди Свэнкиш, та самая из проблемной Бэйби-Метал Компани, оставила различные части себя в торте «Трайфл». *(Ходили грязные слухи о диджее Пиксель Сок.)*

Развлечение за столиком обеспечивал новичок на сцене, некто Тони Танго, маг своего рода. *(Грязные слухи такие быстрые, такие бездонные.)* Он превращал вино в масло, которое выпивалось с ликованием. Ликование поставлялось бесплатно от РобоВаз Интернейшенал. *(Отрывайтесь! Отрывайтесь!)* Море вирт-перьев, включая восхитительный розовый оттенок, что вызвало вспышку автоматизированной оргии. *(Руки диджея двигаются, двигаются.)* Можно только догадываться о счетах за уборку!

Но самой лучшей частью вечера стал момент, когда Бенджи Спайк продемонстрировал свою последнюю коллекцию «сайборгментаций». Этот самопровозглашённый Авангардный Примитив действительно пленил деми-мондо. *(Скрэтч-ландшафт.)* Юные модели из нержавеющей красоты простучали по подиуму, раздеваясь в такт новому альбому Lab Test Residue. *(Руки диджея — звуковой взрыв.)* Ох, вид стольких обнажённых полированных хромовых тел ослеплял взор! У одного сияющего юноши из неспецифической механики сквозь нижнюю губу был продет человеческий указательный палец. *(Такой грохот, такой треск, такое шуршание!)* У другой, женской особи вида Парадроид, прямо в центре её отполированного медного языка было вставлено человеческое око, всё ещё глядящее! Глаза, уши, соски и пупки, тщательно изъятые у полностью оплативших своё участие добровольцев, дивно контрастировали с сиянием металлической кожи. *(Руки диджея влажны от дорожек.)*

Можно продолжать, но самым впечатляющим аспектом коллекции стало передовое использование новых жидкостей против разложения. *(Быстрые движения пальцев.)* Эти человеческие части были всё ещё свежи, так хорошо их законсервировали. Бенджи Спайк утверждает, что

Но мы приберегли лучшее напоследок. Представьте наш восторг, когда мы увидели стильно укреплённый на платиновой груди юной робо-девы — да! — полностью эрегированный человеческий пенис! (*Грязные слухи такие быстрые, такие бездонные.*) Браво, месье Спайк! (*Руки диджея двигаются.*) О, дорогой милый читатель, вам правда следовало там быть!

[illegible]

РУКИ ДИДЖЕЯ

О диджее Пиксель Сок ходили грязные слухи — настолько быстрыми, настолько бездонными были просторы её скрэтч-ландшафта. Говорили, её руки двигались со скоростью звукового взрыва, становясь призраками в свете софитов. У неё наверняка должно было быть больше двух рук, чтобы извергать такой грохот, такой треск, такое шуршание. Такую виртуозную игру новейших жидкостей против старения. Винил становился влажным под дорожками, подчиняясь ритму скорострельной пальцевой электроники; эстетика гравировальных пластин, фрактальные скрэтчи (правда, надо было там быть) на грани человеческого восприятия. Эхо бита длилось до шести недель, кружась по клубам. Получив верхний слот на уикенде «Магнитного Поля», Пиксель Сок собрала рекордную толпу. Говорят, половину известной вселенной развернули обратно (правда-правда, надо было там быть), даже тех, у кого были билеты. «Гунгвардс Анлимитед» получили бонусную оплату, чтобы держать инвайт-лист на замке, только для членов и строго без наркотиков. Стены вокруг поля были высоки и толсты, и под напряжением. Синие искры разрисовали небо, когда какому-то лузеру достался слишком уж хороший ожог от порошка зоны «доступа нет».

Глубокой ночью, когда музыка уже пульсировала на разогреве; там, где стены шипели, какой-то парень предлагал малышке-гунгу что-то подходящее из своей наплечной сумки. Малышка отказалась, но парень дал ей дозу бесплатно. Пять минут спустя охрана видела полосатых пингвинов, а парень ласкал стену струёй высокоуровневого «Ваза». Полицейская контрабанда, чёрт возьми!

Парня звали Марко, ему было всего шестнадцать. Худой и высокий, одетый с ног до головы в чёрный шёлк с налётом кружева. В нём была искра, что-то в глазах, что-то в движениях. Он нашёл в толпе место, которое мог назвать своим. Он не танцевал, по крайней мере внешне; но его ум отплясывал под какой-то домашний спектральный бит. Ночь была задымлена; освещена фиолетовым, жёстким по краям и жидкой в середине, где музыка обретала фокус и двигались люди. Они двигались! Пиксель Сок держала их в ослеплении, на подъёме для полёта. Над полем, скользя по гигантскому ретрансляционному экрану, двигались руки женщины в перчатках; постоянное размытие, увеличенное в тысячу раз. Левая рука вырезала глубокие басовые ритмы, правая работала над дробной пунктуацией. У неё были все те штуки, что больше не достать, вуду-грувы. Волны цвета проносились с вертушек с каждым резким

движением иглы. Руки, что делают скрэтчи, что создают цвета, что создают транс, что заводят толпу в дикий танец, что создаёт цвета, что создают руки, что танцуют, чтобы делать скрэтчи. И глубоко внутри этой петли обратной связи стоит Марко; он не танцует, он не тает. У него происходит что-то совсем другое. Это был его момент, он это знал.

Послеконцертная вечеринка была в основном зоной выгорания, оккупированной выпендрёжниками из звукозаписывающих компаний, орбитальными конфетками, вербовщиками и подавителями. Шатёр был залит дешёвым ликёром и фирменной концентрированной водкой «Мозгосмерть». Члены семейства Гунгов окружили палатку и пустили по кругу косяк. С ними были собаки плюс скрытое оружие, но беспокойства не ожидалось; нахлебники отправились на бизнес-ланч прямиком на Планету Кайф. Никому не было дела, что Пиксель Сок покинула вечеринку несколько часов назад. Дело в том, что диджей никогда не был тем, кто тусуется. Она не даёт интервью. Никогда не приезжает за наградами. Никаких известных пороков, что бесит маркетологов до чёртиков. Ладно, никаких наркотиков для публики, она этого хочет, понятно. Ладно, она лесбиянка, и что это значит? С одной и той же партнёршей уже много лет? Ну расскажите мне. Никакой, блин, желтушной скандальной истории! И хватит уже припасать весь нюхательный порошок, а? Шмыг-шмыг.

А эта партнёрша, её звали Молли, шла, держа Пиксель за руку, назад к трейлеру. Было три часа ночи, ещё темно. Дорогу освещали фонари. Какой-то человек из Artists and Repertoire лежал лицом в грязи. Моросил мелкий дождь. Молли развернула маленький зонтик. Позади них, на почтительном, слегка пьяном расстоянии, младший гунг вёл наблюдение. Внезапно Пиксель остановилась как вкопанная. Была слышна музыка. Охранник напрягся, потянулся к оружию. Музыка доносилась из личного автобуса Пиксель. Это было плохо, это было странно. Транспортное средство должно было быть под высокой охраной. Дело было не в повреждении автобуса, ей было наплевать; дело было в виниле: она хранила там свой бесценный винил. Так что охранник с вечеринки пошатывался вперёд, наводя рацию на транспорт и вызывая подмогу через свой пистолет, а Молли пряталась за зонтиком. Но Пиксель Сок просто стояла на месте, просто смотрела. Она просто слушала. Та музыка, плывущая то очень медленно, то быстро и фанково из открытой двери автобуса...

Главный зов для всех меломанов-наркоманов. «Пиксельки, выходите этой ночью». Призовой улов. Ангельская пыль, стряхнутая с крыльев.

О ней говорили, но никогда не видели. Не тронутую и не проигранную, и уж точно никогда не скрэтченную, ни разу за все годы, что Пиксель Сок делала музыку, и даже дольше. Этот звук был запущен давным-давно, в стиле 1970-х. Ещё задолго до того, как мир родился. Даже смачное облизывание древним богом и близко не сравнилось бы.

Пиксель жестом левой руки в чёрной перчатке велела гунгу отступить. Правой, в жёлтой перчатке, она открыла дверь автобуса. Она открылась легко, защёлка всё ещё была скользкой от чего-то тёплого. Она знала этот материал. Высококачественный «Ваз»; она использовала его на пластинках для дополнительной текстуры. Но сейчас она слышала только музыку. Она последовала за ней внутрь. В автобусе было темно, только блеск пластинки, вращающейся на её личных вертушках. Зажигающей огонь. Было время, она убила бы, чтобы заполучить этот экземпляр. Теперь она смотрела сквозь музыку, в темноту. На её диване развалилась фигура. Растянувшись, ела яблоко, похоже; выглядела круто и абсолютно плевать хотела.

— Привет, Пиксель, — протянула фигура. — Как дела? Хорошая музыка, а?

— Сколько ты хочешь за неё?

— Убери кошелёк, Пиксель. Ты же знаешь, дело не в этом.

— Ладно.

— И избавься от гунга, окей?

Пиксель позвала Молли, которая нервно ждала у двери. Немного обидевшись, Молли подошла к охраннику. Они вдвоём направились обратно к шатру. Пиксель вернулась внутрь и заперла за собой дверь, включила мягкий светильник. Это был всего лишь парень, лежащий там, к тому же довольно симпатичный.

— Как тебя зовут? — спросила она его.

— Можешь звать меня Марко.

— Ты не против...

— Конечно.

Пиксель подошла к вертушке. Она чуть прибавила громкость, а затем медленно, неспешно позволила своей левой руке зависнуть ровно в одном миллиметре над вращающимся винилом. Она ждала, замершая, как кошка перед прыжком, в такт биту. Теперь! Она опустила руку, добавив немного собственного чёрного баса.

— О-о-о! — пропел парень в такт скрэтчу. — О, мне это нравится, правда нравится.

— Ладно. — Пиксель сбавила музыку до мягкого, но фанкового фонового ритма. — Чего ты хочешь?

Фигура откусила кусок яблока.

— Как ты это делаешь?

Как можно так скрэтчить? Что скрывают эти перчатки? Правда, что ты заключила сделку с Дьяволом? В чём секрет? В чём подвох? Почему нет интервью? Что скрывается за этой так лелеемой аурой одиночества? Когда ты улыбаешься? Почему так отстранённо? Кто та тень, что научила тебя? Как мне стать таким же? Ты можешь научить меня? Сколько это стоит? Одни и те же вопросы снова и снова. И выбросить на ветер всю эту с таким трудом заработанную поп-мистику из-за какого-то жалкого 12-дюймового сингла прошлого века? Да бросьте. Ни за что. И даже если этот паренёк Марко скажет: «У меня есть ещё этого добра», — а он, конечно же, скажет, — даже тогда... так просто сдаться... ну, может быть, самую малость, почти...

— Зачем тебе знать? — спросила диджей. — Продать историю?

— Я хочу быть гениальным, конечно.

— Ты диджей?

Парень кивнул.

— Хотел бы им быть.

— Есть способы проще. При доступе к таким пластинкам...

— Я могу достать пластинки. С пластинками проблем нет. Я просто... я не знаю, что с ними делать. Я не могу заставить людей двигаться. Они не двигаются для меня.

Пиксель Сок кивнула. Возможно, совсем чуть-чуть, она вспомнила себя в его возрасте; вспомнила страх перед пустым танцполом. И то желание, что заставило её зайти так далеко в поисках секрета. Жертвы, которые она принесла на этом пути.

— Я сделаю что угодно, — сказал парень. — Что угодно.

И тогда, медленно, Пиксель Сок стянула левую перчатку. И её рука сверкнула — твёрдая, серебряная, местами потускневшая. Звук, который она издавала, — тихое жужжание и щелчок, когда пальцы один за другим разворачивались на крошечных шарнирах, становясь намного длиннее, чем человеческие пальцы. Вид и звук раскрытой руки заставили Марко ахнуть от изумления, а не удивления. От изумления перед совершенным механизмом, а не от факта как такового, потому что он это предполагал.

— Ты робот.

— Нет. Только моя рука. Всё остальное настоящее.

— Можно... можно потрогать?

Пиксель Сок кивнула, и парень протянул руку, чтобы погладить тёплый, податливый металл.

— Хорошая работа, — сказал он. — Очень хорошая работа. Должно быть, дорого обошлась.

Пиксель Сок кивнула, но не назвала цену.

— Ладно... — Марко отстранился. — Итак, бас раскрыт. А что насчёт правой руки? Руки высоких частот.

Но диджей покачала головой.

— Нет. Это всё. — Она уже натягивала перчатку обратно. — Спасибо за винил. А теперь уходи.

— Я слышал робо-музыку тысячу раз. Это ничто по сравнению с тем, что делаешь ты. Должно быть что-то ещё. Правая рука...

— Я терпела тебя достаточно долго, юноша. Этот трейлер под сигнализацией. Мне достаточно нажать кнопку.

— Сделай одолжение.

Пиксель попробовала.

Тишина, и медленная улыбка юноши, говорившая:

— Ну и что теперь? — А затем он достал откуда-то пистолет — грубую самодельную штуковину.

— Ты не захочешь этого знать, — ответила Пиксель. — Поверь мне, не захочешь.

— Дай мне самому решить.

— Речь идёт об эволюции. А ты не готов.

— Не готов? Эволюции? Я точно готов. Я эволюционировал.

— С пистолетом в руке?

— Сучка.

Вся ночь закружилась вокруг этого слова, словно ждала, когда его произнесут.

Пиксель Сок бросилась к двери, но Марко легко двигался. Завязалась борьба, и вот она уже держала его за шею — так легко, её бас-рука сжала его тонкую белую шею. И механизм сжимался по её воле — длинные растянутые пальцы, следующие алгоритмам.

И парень... парень... ах...

Всё зашло дальше, чем он думал, особенно когда громкий выстрел наполнил его голову огнём, а её тело обмякло на нём.

Марко выронил пистолет. На его костюме, на его лучшей куртке, была кровь. Яблочный сок и кровь.

Левая рука Пиксель всё ещё сжимала его шею.

Обеими своими руками, тонкими, человеческими руками, Марко попытался разжать металлические пальцы. Но диджей была едва жива, сил ещё было достаточно, чтобы механизм продолжал работать. Руки Марко стали потными, пока он боролся за воздух, за освобождение, за вечер, что обернулся сущим кошмаром. Наконец, тело женщины обмякло, чёрная перчатка слегка разжалась, а затем зафиксировалась в одном последнем положении.

Теперь, когда он наконец мог дышать, хоть и с трудом, Марко осознал своё положение. Он пытался вернуть ту самую былую крутость и огонь, что заставили его пойти на эту авантюру. Он должен был войти и выйти: обменять пластинку, узнать секрет, договориться. Конечно, может, чуть припугнуть здесь и там, что потребуется, но не убивать её.

Она действительно мертва? Он не мог сказать. Он посмотрел вниз на тело, свисавшее с его шеи. Её другая рука, правая, в жёлтой перчатке, безвольно болталась, пальцы касались пола.

Затем шумы снаружи: и стук в дверь трейлера, удары, и крики людей снаружи. Пистолет. Он наконец понял, что выстрелил. Он никогда не хотел этого.

Чёрт!

К стеклу прижалось лицо. Что они, должно быть, увидели?

Марко позволил своему внезапно уставшему телу соскользнуть на пол. Диджей Пиксель Сок теперь лежала на нём, у него на коленях. Марко потянулся к её правой руке. Почти рассеянно он заметил, что она всё ещё двигается, всё ещё живая. С мрачным осознанием, что уж лучше довести это до конца, он начал стягивать жёлтую перчатку. Рука внутри, как он чувствовал, была тёплой, очень мягкой и наполненной пульсирующей жизнью. Наконец он снял тугую перчатку, палец за пальцем, а затем и её основу.

Спектральное сияние. Её рука переливалась тысячей ярких цветов. Из её рукава, из её запястья пульсировал клубок трепета, каскад жизни, поднимавшийся вверх, вдоль и простиравшийся, образуя лишь форму руки. Форму запястья, форму ладони, форму пяти пальцев. Рука росла, удлинялась, поднималась вверх, распадалась, превращаясь в облако цветов, следующее за музыкой по воздуху.

Всё, что мог сделать парень, — это громко ахнуть.

Цвета! Цвета!

Её рука была сделана из бабочек.

Он кричал, когда гунги выламывали дверь.

БАССОВАЯ ПЫЛЬ

В общем, ловят они этих жуков, ага? Живут они в Южной Америке. И отрывают им надкрылья, перемалывают их в мелкую-мелкую пыль. Так этот тип сказал, во всяком случае. Порошок такой багровый, цвета крови. И что ты делаешь — ты сыплешь эту пыль на пластинку виниловую, олдскул, понимаешь, а потом врубаешь скретч-инъекцию старым алмазным жалом. И это просто... Эй, мистер Диджей! Дай нам клубного проскальзывания! Вечный грув в момент размягчения, о да! Разорви моё танцующее сердце, умоляю. То есть, ты в жизни не слышал такого баса. Как будто это отражение лунного баса в океане, с самой глубины. Толпа на танцполе просто испытывала оргазм. Правда, слушай меня. И ладно бы что, но всего щепотка этой дряни чуть не спалила всё заведение, так что я думаю, а что я могу сделать с целой унцией. Ну, короче, покупаю я её у того мужика. Странной наружности он был, тощий такой, и с такими скулами, будто пара ножниц.

Но на этом история не кончается, потому что дальше он, понимаешь, достаёт свои бумажки для самокруток. Делает «Рислу-Сислу», да? И я думаю, а почему бы и нет, только ведь крутит-то он из одной этой басовой пыли. Нет, клянусь, так и было. Затягивается он так, прямиком в затылочную долю, и протягивает мне. Говорит:

— Давай, приятель, послушай вот это.

Я такой:

— Чего?

— Послушай, — говорит он.

Ну, я и послушал. То есть, я выкурил это прослушивание, ты понимаешь? До самого конца, и облако наполняет меня, облако баса заполняет мои вены, и вдруг у меня внутри поселяется этот чёртов джаз-фанк. И ладно бы, я джаз-фанк даже не люблю. Беда в том, что мелодию теперь из головы не выкинуть, она там как жук летает, будто басовая пыль снова в крылья превратилась.

А он говорит:

— Теперь это с тобой навсегда, но ничего, можно же сделать ремикс.

— И как? — спрашиваю я.

— О, для этого тебе понадобится даб-сок.

— Даб-сок? — переспрашиваю я.

— Конечно, у меня как раз есть.

Пришлось покупать и это новое вещество, глотать его, и потом я просто... вау, понимаешь, как дабнутая версия, впервые в жизни...

В ЛИМУЗИНЕ РОК-ЗВЕЗДЫ

Вот оно, начинается. Поехали! Вскроем эту малютку настезь! Снесём всё к чертям, устроим настоящую бойню. Здесь кроме нас ни души. Вперёд, адская колымага!

Да, он хотел ехать один. У нас есть его письменное заявление, а сама поездка зафиксирована на видео — включая запись с камеры в салоне — а также отслежена сверху со спутника. Все доказательства можно просмотреть. Его устные показания, записанные во время поездки, безусловно, выявляют раздробленное сознание, не находящее покоя, однако ни в один момент он не высказывает сомнений в добровольности своей миссии. Да будет также известно, что мы предлагали, чтобы автомобиль вёл робот. Он отказался. Дэвид Пул был слишком глубоко травмирован первоначальным инцидентом, чтобы позволить кому-либо (или чему-либо), кроме него самого, управлять его техникой. Кроме того, как изобретатель спорной системы «Рoadмьюз», он утверждал, что настроен на её сложные алгоритмы лучше, чем это могла бы сделать любая машина.

С неохотой мы были вынуждены с этим согласиться.

Было крайне важно, чтобы эта вторая поездка в точности повторяла первую во всех возможных деталях. Соответственно, именно в то же самое время — 2:15 ночи — и с того же самого места — с парковки отеля «Бёрджес Шейл» в Манчестере — Дэвид Пул начал эксперимент. Автомобиль был точно такой же модели (с небольшими модификациями для целей эксперимента) — лимузин «Роллс-Ройс Гесперус» серо-голубого цвета. И ночь, насколько могли сообщить прогнозы, должна была быть схожей с первой по погодным условиям, дорожной обстановке (к счастью, спокойной из-за позднего часа) и прочим внешним факторам.

Мы сделали всё, всё идеально.

Первые слова Пула на записи комментариев: «Вот оно, начинается». Затем он смеётся, словно осознавая несколько зловещий характер этого высказывания.

Единственное реальное различие между двумя поездками заключалось в личности человека в машине. Мы не могли это контролировать, за исключением крепления к одежде Пула определённых грузов и считывающих устройств, точно откалиброванных для оказания на подвеску и центр тяжести автомобиля в точности такого же эффекта, как и оригинальный водитель, коим был стареющий и несколько полноватый рок-певец Лукас Новум.

Мы сделали всё. Всё, кроме как сообщить властям о наших намерениях.

В 2:17 ночи Дэвид Пул отъехал от отеля, свернув налево на Питер-стрит. Наши две машины сопровождения следовали за «Роллс-Ройсом», соблюдая осмотрительную дистанцию, чтобы никоим образом не повлиять на исход эксперимента.

Информация, восстановленная из банков данных оригинального автомобиля, предоставила нам частичную модель той поездки; именно этой модели придерживался Пул, когда в 2:21 ночи включил лимузинную аудиосистему. Он услышал точную копию музыки, звучавшей во время первой поездки. Затем Пул отключил ручное управление лимузином, лишь слегка положив пальцы на теперь уже самостоятельно вращающийся руль.

— Поехали, — бормочет Пул, снова следуя сценарию.

Отныне двигателем будет музыка.

Щас я устрою тут разборку, дам всем пизды. Прорежу дыру в ночи, пролезу сквозь, соберу сливки с лунного поцелуя. О да, я крем де ля басс, детка.

В остальном же корректный профессор Пул, похоже, всецело перенял речевые обороты и словарный запас Лукаса Новума, да и всю его личность, оказавшись в автомобиле. Пул не давал нам никаких указаний на то, что собирается принять такую манеру поведения до начала эксперимента. Очевидно, он досконально изучил восстановленные записи с места аварии, чтобы точно скопировать слова, произнесённые (или пропетые) во время оригинальной поездки. Возможно, Пул чувствовал, что эта «идентификация» является жизненно важной частью успешного воспроизведения пути.

Разумеется, мы не можем полностью исключить тот факт, что Дэвид Пул демонстрировал признаки серьёзного психического расстройства после смерти рок-звезды, смерти, которую пресса неумолимо связывала с использованием системы «Рoadмьюз». Именно эти слухи и побуждали Пула испытать систему лично; совершив точь-в-точь такую же поездку, управляемую тем же самым музыкальным фрагментом, он надеялся реабилитировать технологию «Рoadмьюз».

Однако по мере продвижения пути эта идентификация тревожным образом усиливалась, пока профессор буквально не выкрикивал слова рок-звезды. На этом этапе мы настоятельно потребовали, чтобы Пул

прекратил эксперимент, но в ответ получили лишь полный разрыв связи между нашими машинами сопровождения и лимузином.

Пул вырвал провода, соединявшие его микрофон с антенной на крыше. Однако сам микрофон он не отключил, позволив своей непрерывной аудиодорожке сохраниться для последующего анализа. Некоторые недалёковидные репортёры выдвинули предположение, что это свидетельствует о битве, бушевавшей в сознании Пула между преданным учёным и своевольной рок-звездой.

Небольшая предыстория. 15 октября прошлого года Лукас Новум дал концерт в Манчестере со своей группой «ЭлектроСпазм». Концерт имел оглушительный успех, что и подобает его статусу одного из самых почитаемых в мире рок-музыкантов. Однако послеконцертная вечеринка в отеле «Бёрджес Шейл» вылилась в жестокий спор между певцом и остальными участниками группы. Лукас затем покинул отель, чтобы прокатиться ранним утром по родному городу, тому самому, что послужил ему трамплином к мировой поп-гегемонии. Он не потрудился разбудить своего водителя. Мы знаем, что эта потребность сбежать, как и предшествовавшая ей ссора, были подпитываемы обильным количеством рекреационных наркотиков со стороны Новума. Действительно, маршрут, проделанный лимузином, представлял собой случайную, извилистую траекторию по пустынному городу, управляемую лишь перевозбуждёнными желаниями рок-звезды.

Путь должен был занять чуть меньше тридцати пяти минут.

Почти год спустя Дэвид Пул в точности повторял этот маршрут, при этом автомобильная музыка воссоздавала каждый поворот, каждое изменение скорости, каждую перемену в погоде; примитивные, долбящие ритмы создавали идеальный саундтрек к поездке.

Новум получил раннюю демоверсию 2.2 системы «Рoadмьюз Драйвтрекинг». Разработанная профессором Пулом в нашей звуковой лаборатории, «Рoadмьюз» представляла собой движок обратной связи в реальном времени, где каждая нота музыки, каждый ритм, каждый выбор инструментала создавался движением самого автомобиля и состоянием внешнего мира. Наша рекламная кампания говорила сама за себя: «Рoadмьюз: Оригинальный саундтрек жизни!»

Для целей этой бесплатной демонстрационной модели Пул запрограммировал систему «Рoadмьюз» сэмплами, взятыми из собрания произведений самого г-на Новума и его группы «ЭлектроСпазм». Таким образом, поездка стала импровизацией, выведенной из самых базовых музыкальных элементов: бешеной барабанной дробы, примитивных ба-

совых линий, визжащих гитарных соло и случайных высоких вокальных воплей.

Технология, позволявшая это взаимодействие жизни и музыки, была довольно простой; гениальность Пула заключалась в том, чтобы наделить интерфейс реальным, интерпретирующим мастерством. Например, в 2:29 ночи во время оригинальной поездки пошёл дождь. Более ранние системы сопоставили бы эту перемену погоды с простым синтезированным ударом; версия 2.2 ответила гораздо более мрачным эмбиент-рефреном, где каждая капля дождя становилась эхом в задумчивой, но элегантной ночной мелодии.

Г-н Новум, возможно, и хотел бы создавать такую очаровательную музыку из своего несколько ограниченного исходного материала.

Как ни странно, в 2:31 ночи во время второй поездки дождь также пошёл, словно на этот раз музыка вызывала эффект в реальном мире, а не наоборот. С Дэвидом Пулом в этот момент случается вздох, что, верно, зафиксировано на записи комментариев.

Едем домой, крошка. Гони сильнее. (Вздох) О да, я чувствую, как дождь проливается, детка, по всему миру. Обрушь на меня его мощь!

Главным усовершенствованием, внедрённым Пулом в эту последнюю версию системы «Рoadмьюз», стала возросшая чувствительность движка обратной связи. Теперь даже малейшее изменение в окружении автомобиля заметно влияло на создаваемую музыку. Он утверждал, что она способна превратить даже температуру тела пассажиров в мелодию. Он также заявлял, например, что система будет чувствительна даже к паттернам их мышления.

В то время мы считали эти заявления нелепыми. Теперь же, изучив результаты эксперимента, мы полагаем, что они дают единственно возможное объяснение тому, что произошло в ходе этих двух ночных странствий. Более того, вполне возможно, что Дэвид Пул недооценил отзывчивость интерфейса.

Поблуждав некоторое время по улицам Манчестера, лимузин и его призрак теперь двигались по Динстейту, удаляясь от центра города.

Было 2:37 ночи.

Мы полагаем, что Лукас Новум намеревался добраться до Хьюма, района, где он провёл подростковые годы и впервые собрал «Электро-Спазм». Миру известно, что он так далеко не доехал, но только теперь мы можем раскрыть точные обстоятельства, приведшие к аварии.

В 2:42 он выехал на круговую развязку в конце Динстейта. Если его целью был Хьюм, ему следовало бы съехать с круга на Чорлтон-роуд. Однако он продолжал ехать по кругу, снова и снова. Музыка в точности отражала это круговое движение, сама запутавшись в сложной, то восходящей, то нисходящей фуге нот, залитой воем обратной связи.

Наконец, в 2:47 ему удаётся вырваться из этого странного психического состояния и покинуть объятия круга, свернув не на Чорлтон-роуд, как, возможно, изначально планировалось, а на Манкуниан-Уэй. Он несётся по этому участку шоссе, быстро ускоряясь, достигая максимальной скорости в 110 миль в час. Затем он резко уходит влево, на съезд, ведущий к Принцесс-роуд.

Точно так же музыка вырывается из своей звуковой матрицы, чтобы взмыть внезапным потоком визжащей соло-гитары. Все остальные инструменты исчезают из микса. В самом конце этого музыкального рывка вступает в игру гармоническая обратная связь, создавая почти эфирный каскад звука. Звучание гитары в этот момент подобно колоколу и соткано из чистого воздуха.

В 2:49 ночи Лукас Новум врезается на своём «Роллс-Ройсе» в одну из опорных стоек эстакады.

Музыка вспыхивает огнём.

Последними словами рок-звезды были: «Стекло! Стекло!». Крик боли, который мы изначально приняли за отсылку к разбивающемуся лобовому стеклу.

Дэвид Пул должен был прекратить эксперимент в этот последний момент. Его намерение сделать это чётко обозначено в подписанном контракте. Мы, как компания, считаем, что сделали всё от нас зависящее для обеспечения его безопасности. Увы, мы не могли полностью контролировать эксперимент.

Последние слова Пула слегка отличаются от слов рок-звезды; профессор вместо этого кричит: «Стекло! Зеркало!». Это его единственное отклонение от сценария, и эта крошечная зацепка позволила нам распутать тайну аварии. Любые критические замечания по поводу психического состояния Пула во время этого, его последнего музыкального путешествия, должны быть смягчены с учётом его научной преданности. Ибо он доказал сверх всякой меры, что «Рoadмьюз» действительно превращает человеческие мысли в музыку.

Чего он не мог осознать до тех самых последних мгновений, так это того, как чувствительность интерфейса воздействовала обратно на ра-

зум пользователя. Система «Рoadмьюз» не только превращала мысли в музыку; она превращала музыку обратно в мысли.

Первая авария, как и вторая, была вызвана тем, что мозг рок-звезды, затуманенный наркотиками, создал мелодию разрушения. Захваченный петлёй обратной связи этой суицидальной музыки и запрограммированный бесконечно её отражать, автомобиль избрал единственный оставшийся ему путь.

По сути, оба лимузина врезались в зеркала.

СПЕЦИАЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ — ГИПЕР-АЛИСА

Девочки! Вы когда-нибудь чувствовали себя покинутыми и одинокими просто потому, что боитесь показать своё истинное «я»? Больше не бойтесь с «Гипер-Алисой» — лучшим отражающим образом на рынке! Как бы вы ни были расстроены, как бы ни устали или ни были безучастны, как бы вас ни тошнило от всей этой грустной и унылой канители — позвольте «Гипер-Алисе» выглядеть хорошо за вас.

Просто активируйте незаметную панель управления (помещается в сумочку!), и через секунду все будут преклоняться перед вашим сиянием! Это как кривое зеркало на ярмарке, но настроенное на совершенство, превосходящее норму. Ваши друзья, коллеги, возлюбленные, семья — будут по-новому смотреть на вас и увидят в зеркале собственные желания. Психологи доказали, что это техника номер один для впечатления людей. «Гипер-Алиса»! Это так просто: станьте зеркалом. Работает на вечеринках и других социальных мероприятиях, просто усредняя все присутствующие там потребности.

А также, впервые в этом месяце: Мужчины! Не оставайтесь в стороне от гонки лиц — заказывайте «Гипер-Элвиса»! Специально разработан для изменчивого образа современного мужчины. Станьте тем сыном, которого ваш босс так и не смог произвести на свет.

Обе модели работают так же хорошо и в обратном режиме (достаточно одного щелчка переключателем!). Надоело, что вас вас донимают? Искжите зеркало. Пусть они увидят свои худшие страхи в вашей проекции. Или, когда жизнь становится совсем неведомой, просто переключите устройство в нейтральный режим. Гарантирована нулевая личность! Предельный побег.

«Гипер-Алиса» и «Гипер-Элвис»: будущее личной привлекательности*.

* Важное уведомление: внимательно прочтите инструкцию — ваша личная привлекательность может возрасти или упасть в соответствии с изменяющимися курсами Международного индекса красоты.

ОСЕРЕБРЕНИЕ

Возможно, можно сказать, что однажды вечером, в далёком будущем, все зеркала в мире решили объединиться. Хотя большинство считает зеркала просто отражающими поверхностями, некоторые мистические религии полагали, что это двери в иную, более глубокую реальность. А теперь представьте их как вены; вены некоего огромного, сокрытого существа, по которым способен путешествовать свет. Существа с кровью из фотонов.

Веками это существо сплетало свои вены так, что каждый путь света возвращался к своей исходной точке. Так мы видели себя. Но теперь, с этим соединением в серебряной глубине, каждое зеркало отражало не изумлённый взгляд владельца, а столь же шокированное выражение лица.

Чужого лица.

На которое можно было лишь скорчить гримасу, зареветь или застыть в немом оцепенении перед ним.

Нам придётся вообразить, как зеркальное существо, быть может, пожимает плечами, и в этом движении запутанные вены перестраиваются в новый узор. Возможно, оно не хотело, чтобы это случилось. А возможно, хотело.

Уничтожение зеркал не приносило облегчения, ибо каждое новое зеркало, купленное или даже созданное, по-прежнему отражало то же чужое лицо. Кроме того, быстро заметили: где бы в мире ни находился смотрящий, в какое бы чужое зеркало он или она ни глядели, один и тот же партнёр всегда будет ждать там.

Это явление стало известно как Осеребрение. Со временем и воображаемое чудовище, по чьим венам бежали лучи света, стали называть тем же именем.

Было обнаружено, что точная математическая форма, которой должны были следовать вены Осеребрения для осуществления этого процесса, представляет собой невероятно сложную кривую одиннадцатого измерения. Абстрактная красота этой кривой могла радовать учёных; но она была бесполезна для миллиардов людей в мире, чьи зеркала внезапно оказались совершенно непригодными для их прямой задачи. Самый очевидный пример: как могла юная женщина с длинными струящимися локонами причесаться в отражении какого-то старого, дряхлого лысого мужчины?

Да, ибо некоторых мужчин отражали женщины. Осеребрение не ведало предрассудков. Старых отражали молодые; геев — натуралы; чернокожих — белые; богатых — бедные. Сначала это растворение границ вызывало лишь гнев по обе стороны стекла. К счастью, хотя световые волны могли путешествовать по венам Осеребрения, звуковые — нет. Проклятия не были слышны, но, разумеется, легко угадывались по выражениям лиц.

Но затем, и спустя лишь очень короткое время, люди мира приняли свои новые отражения и научились работать с ними. И вот так старые, дряхлые, лысые мужчины научились изображать расчёсывание длинных золотых локонов. И мир стал считаться лучшим местом благодаря соединению в серебряной глубине.

Единственные тревожные моменты возникали из-за простого математического свойства: каждая вена Осеребрения имела лишь две точки входа — начало и конец. Из-за этого процесс работал только тогда, когда число людей в мире было чётным. При вечной игре рождений и смертей время от времени человек подходил к своему зеркалу, ожидая увидеть приветствующего его партнёра, и обнаруживал лишь пустоту, ничто, ужасающую бездну.

Это явление называлось Замутнением и заставляло избегать всех зеркал до того дня, пока население планеты вновь не становилось чётным и у всех световых вен появлялись и начала, и концы.

Новое лицо являлось, чтобы обнять ваше отражение, и улыбки копировались идеально. Создавая равновесие в мире.

Пока Осеребрение не пожимало плечами вновь; на сей раз не только в пространстве, но и в прошлом, и в будущем. Так что, возможно, однажды вечером, можно будет сказать, что все зеркала всех времён...

ПОКА ВСЁ НЕ ИСЧЕЗНЕТ

На днях я ужинал с Малышом Сигналом, как вдруг он упоминает новую игрушку в городе, некую девицу, что делает себе в казино аккуратную рыбную запеканку.

— Манки-Фанки, зовут её, — говорит Малыш, уплетая за обе щёки, — и явно рождена рыбачить. Хочешь проверить? Может, избавишься от червяка, да и мне с мышкой перепадёт лишнего?

— Продолжай жрать, — сказал я ему. — И оставь червяка в покое.

Малыш был отличным экспериментом; мышь, жившая у него в желудке, была дружелюбным созданием, если её хорошо кормить, и экспертом по всем свежим слухам.

Некоторым из нас так не везло с рождения.

Я кинул Малышу рыбёшку, малявку, само собой, за наводку.

А потом я теряю это. Что-то проглатывается, и наступает тьма, пока я не оказываюсь в этом кото-трамвае, втиснутый в толпу, липкий от пота. Клянусь, я был единственным получеловеком на борту.

Трамвай был передвижным зоопарком, забитым до отказа змеедевками, псинопацанами, свинолюдьми, птицетёлочками. Все экземпляры. Они поднимали визг и рёв, настоящий переполох, о том, что сегодня будет их самый удачный день.

Ага, конечно. Я слышал это всё раньше, тысячу раз эдак. Но если у этой новой девицы в городе и вправду было что-то от обезьяны — а это высоко в пищевой цепи, — может, мне наконец удастся наловить достаточно денежной рыбы, чтобы почистить голову. Уж точно не помешало бы.

Мы все вывалились на окраине города, в кошачий парк. Безумное стадо ринулось к воротам казино, а я плёлся сзади, чувствуя внезапную пустоту. Черепной червь подгрызал что-то важное, и ещё один кусочек моей жалкой жизни уплывал. Что-то о моей матери или о девушке, не помню. Чёрт, что же это было?

Тьма.

В фойе я обменял немного рыбы на фишки и затем просочился в зал фрактальной рулетки. Место было забито, от стены до стены — куча лотов. Тони МакХул играл на колесе, одновременно укачивая свою кобру. Тони был одной из моих верных ставок — тощий пацан и ещё тощая змея, найденные мной за покером в какой-то собачьей дыре в центре. Змея извивалась, вылезая из-под его рубашки, и я точно знал, где она с ним соединена, потому что он показывал мне в сортире, когда мы за-

ключали сделку. Не буду вдаваться в жуткие подробности, но после этого мне пришлось одолжить ему немного рыбы на игру. МакХул теперь ставил акулу на всё или ничего. Всегда плохая ставка, даже со змеей в помощь.

— Ты знаешь Манки-Фанки? — спросил я его.

— Что это? Новая болезнь, от которой нам вакцину ставят?

Он выглядел нервным, змея тоже.

— Ты уверен? — спросил я. — Потому что она в последнее время неплохо выигрывает.

— Отстань от нас, пожалуйста. Колесо крутится.

Ещё бы. Это колесо невезения, содержащее все числа вселенной и даже больше. Ставки были высоки, крошечный шарик кружился, как умирающая планета; выпало минус 7,01377, подвластное гравитации.

Так близко, но никакой акулы, даже лосося. МакХул выругался, слегка придушил свою змею и начал собирать то, что осталось от его косяка. Я остановил его у двери в зал гиперкостей.

— Ты в последнее время ставишь слишком высоко, Змеехвост, — сказал я. — Хочешь отдать мою долю?

— Мы больше с тобой не общаемся, Ленточник. Мы теперь работаем на мистера Порки.

Я покачал головой, дал змее немного пошипеть на меня. Я ничего не мог поделать, кроме как проследовать за ними.

Гиперкости. Бросай числа по зелёному сукну; смотри, как они кувыркаются и падают, входя в существование и выходя из него. Смотри на крупье, как она следит за костями своими инопланетными глазами в следующий кувырок. Четырёхмерная игра в кости. Тридцать шесть чисел содержат гиперкости, лишь шесть из которых существуют в нашем ничтожном, маленьком мире...

Там ничего не происходило, ни малейшего признака кого-либо хоть отдалённо обезьяноглазого, не говоря уже о полном меховом обвесе, который сулил Малыш Сигнал. Я поставил щуку на двадцать семь. Кости выдали двадцать девять точек из другого измерения. Так близко, но никакой щуки, даже королевской креветки. Даже жареной трески, и уж точно никаких фишек.

Было время, я был уверен в хорошем выпаде, ибо нет ничего лучше червя, чтобы поймать крупную рыбу. Теперь я изо всех сил пытался просто вспомнить, с какой планеты пришли числа.

Я уже собрался направиться в зал квантового покера, как вдруг навстречу вышагивает сам Клитес МакПорки, с поросятами-близнецами, растущими по одному на каждой руке.

— Ленточник, — хрюкает он. — Ползи отсюда. Это теперь моя территория.

— Кто сказал?

— Хрюк и Хряк, кто же ещё? — и он размахивает своими свинячьими руками, пока те не начинают визжать.

Так вот, послушайте, я бы легко прикончил этих двух визгунов в честном бою, но мистер Порки держал при себе злую свору свинопанцов. И в центре этой мясной упаковки — прекрасная девушка с мехом цвета полуночи. Несомненно, Манки-Фанки, и мистер Порки опередил меня с призом.

Но что-то определённо поразило меня, даже когда я просто смотрел на неё, и она смотрела на меня тем же взглядом, глазами светящегося человека. Как будто она знала, кто я, в глубине, куда даже червь не доберётся. И будто он понимает, что его бьют...

Тёмное время.

Следующее, что я помню, меня втаскивают в личный кото-трамвай мистера Порки, который был зверской машиной, обставленной как бордель образца 2017-го, весь в леопардовой коже и черепаховом панцире. На стене висела картина в рамке: маленькая мышь с человеческим ухом, растущим из спины. Согласно легенде, это был Первый из Всех Живых Патентов, и мистер Порки преклонил перед ним колени. Затем он усаживает Манки-Фанки мягко и аккуратно и приказывает всем своим свинопанцам ждать в соседней комнате.

— Чувствуй себя как дома, Ленточник, — говорит он, наливая себе порцию чего-то, держа стакан в пасти одного поросёнка, а графин — в пасти другого. Ловкий трюк. — Хочешь глотнуть?

— Что это? — спросил я с фальшивой улыбкой. — Свиные помои?

— Собственно, да. Выдержанные помои, между прочим. Из моего собственного погреба.

— Я пас.

Он устроил свою тушу рядом с обезьянкой, обнял её плечи одним из своих поросят. Хрюк или Хряк? Я никогда не мог их различить. Девушка, кажется, не слишком возражала. Полагаю, девушка с мехом может стерпеть многое.

— Вот что, Ленточник, — начинает Порки, — слышал, у тебя не-большие проблемы.

— Справляюсь.

— Слышал я, мозги твои пожирают. Слышал, твой ленточник настроен на стирание. Невесело, наверное, терять все эти славные воспоминания. В Патентное бюро обращался?

— Ещё бы. Утверждают, что я сам виноват. Говорят, не тем кормил.

— Сборище чистюль! Они только рады платить нам за эксперименты, но, когда доходит до резервной копии, а? Ни-че-го. Вот у меня один парень, его свиная часть взбунтовалась. Начала откусывать от него здоровенные куски. Зрелище было неаппетитное, мягко говоря. Пятна отстирывал целую вечность.

Тут он с любовью погладил свой леопардовый диван. Диван глубоко заурчал и выгнул спинку, принимая ласку.

— Я, конечно, оплатил операцию. Подпольный доктор.

— И что?

— Успешно, хотя и безобразно. Пришлось, естественно, уволить человека. Ну какой прок от человека без свинины внутри? Не так ли, детка?

Девушка игриво положила свой пушистый хвост на гигантское бедро мистера Порка, хотя дразнила ли она его или меня — сказать не мог.

— Дело в том, — продолжал свин, — я бы предпочёл видеть тебя на своей стороне, чем против себя. В конце концов, патентов с рыболовным даром раз-два и обчёлся. Что скажешь? Хочешь эту операцию?

— Щедрое предложение, мистер Порки, но... я работаю один, понимаете? Волк-одиночка.

— Знавал я одного волка-одиночку, настоящего. Станный тип, всё был на луну. Пришлось в конце концов пришить.

С этими словами он нажал кнопку на своём черепаховом столике, и весь кото-трамвай ожил, заурчав. Комната слегка качнулась, когда транспортное средство распрямило ноги. Даже столик удивился: он двинулся к двери, может, со скоростью полмиллиметра в час. Я был не настолько быстр.

— Эй, что это? — Из окна я видел, как мы отъезжаем от казино.

— Пожалуйста, мистер Червяк, присядьте. Не ровен час, упадёте.

Я уже думал об аварии, которую устрою, и, может, о том, чтобы взяться за Хрюка и Хряка, вырвать этих визгунов с корнем, как вдруг в дверь вваливаются свинопасы, потные и тяжёлые, и следующую часть червь уже унёс, унёс во тьму.

Вот почему я должен это записывать, пытаться связать разрозненные части истории, пока она не исчезла.

Из тьмы я помню, как мы бежали по улицам, эта Манки-Фанки рядом со мной, а хрюканье настигало всё ближе. Нас выпустили на просторах обширного генетического поместья. Со всех сторон тянуло острым запахом секса, огромные чаны, в которых варили первичный бульон. Я слышал, как приближается кото-трамвай и топот копытцев свинослужителей, но не смел оглянуться, просто бежал. Я из последних сил старался не отстать от обезьянки, особенно когда она стала взбираться по лестнице, прикреплённой к одному из чанов.

Лазанье не входило в мои последние увлечения, но меня тащил страх. Чаны были размером с церкви, открытые сверху, с обзорной платформой по внешнему краю. При взгляде вниз меня затошнило, потому что там плавала какая-то громадина. Бог знает что. Поэтому я обернулся, чтобы взглянуть через другой край.

Свинопацаны, конечно, ошалели, потому что вы когда-нибудь видели, как свинья лезет по лестнице? Один из них вытащил пистолет. Металл подо мной пробило пулей, и из чана хлынул поток бульона. Кто-то внизу завизжал, когда эта жижа на него попала. Затем кото-трамвай начал карабкаться по чану и справился бы, если бы Порки не был так расточителен с аксессуарами на борту. Одна секунда — машина ползёт ко мне, следующая — нависает, поскольку поле для мини-гольфа на её спине медленно смещает центр тяжести.

Как и любой кот, он попытался приземлиться на лапы, исполнив тот самый воздушный танцевальный твист, который почти всегда срабатывает. Почти всегда... но на этот раз его впившиеся когти унесли с собой часть чана. Слишком большой вес.

Мы не стали дожидаться криков свиней, когда вся эта похлёбка обрушилась той ночью. Манки-Фанки просто взяла меня за руку, и вместе мы прыгали с чана на чан, от вида к виду, от тьмы к тьме, к...

* * *

Я только что прочёл эту запись Манки. Каждую ночь мы это делаем: я читаю из старых дневников по мере того, как воспоминания угасают, а она пытается собрать для меня прошлое. Она утверждает, что была моим другом детства, что мы вместе воровали рыбу из чанов, когда были маленькими, и поэтому она спасла меня от Порки, но я должен верить ей на слово.

В последнее время я должен верить на слово всем.

Странно, но я вполне готов к тому дню, когда червь заберёт всё. Я даже не думаю больше об операции. Не знаю, может, червь идёт мне на пользу. Просто жить, не думая ни о чём? Да, неважно. Но читать дневники — это мука, и, возможно, это моё последнее путешествие в прошлое. Слишком многое из того, что я читаю, больше не имеет смысла.

Я не могу вспомнить, как выглядит Малыш Сигнал, например, и что, чёрт возьми, такое гиперкости? Так глубоко зашло, что я не помню даже, как выгляжу сам, без помощи зеркала, или выражение в глазах Манки, когда мы целуемся.

И все истории исчезают, одна за другой за другой...

ПИКСЕЛЬНЫЙ ДАБ-СОК (ремикс от саблаймерикса)

Покупая волшебный товар,
Дети торгуются — адский раздор;
А юный сутенёр
Впадает в ступор,
Увидев отца без подпор.

Вся книга — сборная солянка;
Ребёнка заводит будильник-игрушка;
Реклама — в ударе,
Диджей — в «угаре»,
И Годзилле — удар по яйцам.

Бомж-робоканнибал — вот так номер;
Поп-звезда по имени Янус — в коме;
Мокрый, как тряпка,
Убит фетишем слабым;
А жук закуривает задницей.

Дождь, словно слёзы, струится
На гопников с пиксельной рожей;
Снова диджей «в транс»,
Что Нун сказать нам хочет?
Он в клубах не бывал десять лет.

Робот в Нью-Йорке свихнулся,
С языком в животе — мерзко!
Зеркала убегают;
Книги читая — убивают;
Всё стащил у Борхеса, Хорхе Луиса.

Стиль — маниакально-френетичный,
Язык искажён-генетичный;
Дика воскрешает,
С «Великолепной пятёркой» спаривает
В акробатике буквенно-ритмичной.

О, тут извращений — вагон!
Пушки, шлюхи, наркота — миллион!
Критикам — хулить её,
Властям — запретить её,
Или выставить в витрине окон!

НОЧНОЙ ШОППИНГ

И много лет спустя, когда маленький Томми сильно повзрослел и стал не таким уж маленьким, он примерял костюм-хамелеон в девятом магазине, как вдруг почувствовал лёгкую боль во лбу. Попросив у продавца стакан тени, он присел на мгновение, чтобы успокоить нервы. Костюм, заметив его настроение, ослабился вокруг шеи и груди, а затем сменил свой вычурный серебряный цвет на успокаивающий пастельно-голубой. Теневой сок покрыл боль своей тёмной и нежной рукой, и вместе, костюм и тень, сделали всё возможное, чтобы избавить Томаса от дискомфорта.

Продавец спросил, всё ли в порядке, и Томас ответил, что да, спасибо, и сколько стоит костюм? Сделка была заключена, и продавец спросил, не хочет ли он, чтобы его завернули. Томас сказал, что нет, он наденет его сейчас, и, пожалуйста, избавьтесь от его старой одежды.

Затем Томас встал, чтобы переложить кошелёк в новую куртку. Куртка сделала карман как раз там, где лежала его рука. Но когда он засунул руку в карман, что-то твёрдое и тёплое стукнулось о его пальцы. Он вытащил руку и увидел, что держит ключ, золотой ключ. Продавец удивился, увидев его там, и был озадачен, ведь кармана не существовало ещё секунду назад.

И тогда Томас пошёл домой, размышляя, не будет ли кото-трамвай мудрее, учитывая его состояние. Вместо этого он решил, что прогулка пойдёт ему на пользу, и костюм согласился, превратившись в крепкий анорак, а туфли — в прогулочные ботинки. Однако вскоре Томас обнаружил, что заблудился, чего с ним не случалось много лет, и он удивился, не построили ли здесь новую торговую галерею, потому что таких пассажей он раньше не видел.

Он зашёл в первый дружелюбный киоск, чьи прилавки были заполнены компас-жуками различных направлений. Он купил одного на «дом-магазин», проглотил его и немедленно почувствовал себя лучше. Позволив жуку внутри своего желудка вести его, он уверенно двинулся по странным и извилистым улицам. Но по мере продвижения места становились всё менее и менее знакомыми. Всё больше магазинов были заколочены, а улицы почти безлюдны. В конце концов он вышел на район, который, как ему показалось, он узнал: небольшой участок газона с одиноким деревом и скамейкой. И здесь Томас отдохнул какое-то время и уснул. А его костюм, медленно и нежно, превратился в длин-

ную, струящуюся ночную рубашку. Он увидел сон, первый за много лет, об ушедшей матери и отважных шоппинг-экспедициях своей юности.

Когда он проснулся, была уже искусственная ночь, и искусственная луна висела в небе пассажа. Странно, но его костюм не изменил своей длинной, струящейся формы. Площадь была совершенно пуста, и лишь один магазин всё ещё шептал в тусклом свете. Вывеска над дверным проёмом была на языке, которого он не понимал. Он больше не чувствовал направлений в животе, а головная боль была без тени и почти как давно забытая мысль.

Итак, он вошёл в магазин.

Он был наполнен всеми вещами, которые он когда-либо покупал, и всеми вещами, о покупке которых он когда-то мечтал. Пенни-призраки и птичьи башмачки, словесные яйца и печенье-песня, дымные карты и семена щенков, и все тени мира были выставлены на витринах, словно куски успокаивающего ночного неба. Засунув руку во внезапно возникший карман своего халата, Томас обнаружил там один пенни старой монетой. На него он купил одинокого, шепчущего призрака.

Выйдя из магазина, он увидел, или ему показалось, что увидел, группу людей, сидящих под деревом на участке газона. Одна из них, женщина, позвала его по имени. Дети вокруг неё умоляли его поторопиться.

И его костюм обратился в пепел.

ЭПИЛОГ: ЧАСЫ

Я поверил в невидимые часы так сильно, что сразу же вернулся в класс и спрятал их за книгами в своей парте. Я не хотел, чтобы их кто-то увидел; часы были только моими.

Время от времени, во время скучного урока, я приоткрывал крышку парты, просто чтобы взглянуть на них. Меня ни на секунду не смущало, что по невидимым часам нельзя узнать время. Время не имело значения; меня завораживала сама невидимость.

Волшебство.

В тот вечер я забрал их домой и даже пристегнул к запястью. Я спал, положив их под подушку. И носил в школу на следующий день, но потом, боясь, что их у меня украдут, снова надёжно спрятал в парте.

Достаточно было просто думать о них, но потом на перемене я увидел Колина Брэдшоу с его друзьями. Он спросил меня, как поживают невидимые часы. Они все смеялись надо мной.

— Который час, Нуни? — кричали они. — Который час?

Я вернулся в класс, приподнял крышку парты, медленно, отодвинул книги в сторону.

Невидимых часов не было.

ВЫЖИМАЯ ПИКСЕЛИ

(Личные заметки Джеффа по каждому рассказу в «Пиксельном соке»)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное дополнение к основному сборнику не что иное, как персональные заметки Джеффа по каждому рассказу из «Пиксельного сока». С оригиналом этих заметок можно ознакомиться на его персональном сайте:

<https://jeffnoon.weebly.com/juicing-the-pixels.html>

Переводом заметок занялся пользователь Фантлаба под ником [i_bystander](#), известный также как [Павел Кодряной](#). Именно ему в далёком 2020 году доверили делать официальный перевод сборника, который АСТ почему-то так и не издала.

Помимо перевода самих заметок он также снабдил текст различными комментариями, объясняющими игры слов, отсылки и прочие тонкости. Ознакомиться с оригиналом перевода можно в его личном блоге по следующим ссылкам:

Введение: <https://fantlab.ru/blogarticle87704>

Часть 1: <https://fantlab.ru/blogarticle87736>

Часть 2: <https://fantlab.ru/blogarticle87780>

Часть 3: <https://fantlab.ru/blogarticle87810>

Часть 4: <https://fantlab.ru/blogarticle87902>

По причине того, что фанатский перевод сборника производился независимо от перевода заметок, пришлось немного отредактировать текст, дабы названия рассказов, терминов и имён соответствовали друг другу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: АРОМАТЫ ИЛЛЮЗИЙ

Пролог: Часы (*Prologue – Watch*)

Само собой, это реально приключившиеся со мной в школе события, намеренно изложенные в псевдо-наивном стиле. (Если сейчас призадуматься, то даже слишком «наивном».) Мне хотелось передать ощущение человека, в котором прямо у нас на глазах пробуждается способность к творчеству. Кто в результате остался в выигрыше, юный жулик или парнишка, верящий в несуществующие предметы? Рассказ впервые прозвучал по радио несколько лет назад в комическом кабаре-шоу под названием «Невольный юмор», я также брал его за основу для импровизаций, открывая чтения [«Автоматической Алисы»](#)*. Прошу учесть, что имя юного жулика было изменено ради анонимности обвиняемого.

* К «Пиксельному соку» это, конечно, прямого отношения не имеет, но всё-таки немного жаль, что в русском переводе практически исчезла отсылка к [«Аннотированной Алисе»](#) Гарднера.

01 – Покупатели: (*The Shoppers*)

Рассказ написан для ежегодника книжной сети [«Уотерстоун»](#) за 1997 год. Нелёгкое это дело — браться за заказ, если количество слов, с которыми можно поиграть, столь ограничено. Как в таком скромном объёме передать мысли и чувства? Когда я только закончил рассказ, он нравился мне куда больше, чем сейчас. По большому счёту всё целиком происходит из происходящего с магазинами Манчестера, который на глазах превращается в гигантский торговый центр. Я лишь попытался впрыснуть в общую стерильность немного магии, не более того.

02 – Отрада: (*Solace*) [*“Сатори” в ориг. переводе статьи*]

Рассказ написан для [«Большого дела»](#)*, это моя вторая для них работа. И часто используется при живых выступлениях, поскольку стиль (всё представлено в виде диалога) хорошо подходит для чтения вслух. Сама концепция, по-моему, тоже довольно мощная при всей своей простоте. Мне нравится идея газировки, которой можно по желанию придать любой вкус. Странно, что никто до сих пор не озаботился её выпуском. Во многих отношениях рассказ для Джеффа Нуна «типичный» в том смысле, что он начинается с банальной сюрреальности, углубляется вместе с её последствиями всё дальше во мрак, и заканчивается (в по-

следнем предложении) рывком ввысь, к звёздам. Самым безумным аспектом работы оказалась творческая помощь от компьютера. Выбрав для напитка шесть вкусов, я понял, что подсевший на него парнишка дал бы смеси из них всех особое имя. Я решил взять шесть первых букв от каждого из фруктов, чтобы составить из них новое слово. Наилучшим, на что я был способен, оказалось что-то вроде *Solcal* (ещё одно «л», насколько я помню, отвечало за лайм). Разумеется, стоило скормить текст спелчекеру, он тут же ухватился за странное слово и поинтересовался, не заменить ли его на *Solace***. Я ответил, ну ещё бы, конечно, да! Теперь оставалось найти фрукт, который начинался бы на *E*, придумалась бузина*** (*elderberry*), результат налицо — рассказ благодаря технологии сделался неизмеримо лучше.

** Это издание, дополнительно окаламбуренное, появляется в одном из рассказов, цитирую сноску оттуда: «Большое дело» (англ. The Big Issue), специально издаваемый журнал, который бездомные продают для заработка. Дополнительно — потому что и само название в этом отношении вполне годное, Issue в нём вполне можно прочитать и как экземпляр журнала.*

*** Т.е. «отрада», которую, получается, ищет персонаж.*

**** Прямо скажем, не самый характерный вкус для газировки. Переводчик, впрочем, угодил в точно такую же ловушку, когда, уже придумав — «вручную», без помощи спелчекера! — слово, был вынужден мучительно искать мало-мальски правдоподобный фрукт на букву «т».*

03 – Отворены покои ночи: (*The Cabinet of Night*)

Безусловно, один из моих любимцев. Если бы мне потребовалось выбрать для сохранения в веках единственный пример своего текста, этот был бы среди основных соискателей. Любопытно проследить, что именно вызвало его к жизни. Как-то я читал эпический ревизионистский вестерн Ларри Макмертри [*Lonesome Dove*](#)^{*}, где один из основных персонажей, женщина, оказывается в руках злодеев. Её привязывают к седлу и гонят через пустыню туда, где, она понимает, её не ждёт ничего хорошего. В забытьё она думает о том, как здорово было бы умереть. Вернее, сказано примерно так: «Будь у неё возможность убить себя усилием воли, она бы так и сделала. Но подобного выхода, разумеется, не существовало». Я прочитал эти слова, несколько предложений за ними, потом вернулся обратно, чувствуя внутри необычное возбуждение. А

если бы возможность была? То самое Большое Если. Если бы она могла убить себя, попросту того пожелав? Дальше мои мысли двинулись по расширяющейся спирали: что, если так мог бы поступить любой, если бы любой человек мог себя убить, вполне безболезненно, просто отключить телесные механизмы? Что, если в теле действительно существовал бы подобный выключатель? Что, если он был бы естественной частью физиологических процессов? Но раз так, отчего об этом никому не известно? Хорошо, речь о засекреченном знании, власть имущие приняли меры, чтобы держать его в тайне. Здесь уже несложно вообразить заперщённую книгу, в которой излагается метод, а дальше — представить себе последствия того, что он сделается общеизвестным. Незаконные писания и тайные ритуалы навели на мысли о Хорхе Луисе Борхесе, и меня немедленно понесло. Я решил без тени стеснения написать рассказ в его стиле. Мало того, рассказ более или менее сам себя написал за какой-то день — верный признак того, что идея рабочая. Единственное, о чём я в его отношении сожалею — несмотря на то, что он идеально подходит для чтения перед слушателями (с учётом природы ритуала, его театральности), мне довелось это сделать лишь однажды. Откровенно говоря, он чуть сложноват и чуть длинноват для восприятия живой аудиторией. Досадно, но я уверен, что рано или поздно попробую ещё разок. Персонаж рассказа Т. П. Лехнер отчасти списан с Тимоти Лири. Я думал при этом о его версии «Тибетской книги мёртвых» в качестве руководства к ЛСД-трипам.

** Едва удержался от вызванного контекстом соблазна перевести название какой-нибудь «Одинокой голубкой» — оказывается, это название городка в Техасе.*

04 – И никакой слежки: (*Super-Easy-No-Tag-Special*)

Простой рассказик без особых претензий, если не считать основной метафоры. Я всегда обожал викторианские «Рассказы о призраках» пера М. Р. Джеймса и нередко задавался мыслью развить его идеи в современном ключе. Газетная заметка о слежении за преступниками посредством браслетов высекла искру, показав, как в нынешнем мире могло бы зародиться что-то вроде техно-призрака. [«Стрэнджуэйс»](#) — реальное и весьма примечательное* название тюрьмы в Сэлфорде, на противоположном берегу от Манчестера. *The Smiths* назвали в её честь свой последний альбом**.

* Действительно примечательное, тут не поспоришь, как раз в нуновском духе. Strangeways может означать что угодно в диапазоне от «чуждых путей» до «странных способов».

** Strangeways, Here We Come (1987), последний (не на момент замечток, а вообще) альбом в дискографии группы.

05 – Альфабокс (серия рассказов)*: (Alphabox)

Всё началось со сна, который мне приснился, когда я работал в манчестерском книжном магазине сети «Уотерстоун». Я провёл там пять лет, и в последний год написал [«Вирт»](#). Сон о человеке, который носит по городу ящик с буквами, довольно очевидным образом отражает моё разочарование тем, что, работая среди множества книг, я пребывал пока не в состоянии написать собственную. Черновик был написан от первого лица, рассказчик — мужчина, примерно тот же, что и в рассказах про невидимые часы. Отчего-то это показалось мне слишком личным, а перемена на изложение от третьего, женского лица придала тексту необходимый оттенок волшебной сказки. Третий, последний эпизод непосредственно переходит в «Младшего сутенёра». Я попытался тем самым внести в литературу концепции из танцевальной музыки. Не думаю, что это сработало, и, будь у меня шанс вернуться обратно, я бы почти наверняка избавился от этих переходов.

* Рассказ в книге разбит на три части, перемежающиеся другими рассказами, комментарий относится сразу ко всем.

06 – Метафоразин: (Metaphorazine)

Бомба! Я эту работу всецело одобряю, несмотря даже на то, что она не всегда придерживается устоявшихся принципов английской грамматики. Педанты, берегитесь — ваши мозги готовы удушить ваше сердце. Разумеется, одна из любимых вещей для исполнения вслух, хотя ей лучше предпослать вступление, а не начинать без подготовки. Я рассказываю историю о том, как меня навели на идею две заметки в прессе: одна насчёт того, что подрастающее поколение уже не заучивает основ грамматики, да и не читает; другая, что среди молодёжи растёт потребление наркотиков. Я объявляю, что очевидным решением обеих проблем является их объединение, и представляю рассказ как руководство по английскому языку для поколения «химиков». Что, конечно, совершеннейшая чушь. Идея произошла из того, что в голове у меня как-то

возникло слово «метафоразин» и я попытался разобраться, что оно могло бы значить. Но мне никогда не забыть тот день, когда я писал рассказ, переполнявшее голову беспримесное возбуждение тем, что я создаю. Язык, восстань!*

** По-английски отсылка к «Лазарь, восстань!» чуть более очевидна.*

07 – Альфабокс (2): (Alphabox)

08 – Qwerty-фобия: (Qwertyphobia) [*“Фобия Гутенберга” в ориг. переводе статьи*]

Вроде как ничего. Идея хорошая, но всё можно было сделать тоньше. Было странно читать потом в интервью с Фэтбоем Слимом о том, что его звали Квентин* и что он настолько ненавидел это имя, что сперва сменил его на Норман Кук, а потом на Фэтбой. Может, есть смысл переслать ему рассказ? Слово *qwerty* представляет собой первые шесть букв в стандартной английской раскладке клавиатуры.

** В рассказе много всего, включая название, завязано на сравнительно редкую в английском языке букву Q, с которой начинаются, в числе прочего, имя Quentin и «слово» qwerty. С буквой K в переводе нужный трюк провернуть бы не удалось, как и с Й из «йцукен», так что пришлось повертеться.*

09 – Альфабокс (микс) (3): (Alphabox (in the mix))

10 – Младший сутенёр: (Junior Pimp)

Ключевой текст. История, болтавшаяся у меня в голове не один год. По-моему, в своё время кто-то в Голливуде снял кино под названием «Юный доктор», или «Юный врач», или «Юный кто-то там», и у меня в сознании зажглась картинка. Помню, что сначала пытался сделать из неё театральную пьесу, потом — киносценарий, но далеко дело не пошло. Оказалось, что в «Пиксельном соке» ей самое место. Я испробовал несколько голосов: внутренний монолог от первого лица, рассказ приятеля, полицейский рапорт — пока не натолкнулся на идею исповеди в жёлтой прессе. Дело сразу же сдвинулось с места, и всё оказалось довольно легко. Мне нравится структура и то, как отдельные подробности сцепляются одна с другой: в этом отношении нарратив вполне традиционен. Некоторые читатели находят рассказ не вполне пристойным,

им от этого неуютно, что, безусловно, входит в замысел. В таких делах лучше без обвиняков. Я также склонен считать его главной темой невинность. Мне особенно нравится концовка, последняя фраза. Это мой небольшой пинок под зад всей этой «культуре вины», «культуре жертвы». Иногда, видите ли, приходится пройти через дурное, чтобы достичь хорошего. Что-то в этом духе. Короче говоря, «Младший сутенёр» — первая из историй Шекспировского микрорайона, которые все о том, как дети растут, меняются под действием обстоятельств, учатся жить по-новому. Я сам вырос в Эштон-андер-Лайне совсем рядом с Манчестером, ближайший жилой район назывался Кроу-Хилл, а все улицы там носили географические названия из Озёрного Края*: Пенрит-авеню, Уиндермир-кресент, Кесуик-авеню и тому подобное. Убогие улочки пролетарского района — с именами прекрасных озёр! Некоторые сцены списаны с реальности: скандалы и всё такое, а также тот факт, что я неплохо рисовал. Я копировал полуголых женщин с рекламных изображений, посредством карандаша лишал их остатков одежды, вот это всё. Делал картинки для других ребят из школы, чем приобрёл немалую популярность! Однажды нарисовал довольно крупный экземпляр на классной доске перед самым приходом учителя. За что меня как следует отругали и потащили к директору. О да, я был Младшим Порнографом! Как вам подобная исповедь?

** Воспетый поэтами регион в графстве Камбрия, популярный ныне среди туристов.*

11 – Заброшенное снаряжение: (Shed Weapons)

Целиком правдивая история из моего детства. Вернее, две или три отдельные истории, собранные воедино. Я придумал её как-то вечером в пабе. Кто-то задал мне своеобразный вопрос о том, каково это — писать, я принялся импровизировать, рассказывать вот эти истории, показывать, как простые идеи можно объединить, чтобы результат сделался ещё интересней. Повторюсь, история целиком правдивая, если не считать одной картины. Мух в коробке в самом конце не было, только куколочки.

12 – Гомо-караоке: (Homo Karaoke)

Я называю рассказы такого рода «невидимой мангой». В первом черновике «Пикселя» на этом месте стоял рассказ [DJNA](#)* из антологии [«Диско-печенье»](#). С тем было две проблемы: мне он никогда особо не

нравился, и к тому же меня не оставляло чувство, что слишком многие его уже видели. Поэтому, когда [«Городская жизнь»](#) (манчестерский журнал объявлений) обратился ко мне за рассказом, сочинилось вот это. Очередной рассказ, выросший из названия, и первый из рассказов о «внутренней музыке». Значительной долей своей атмосферы он обязан прочитанной мной книге Майкла Брэйсвелла [«Англия принадлежит мне»](#), где он изучает способы выражения «английскости» в поп-культуре и необычную природу «пригородного рока». В рассказе мне нравятся начало и конец. Насчёт середины, особенно сцены битвы, я не столь уверен. Хотя картинки получились неплохие. Для меня этот рассказ является идеальным примером «проблемы» с рассказами Джеффа Нуна, а именно: как их, чёрт побери, следует читать? Если подойти к чтению поверхностно, можно решить, что рассказ о музыке, о клубной культуре, жизни диджея, виртуальной реальности и прочем в том же духе. Но на самом-то деле это лишь приправа, если угодно, конфетти. Ключом станет внимательное чтение концовки, а затем мысленное возвращение к сцене, в которой рассказчик возвышается над Манчестером. Это на самом деле? Он и вправду там? Или это лишь его фантазия? Решать читателю, но я должен сказать, что в самом своём сердце это, как и многие мои работы — история любви. Она — о человеке, способном овеществлять свои мысли и фантазии. Он заставляет возлюбленную появиться изнутри себя самого. Концепция, если задуматься, неслабая. Я показал рассказ Майку Брэйсвеллу, и он сразу же уловил, в чем его соль: это, говорит, твоя версия *In Every Dream Home a Heartache*** *Roxy Music*. В точку!

* Если это вдруг не очевидно, то тут очередная нуновская штука, комбинация диджея (DJ) и ДНК (DNA).

** Очень условно говоря — современная версия Пигмалиона, в которой Галатея не ожила.

13 – Даб*-караоке (электрический хайку ремикс): (*Dub Karaoke (electric haiku remix)*)

Первый из ремиксов. Первый шаг на пути, который, подозреваю, окажется для меня довольно долгим и, надеюсь, увлекательным. Что тут происходит — я беру рассказ «Хомо караоке» и разделяю прямо на экране на самые существенные сцены. Их разбираю на отдельные слова и фразы, жонглирую ими, присматриваясь, не случится ли новых совпадений. Начинаю собирать заново. Фразы стали естественным образом складываться в стихи из трёх строчек, и я понял, что фактически пыта-

юсь писать хайку, разновидность японской поэзии. Дальше дело лишь за тем, чтобы заставить их работать вместе как страница, как текст, как отблеск нового смысла. Я прекрасно понимаю, что некоторые такого совершенно не поймут, но беспокоиться нечего. Все мы пляшем под разные барабаны. Как я только что выяснил из словаря, хайку означает «стихи для развлечения». Это в некотором смысле рифмуется со странными музыкальными рекламными объявлениями из предыдущего текста, которые были задуманы как примеры плохих переводов с японского, наподобие тех, что можно застать в инструкциях к технике. Так что всё это (совершенно случайно) обретает смысл!

** Довольно многозначный термин из современной звукозаписи и музыки, который, огрубляя, означает пересведение, перемикиширование уже существующей записи.*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПРИТЯЗАНИЯ ИНФЕКЦИЙ

14 – Жук-компас: (*Bug Compass*)

Этот рассказ, само собой, из любимых. Он много для меня значит — в эмоциональном, то есть, отношении. Во время тура в поддержку «Пикселя» я глубоко им проникся, просто читая его вслух и полностью вкладываясь в чтение. Когда я исполнял его в Манчестере, к концу в зале стояла мёртвая тишина, а у меня на лице были слёзы. Странное дело. Короче говоря, он получился, когда я писал пьесу по «Вирту» для театра «Контакт», где спектакль должен выйти где-то году в двухтысячном. В пьесе всевозможные автомобильные погони и перестрелки приходится заменять эмоциями, перенося фокус на человеческие отношения. А главные отношения в пьесе, как и в книге — между Писакой и Жуком*. То есть, что там на самом деле такое происходит между этими двумя? В этом заключается подтекст. Сам же рассказ вырос из заброшенной первой главы одного романа, той первой страницы, где описана охота на жуков. Я поменял имена на Жука и Писаку, дальше было легко. Мне нравится ритм вальса, три четверти, в первой фразе**. И та строчка ближе к концу, где о мёртвом насекомом говорится: «Жуки долго не живут, так ведь?» Прочитав её, нужно вспомнить про «Вирт».

** Переводивший «Вирт» Алекс Керви оставил эти два имени, Скриббл и Битл, без перевода. (После чего был вынужден растолковывать значение одного из них в сноске.) В рассказе, где речь в числе прочего как раз идёт о происхождении этих имён, мне показалось уместным поступить иначе.*

*** Увы, не сохранившийся в переводе. Там всего-то четыре стопы анапеста, но, чтобы в них заметным читателю образом попасть, всё-таки требуются короткие английские слова.*

15 – Фетиш-кабинка №7: (*Fetish Booth #7*)

Насчёт этого рассказа я не слишком уверен. Там, по сути, нет истории, только последовательность событий и затем мрачный конец. Если бы я взялся за ремикс, то последовал бы вместе с Янусом за штору, посмотрел, что его там ждёт, и, быть может, позволил ему как-то избежать предназначенной судьбы. Каким-нибудь сверхъестественным образом. Или же нет. Кто его знает. Но мне всегда грустно убивать персонажей без явной на то необходимости. Рассказ следует читать тандемом с «Тень где-то рядом», действие обоих происходит одной и той же ночью, накануне Нового года, достигая кульминации с первым ударом часов.

16 – Сутенёр! — настольная игра: (*Pimp the Boardgame*)

Странный рассказ. Что заставило меня его написать? Толком не знаю, если честно. Просто меня посетила безумная идея, и я попытался что-то из неё сделать. По-моему, в нём есть определённая ценность, некая скрытая истина. А ещё он в известном смысле жесток. По большому счёту всё там держится на «Дополнительных правилах». А, и еще он, конечно, намекает, что Янус Фонтейн из предыдущего рассказа мог и выжить.

17 – Хромософт Миррорс (v.4.2): (*Chromosoft Mirrors* (v. 4.2))

Многие утверждают, что им понравилось. Началось всё с разочарования тем, что разработчики компьютеров никак не решатся на скачок, просто продолжают ковыряться в традиционных концепциях. В черновике рассказ так и назывался *Microsoft Mirrors*, но издателя это несколько обеспокоило. Я взялся за анаграммы, придумал *Cromisoft*, а уже оттуда произошло нынешнее название. Рассказ связан с концепцией дронов из «Вирта» и [«Пыльцы»](#), небольшого процента населения, более неспособного видеть сны. А также со следующим из рассказов...

18 – Шагающие по облакам: (*Cloudwalkers*)

...в котором снова появляется персонаж, неспособный видеть сны, или, в данном случае, неподвластный действующей на подсознание рекламе. Я всецело осознаю, что рассказ для столь простой и отчасти клишированной темы слегка длинноват, но мне он нравится. Особенно концовка, и я надеюсь, что шок от неё в какой-то мере компенсирует затянувшуюся экспозицию. Один из примеров написанного мной, что называется, без разбега. Мне пришла в голову идея, и я начал писать. Без раздумий, без плана. Просто писал, слово за словом, пока не закончил. Так что концовка застала меня врасплох. По-моему, когда пишешь без подготовки, так всегда и выходит.

19 – Блурбы: (*Blurbs*) [*“Рекламки” в ориг. переводе статьи*]

Ну вот, мы добрались до подгруппы рассказов, темой которых является искусственная жизнь. Этот был написан для замечательных ребят из «Макулатурной фракции»* в одну из их вирд-антологий, [«Случайный фактор»](#). Ещё один пример рассказа, который сразу после написания нравился мне куда больше нынешнего. По сравнению с оригиналом это

значительно пересведенная версия, утратившая несколько заключительных страниц. Я предпочитаю думать, что так лучше. У рассказа три источника. Я читал [«Вне контроля»](#) Кевина Келли, книгу о новых технологиях и теории сложности, которая раз за разом использует улы и муравейники в качестве природных иллюстраций явления. Одновременно я читал рассказ под названием [«Короли-пустынники»](#) (автора, к сожалению, запомнил**) о странной новой породе насекомых. И, в третьих, писал блёрб*** для «Автоматической Алисы». (Именно так, нас просят писать блёрбы к собственным книгам!) Мне подумалось, какое это замечательное слово, сколь органически звучит****. И сразу же: прекрасное имя для насекомого. Вот так и рассказ получился. Разумеется, рекламные бабочки обрели истинную жизнь в [«Нимфомании»](#)*****, но родились они именно здесь.

** Знаменитый фильм Тарантино Pulp Fiction своим названием обязан всё же «макулатурному», а не криминальному чтиву. Русское название не то, чтоб плохое (даже напротив), но создаёт, так скажем, определённые неудобства последующим поколениям переводчиков, затерев первоначальный смысл довольно распространённого выражения и вынуждая жертвовать либо одной, либо другой отсылкой. Ну или сноски вот ставить.*

*** Нынешней известности Джордж наш Мартин тогда ещё достичь не успел.*

**** Термин почти уже устоявшийся и так или иначе не имеющий прямого русского аналога, но на всякий случай — речь о короткой рекламной вставке для книжной обложки, к содержанию, в отличие от аннотации, особого отношения не имеющей. «Великолепно! Оригинально! Со времён Толстого никто не писал увлекательней! Читал до утра, не мог оторваться. Иван Иванов».*

***** Слово blurb для английского языка довольно новое, выдуманно с нуля лет сто тому назад и звучит, наверное, и впрямь неплохо и «органически». Увы, для русской кальки несправедливо ни то, ни другое. В общем, в переводе рассказ зовётся иначе...*

****** ...и, как оказалось впоследствии при сверке с русским переводом Nymphomation (изданным как «Нимформация», но, насколько я в курсе, автор перевода Сергей Трофимов был на этот счёт иного мнения), мысли у переводчиков иной раз сходятся. В оригинале ассоциации, конечно, ещё богаче, учитывая, что рекламная листовка по-английски — flyer, нечто само по себе летучее.*

20 – Даб-блюрбы (пресс-релиз twister remix): *(Dub Blurbs (press release twister remix))*

Второй из ремиксов. Может, и не такой удачный, как некоторые иные. Но концепция начала развиваться, теперь каждой даб-версии следовало отыскать собственную форму, в данном случае это — пресс-релиз. Кое-какие картинки вполне удались: «Облако поглотило многообещающего юного тактика!»*

** Пожалуй что один из самых неподдающихся прямому переводу рассказов, кликбейтовые, выражаясь современным языком, фразы в двух языках всё-таки здорово отличаются. В оригинале на этом месте не совсем то же самое, но лобовой перевод вышел бы совершенно нечеловеческим.*

21 – Твидлы: (Tweedles) [*“Двойняшки” в ориг. переводе статьи*]

Написан для газеты [«Гардиан»](#), которая, хотите — верьте, хотите — нет, попросила у меня рождественскую историю. Рассказ был снабжён иллюстрацией, оказавшейся весьма в тему: главный герой несёт флаконы с парфюмерией, будто дары волхвов, а над домом застыла блуждающая звезда. Ещё один рассказ, выросший из названия*. И, в очередной раз, существенно пересведенный по сравнению с оригиналом.

** Отсылающего к Tweedle Dum и Tweedle Dee, персонажам кэрроловской «Алисы» — что для Нуна, как мы уже знаем, неудивительно. К сожалению, Труляля и Траляля из классического перевода Демуровой не оставляют особой возможности вытянуть эту отсылку.*

22 – Товар: Мэрилин Монро: (Product Recall Marilyn Monroe)

Не более чем шутка в струю к теме искусственной жизни.

23 – Экстравирт: (Xtrovurt)

Ещё один из любимых рассказов, который очень увлекательно читается вслух. Написан для фанов, которые не переставали требовать подробностей относительно робо в «Вирте», спрашивая, к примеру: «Это ведь не просто роботы, да?», на что я отвечал: «Ну, в принципе не совсем». Только я понятия не имел, кто они на самом деле такие! Вот для этих любопытствующих фанов я и написал рассказ, как и следующий за ним. Атмосфера позаимствована из моего первого турне по Соединён-

ным Штатам с чтением книг вслух, моих впечатлений от Нью-Йорка. Который я, к слову, обожаю, несмотря на не слишком аппетитный антураж рассказа.

24 – Душистая машина: (*The Perfumed Machine*)

В известном смысле — предыдущий рассказ, данный с более научной точки зрения. Его концовка и концовка *Chromosoft Mirrors* — намеренные отражения друг друга.

25 – Инструкция по эксплуатации: (*Instructions for the Use of*)

Моя версия «Секты юга»* Борхеса из его сборника «Вымышленные истории». Он поставил перед собой задачу описать ритуал, не говоря при этом, в чём тот, собственно, заключается. Не знаю, думал ли он при этом о каком-то конкретном процессе, только я-то безусловно знаю, о каком именно устройстве идёт речь в моём рассказе. Но, разумеется, не намерен открывать тайну.

* Речь почти наверняка о [«Секте Феникса»](#), впервые вышедшей на испанском в сборнике «Юг» и стоящей непосредственно перед одноимённым рассказом в последующем сборнике «Вымышленные истории», переведённом и на английский. То ли Нун что-то путает, то ли намеренно нас мистифицирует, то ли врут общедоступные библиографические данные.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: МАРШРУТЫ ЯДОВ

26 – Добраться живым домой (с переходом в микс): (*Getting Home Safely (in the mix)*)

Ещё одна история из жизни. Или, вернее сказать, сон из жизни. Который приснился мне довольно давно и с тех пор не отпускал. Я склонен считать его одним из самых ранних отправных пунктов, из которых выросла концепция «Вирта».

27 – Пиксельное лицо: (*Pixel Face*)

Ключевой текст. Ещё одна возможность взглянуть на юные годы и свершения мисс Хобарт, и, само собой, Джазира Малика. Но главное здесь — это голос, голос рассказчика. Когда пишешь рассказ или даже роман, первое дело — выбрать для него подходящий голос. Вслух я его читаю с дурацким манчестерским акцентом, и аудитория помирает со смеху, особенно на первой странице. И ещё мне нравится мораль рассказа, замкнутая на себя мораль группы отморозков. Чтобы писать, нужно быть открытым новым идеям. Нужно уметь, смотря по телевизору передачу, где лица юных преступников закрыты размытыми пикселями, задать себе вопрос: «А что, если на самом деле там чье-то чужое лицо?» У меня нет специальных рецептов относительно того, как научиться генерировать идеи, но я знаю, что чем больше ты это делаешь, тем лучше у тебя получается. Довольно скоро ты уже почти ни на что не можешь смотреть, не задавая себе вопроса: «Что, если?» Что, если, что, если, что, если. Когда главная картинка зафиксирована, ты решаешь, к какому месту рассказа она относится, в чём её эмоциональное значение, а дальше уже пишешь о том, что было до, и о том, что после. «Крылатый мой охранник в колеснице» — искажённая цитата из стихотворения Эндрю Марвелла «К стыдливой возлюбленной»*.

** Как и отмечено должным образом в сноске к рассказу.*

28 – Стигмата: (*Stigmatica*)

Побег, пущенный в сторону предыдущим рассказом. Несложная переделка старой, старой темы. Каинова печать. Помню, как-то читал рассказ про парня, который убил мастера татуировок, после чего обнаружил, что татуировки начали расти прямо у него на теле*. С моей стороны фактически — бесстыжий плагиат.

* Чем-то похоже на [«Иллюстрированного человека»](#) Брэдли, но вряд ли оно, пусть выглядит и знакомо.

29 – Аутопсия колибри: (*Autopsy of a Hummingbird*) (“Вскрытие свистящего” в ориг. переводе статьи)

Самое любимое из моих названий*. Сам рассказ не вполне его достоин, и задним числом я теперь не вполне уверен и в его сексуальной подоплёке. Как ни странно, вырос он из истории про «Экстравирт»: идея заключалась в том, что у каждого робо внутри имеется подобная машина, а кормить её следовало через рот на животе. Робо по какой-то причине называли устройство «сутенёром», понятия не имею, отчего. Так или иначе, идея убежала из рассказа, чтобы зажить собственной (не вполне пристойной) жизнью. Что хотите, то и думайте.

* И, разумеется, уже в силу этого – кошмар для переводчика. Хотя что-то вроде бы вытянуть удалось.

30 – Из книги о нимфоматизации: (*from The Book of Nymphomation*)

Очень ранний и очень отличающийся от заключительной версии черновик «Нимфоматии» должен был включать в себя страницы из этой загадочной энциклопедии. Здесь — всё, что я успел набросать.

31 – Тень где-то рядом: (*Somewhere the Shadow*)

Что сказать по этому поводу? Рассказ писался в самых причудливых чувствах. Всё вновь разворачивалось в процессе, без первоначального плана. Идея пришла, когда я оговорился, произнося слово «феромоны». Феро-номы. Феро-гномы*. Вот так совершеннейшая банальность порождает извращения. Вместе с «Экстравиртом» и «Аутопсией колибри» я классифицирую этот рассказ как очень «английский», поскольку он затрагивает нашу национальную фиксацию на сексуальности как на чём-то отдельном от тела. Я мог бы рискнуть заявлением, что пытаюсь исцелить этот болезненный разрыв тем, что помещаю его в фокус. Вот только я не слишком уверен, насколько такого «помещения в фокус» достаточно. И ладно бы только это, дальше я ввожу в рассказ серийного детоубийцу. Что вряд ли повышает шансы. Оправдывает ли концовка всё это валяние в грязи? Не знаю, но хотел бы сказать, что считаю свою работу морально оправданной. И поэтому, наверно, никогда не напишу ничего

«сомнительного»; как бы глубоко я ни погрузился во мрак, я постараюсь дать истории ту или иную возможность вытянуть себя наружу. Показать отблеск надежды. Кондитерская фабрика, появляющаяся в этом и некоторых других рассказах — это фабрика «Маквитиз», неподалёку от которой я жил в Манчестере. До неё была добрая миля, но в определённое время, отчего-то чаще всего по ночам, к нам доносился производственный запах. Воздух заполняли густые ароматы пшеницы, овса и шоколада. Полицейскую зовут Кинси в честь знаменитых «Отчётов Кинси» о сексуальном поведении человека.

** Начальное «g» в английском слове gnomes не читается. Скажем, в одной из повестей Баума подземные карлики так и зовутся pomes.*

32 – Зов странности: (Call of the Weird)

Один из моих первых рассказов, написанный для «Большого дела». Он мне до сих пор нравится, пусть даже из чисто сентиментальных побуждений. Версия для «Пикселя» несколько отредактирована.

33 – Даб-шиз-даб (ремикс ползучего короля-пса): (Dub Weird (crawling kingdog remix))

Просто забава. Я исполняю его вживую, то есть пою. Вернее, напеваю. Аудитория всякий раз в шоке, возможно, из стыда за меня. Я ведь, по сути, не умею петь. Если б умел, то не писал бы. Всё, что я делаю — это фактически моя попытка запеть. Не забывайте про то, читая мои творения, в этом — истинный к ним ключ. *Natty furlocks and ting* — фраза в стиле регги. Примеры её правильного использования можно найти в хите Антеи и Донны *Uptown Top Ranking**.

** Если последовать этой рекомендации, можно прийти к выводу, что and ting в данном случае — «неопределённый артикль», что-то наподобие «и вообще». Но фраза в любом случае выпала из перевода, со стихами, особенно «размерными», оно неудивительно.*

34 – Машина харизмы: (The Charisma Engine)

Происхождение этой вещи довольно занятное. Меня попросили написать рассказ для ежегодной антологии новой литературы Британского совета. Я сочинил нечто довольно сложное с участием виртуальных скейтбордистов и детей, лишённых тени, увязав всё это с безумной идеей зловещей компании, пытающейся вернуть к жизни принцессу

Диану! Ну да, была годовщина её гибели, которая навела меня на мысль, что харизма являет собой форму энергии. Та, кого чаще всего на свете фотографировали, всё такое. Я показал рассказ нескольким людям, все они сказали, что это уже лишнее, это чересчур. Тогда я убрал все отсылки к концентратору харизмы, оставив рассказ [«Девушки забвения»](#), опубликованный в восьмом выпуске антологии [«Новая литература»](#). Идея же с харизмой некоторое время провалялась в виде кипы заметок, пока меня не посетила мысль изложить её в форме пародии на Герберта Уэллса. Не то чтобы я был в таком особо силён, но, как я уже упоминал, мне хотелось продемонстрировать в «Пиксельном соке» все свои таланты, что подразумевало и разнообразие стилей. Мне кажется, там есть довольно удачные строки, и в целом ощущение тоже достаточно мощное. Забавно, сколь немногие обратили внимание, что рассказчика в этой истории зовут Ньун.

35 – Космическая тоска и сердца-корабли: (*Spaceache and Heartships*)

Эта картина (мальчик с луной в животе) сидела у меня в мозгах не один год. Время от времени я делал очередную попытку куда-нибудь её пристроить. Не уверен, насколько оно мне удалось в этой версии, может статься, она слишком легковесна, чтобы передать истинную поэтическую мощь картинки. Ну, хоть название хорошее. Селена — богиня луны у древних греков. Финальная строка — бесстыжий оммаж Дж. Г. Балларду*. На мой взгляд, это самый «странный» из рассказов сборника. Дальше градус снижается, мы берём курс обратно к Земле.

** К сожалению, переводчик не может похвастаться, что определил «источник» для оммажа.*

36 – Даб-корабли (блюз для пропавшего астронавта): (*Dubships (blues for a lost astronaut)*)

Это мой самый любимый их всех ремиксов, в том смысле, что он, на мой взгляд, действительно добавляет нечто к самому рассказу — если угодно, даёт ему душу и сердце. Его мне тоже доводилось «петь» во время живых выступлений. Иногда меня спрашивают: для кого я пишу? Есть ли у меня конкретное представление об идеальном читателе? Ну так вот, представление имеется. Это не реально существующий человек, просто образ у меня в голове. Читательница, ей двадцать один год, и она подмечает все до единого нюансы в моих работах! Вот вам иллюстра-

ция: первая часть «Пиксельного сока» носит название «Ароматы иллюзий». В «Даб-кораблях» присутствует строчка «иллюзия взлёта». Идеальная читательница тут же замечает каламбур: *illusion's ascent* это всё равно что *illusion's a scent*. Иллюзия как аромат, иллюзия как запах. Но если связь вам в глаза не бросилась, переживать не стоит: идеальная читательница — персонаж мифический*.

** А идеальный переводчик — тем более. В данном случае его хватило лишь на то, чтобы достаточно буквально воспроизвести строчку оригинала, поскольку чувствовалось, что про иллюзии там неспроста. А вот будь он тем идеальным читателем (или своевременно натолкнись на «Выжимая пиксели»), вот тогда пришлось бы ещё как помучиться.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ: ОБЪЯТИЯ ОТРАЖЕНИЙ

37 – Образцы: (*Specimens*)

Этого рассказа я всегда немного стеснялся, мне он кажется слегка «недозрелым», если вы понимаете, о чём я. Всё равно что неудачная картина Сальвадора Дали. Но он собрал столько положительных отзывов от самых разных людей, что я начал подозревать, будто случайно докопался в нём до каких-то глубин. Только не надо меня спрашивать, в чём его смысл, ответа я не знаю и знать не желаю. Это что-то наподобие визуальной поэмы. Отчего-то я чувствую в нём связь с «Шагающие по облакам». Похоже, действие обоих происходит в том же самом ментальном ландшафте. Предполагается, что этот и два последующих рассказа составляют трилогию.

38 – Призрачный ноль: (*Creeping Zero*)

Этот удался, мне он нравится. Во время чтений я всегда представляю его как рассказ, наилучшим образом передающий мои чувства по отношению к Манчестеру (в дождливый день). Началось всё с первой строки, «Этой ночью мы взяли пятерых», надолго застрявшей у меня в голове. Я был обязан дать ей голос, позволить высказаться, изложить свою историю. Которую не назовёшь особо милой, а последние события наподобие взрывов начинённых гвоздями бомб в Лондоне* заставили меня пересмотреть её смысл. В определённом отношении совершенно неважно, кого они там ловили, важен сам внутренний голос молодого человека, соглашающегося со своим местом, своей ролью в обществе. Это рассказ о том, как мальчики становятся мужчинами (а девочки женщинами) в мачистских городах наподобие Манчестера. Тем не менее не следует забывать и о действительном действии**, ведущем к означенному соглашению, к отказу от индивидуальности. Что именно оказалось утрачено, что обретено? Рассказ построен вокруг этого загадочного действия, и сообщить о нём слишком много означало бы попросту втиснуть историю в более тесную рамку.

* В 1999 году; взрывы, как считается, совершил неонацист-одиночка.

** Так в оригинале: actual act.

39 – Ползучий город: (*Crawl Town*)

Один из моих любимых. Последний из написанных для сборника. В последний момент я решил выкинуть оттуда один рассказ, и у меня

оставалась лишь пара дней, чтобы дать ему замену. Выброшенный рассказ назывался «Фабрика» и был написан на заказ для журнала «Арена», который не стал его публиковать. Чему я не удивлён и за что довольно-таки признателен, поскольку рассказ не особо удался. Я позаимствовал оттуда лишь центральный образ Фабрики, которая сама решает, что ей производить. Порывшись в своих записях, я обнаружил там начало другого рассказа (у меня множество неиспользованных начал), это как раз первый абзац «Ползучего». Меня вдруг осенило, что я мог бы соединить идею фабрики с описанным там местом. Дальше рассказ уже развивался естественным образом, я просто подхватывал по дороге идею за идеей, и, похоже, в тексте это заметно. Скажу лишь, что рассказ содержит мою любимую фразу, про холодильник и смытый унитаз. Концовка иллюстрирует концепцию, над которой я последнее время много размышлял: идею, что выход за пределы нарратива можно осуществить не только через событие, но и языковыми средствами. Положим, в конце девочка заглядывает внутрь сферы. Очевидно, я не хотел бы открывать, что там внутри. Напиши я попросту «Я заглянула в сферу», и у читателя, подзреваю, осталось бы ощущение анти-кульминации. Но я дал ей другую реплику, «Я прильнула к отверстию глазом, и игра началась.»*, что позволило истории вспыхнуть — дальше и выше. Такова, во всяком случае, моя теория. Мой старший брат Джимми участвовал в самых ранних разработках коммерческих роботов, и да, его первый прототип носил имя «Орис».

** У Нуна, конечно, более яркая (во всех смыслах), но не очень понятная и переводимая фраза, которую при попытке сохранить что-то в этом роде пожалуй что зарубил бы любой редактор.*

40 – Оргментации (в миксе): *Orgmentations (in the mix)*

Идёшь себе через Сохо в Лондоне, смотришь на молодёжь с металлическим пирсингом и вдруг задаёшься вопросом: «А что использовали бы в качестве пирсинга роботы?»

41 – Руки диджея: *(Hands of the DJ)*

Искорку заронил Кодво Эшун, теоретик в области танцевальной музыки. Я читал его статью о диджейской культуре, где он упомянул, что всё более возрастающая ловкость диджеев вполне может быть частью процесса эволюции. Хорошо, теперь попробуем довести эту мысль до логического (или же нет?) завершения. Я дописал рассказ почти до са-

мого конца, когда пора уже снимать вторую перчатку. Потом спросил у друзей, что на их взгляд под ней могло бы быть. «Бабочки», — ответил [Дуг Рашкофф](#), автор [«Клуба “Экстази”»](#).

42 – Бассовая пыль: (*Bassdust*)

В черновике — просто реклама порошка. Я должен был участвовать в чтениях в Брайтоне, и за вечер до того быстренько переписал рассказ, чтобы он годился для живого выступления. Слушателям понравилось, таким он и остался.

43 – В лимузине рок-звезды: (*Events in a Rock Star’s Limousine*)

Первый из тройки рассказов о зеркалах. И для своего размера довольно сложный, поскольку содержит в себе сразу три слоя: первая поездка, вторая поездка, научный отчёт. Все три истории излагаются одновременно. Искру высекла статья в журнале [Wire](#)*, в которой писатель и музыкант [Дэвид Туп](#) описывает поездку в автомобиле, когда музыка из кассетника случайно совпадает с различными моментами путешествия. По-моему, рассказ чем-то напоминает творения Балларда.

** Это британский музыкальный журнал, а не посвящённый технологиям американский Wired, как переводчик было вообразил.*

44 – Специальное предложение — Гипер-Алиса: (*Special Promotion Hyper-Alice*)

Ничего существенного. Разве что забавная сноска в конце.

** В издании 2012 года, с которого делался перевод (во всяком случае, в электронной его версии), никакой сноски нет, все кончается сравнительно банальным рекламным слоганом.*

45 – Осеребрение: (*The Silvering*)

Отличная концепция, но не вполне доработанная. Хотя, возможно, краткость здесь лишь на пользу. Я определённо не думаю, что мне прежде удавалось втиснуть столько идей в такой скромный объём. Вполне возможно, я к этой концепции ещё вернусь. В молодости мне довелось амальгамировать зеркала. При этом используется высокотоксичная химическая смесь, мы должны были носить такие специальные маски, чтобы пары не проникали в лёгкие. Только вообразите — лёгкие,

посеребрённые изнутри! Зеркальные лёгкие! Сами видите, процесс «что, если» совершенно неостановим.

46 – Пока всё не исчезнет: (*Before it Disappears*)

Возможно, самый научно-фантастический рассказ во всей книге. Не то чтобы это меня особо привлекало. Написан он был давным-давно (для студенческого журнала *Raise*), чуть ли не в другой вселенной. Но концовка всё равно хорошая и нужным образом подводит к окончанию самой книги. Сама мысль о том, что мысли* могут изыматься из обращения, одна за другой...

** И снова так в оригинале: The idea of packing ideas away.*

47 – Пиксельный даб-сок (ремикс от саблаймерикса): (*Pixel Dub Juice (sublimex remix)*)

Последний из ремиксов. Претерпевший в процессе немало изменений. Изначально это был ремикс всей книги, исполненный лично диджеем Пиксель Сок. Не сработало. Не помню уже, откуда взялась идея использовать формат лимериков. Мне нравится строчка про «алфавитную акробатику»*, которая выражает именно то, чем сама является, если вы понимаете, о чём я. Хорхе Луис Борхес, само собой, аргентинец. Иными словами, язык испанский, второе имя произносится с буквой «с» на конце. Разумеется, в таком виде оно ни с чем в стихе не рифмуется. Рифма работает, только если дать имени французское произношение, «Луи». Прошу меня за это простить, но получилось слишком хорошо, чтоб отказаться**.

** В переводе ставшую чуть менее очевидным «алфавитом в трико акробата». Переводя поэзию, да ещё в жёстко заданном размере, особо не разгуляешься, чем-то приходится жертвовать, но этим понятно что не следовало ни в коем случае.*

*** Переводчик в данном случае прекрасно понимает автора, поскольку ему тоже пришлось ради ритма/рифмы переименовать аргентинского писателя «Борхесом Хорхе», благо русский язык это в принципе позволяет.*

48 – Ночной шоппинг: (*Night Shopping*)

Первой читательницей моих работ всегда является Джулия, с которой мы состоим в гражданском браке. Обычно она оставляет очень объективные комментарии — откровенно указывает на ошибки, предлагает улучшения и т.п. Но когда я взял этот черновик, чтобы ознакомиться с

её комментариями, там прямо над заголовком большими красными буквами было написано «Как здорово!» Я был несколько ошарашен, только знаете что, она ведь права.

Эпилог: Часы (*Epilogue – Watch*)

И опять — чистейшая правда, клянусь. Я нередко задаюсь вопросом, чем теперь занимается юный жулик. Согласно последним слухам, продаёт «воздушные» гитары* на хэви-металлических концертах.

** Это такой вид танца, когда человек под музыку делает вид, будто играет на гитаре. Само собой, несуществующей.*